

С.М.МОРОЗОВ

ДИАЛЕКТИКА ВЫГОТСКОГО:

внечувственная реальность деятельности

Рекомендовано Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальностям психологии

МОСКВА

СМЫСЛ

2002

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие А.А.Леонтьева

ВВЕДЕНИЕ

с.4

Глава 1. МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

1.1.Диалектическая методология Л.С.Выготского

1.2.Определение понятия “единица психологического анализа”

1.3.Развитие единиц психологического анализа

1.4.Методология структурного анализа

Глава 2. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

2.1.Выготский и поведенческая психология.

2.2.Рефлекс – единица поведения

2.5.Инструментальный акт - единица произвольного поведения

2.6.Значение - единица речевого мышления

Глава 3. СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

3.1.Речь - модель деятельности

3.2.Источник активности - несовпадение объективного
значения и значения для себя

3.3.Значение и смысл

3.4.Деятельность как разворачивание смысла

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба психологических идей Льва Семеновича Выготского была и остается, как известно, непростой. Он прошел не только «огонь» и «воду», но и «медные трубы» - сейчас, пожалуй, не найти – и не только в российской, но и в зарубежной психологии – другого столь обильно (и обычно более чем сочувственно) цитируемого ученого. Литература о Выготском множится из года к году, и с каждым годом, к сожалению, научный облик Л.С. становится все более расплывчатым – каждый автор лепит этот облик по собственному образу и подобию, вырвав для этого отдельные мысли и высказывания Льва Семеновича и не обращая внимания на систему этих мыслей и ее внутреннее развитие.

С.М.Морозов поставил перед собой задачу, которая – в свете сказанного – сейчас стала особенно актуальной: вернувшись к самому Выготскому, раскрыть свойственную ему методологию психологического анализа (и онтологию предмета психологии). Мне представляется, что эта задача в книге решена, и решена успешно. Автору удалось обеспечить в своем тексте необходимую степень «остранения», объективизации, и поэтому в то, что он пишет о Выготском, охотно веришь.

У книги С.М.Морозова есть и еще одна особенность, в чем-то объединяющая его – *horribile dictu* – с самим Выготским. Это способность абсолютно спокойно, уверенно и профессионально оперировать материалом различных отраслей знания (впрочем, без такой способности за книгу о Выготском, наверное, не стоило и садиться).

Как мне кажется, книга Морозова очень полезна для студента-психолога, стремящегося не просто «выучить», а понять Выготского. А таких студентов становится все больше и больше.

Хотелось бы, чтобы то же можно было бы, наконец, сказать и про тех, кто пишет о Выготском...

А.А.Леонтьев

ВВЕДЕНИЕ

Имея конец пути, можно легче всего понять
и весь путь в целом, и смысл отдельных этапов

Л.С.Выготский

В конце XIX столетия наука подошла к рубежу, за которым начиналось «исчезновение бытия». Аналитические методы расчленили живое целое на мельчайшие «атомы», изгнав из науки саму жизнь. «Сложные образования и процессы разлагались при этом на составные элементы и переставали существовать как целое, как структуры. Они сводились к процессам более элементарного порядка, занимающим подчиненное положение и выполняющим определенную функцию по отношению к целому, в состав которого они входят. Как организм, разложенный на составные элементы, обнаруживает свой состав, но уже не обнаруживает специфически органических свойств и закономерностей, так и эти сложные и целостные психологические образования теряли свое основное качество, переставали быть самими собой при сведении их к процессам более элементарного порядка» (Выготский, 1983а, с.7).

Отказавшись от души, как предмета метафизического и чувственно непостижимого, многообразные психологические школы стали наперебой предлагать свои решения проблемы. Даже интроспекционисты предметом своего исследования считали только то, что дано нам нашими органами чувств¹.

Итогом всепроникающего эмпиризма стал известный кризис, охвативший психологическую науку. Философы заговорили о необходимости преодоления парадигмы интеллектуализма, о возвращении к «жизни духа»: «Высшей судебной инстанцией в делах познания не может и не должна быть инстанция рационалистическая и интеллектуалистическая, а лишь полная и целостная жизнь духа» (Бердяев, 1989, с.28).

¹ «Своим пониманием интроспекции Вундт зафиксировал элементаризм и сенсуализм, и в дальнейшем интроспекционизм в своих лабораториях неизменно обнаруживал сенсорные элементы, поскольку они были результатами «хорошего» наблюдения» (Боринг, 2002, с.32).

Впрочем, кризисные явления можно было обнаружить и в традиционных естественных науках. Проблема разведения фенотипических и каузальных понятий (Левин, 2001) нашла свое проявление в возникновении генетики и квантовой физики. Но в физике и биологии существовал чувственно-воспринимаемый предмет исследования. У психологов такого предмета не было.

Так было в начале прошлого века, когда Выготский заявил: психология смешивает бытие и явление. Словно заклинание воспроизводит он цитату из Маркса: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (Маркс, Энгельс, 1963, с.384; см.: Выготский, 1982а, с.141, с.413; Выготский, 1982б, с.223; Выготский, 1983а, с.98; Выготский, 1983б, с.154; Выготский, 1984а, с.73). Изучая явление, все психологические школы считают его предметом своего исследования, в то время как предмет психологии на самом деле лишь феноменологически дан нам в чувственном восприятии. Психология лишь на основании «кажимости» должна делать выводы о бытии. Поэтому она в принципе не может быть эмпирической наукой (то есть наукой, изучающей чувственно данные объекты). Необходима особая теоретическая психология, которая только и может быть общей психологией, построенной на базе диалектического материализма, то есть психология может быть только психологией диалектической. Основой системы взглядов Выготского выступала диалектическая идея. Все остальные теоретические конструкты – в том числе и тезис о культурно-историческом² развитии человека и его психики –

² Термин – «культурно-историческая теория Л.С.Выготского» - приобрел с годами устойчивый характер. Однако, имеется ряд аргументов, заставляющих терминологически отграничить теорию Выготского от иных культурно-психологических подходов современной психологии. Теория (и методология) Выготского, на наш взгляд, существенно отличаются от всего, сделанного до (и после) него. Иногда исследовательская программа, осуществлявшаяся Выготским и его единомышленниками в 1926-28 гг. (см.: А.А.Леонтьев, 1983), принимается как главное достижение Выготского и его научной школы. В то же время, в современной российской психологии, прежде всего усилиями А.Г.Асмолова (2001; 2002) и В.П.Зинченко (1996а;б; 2000), формируется культурно-историческая психология, которая, безусловно, базируясь на идеях, высказанных Выготским, содержательно выходит далеко за пределы теоретических конструкций, им созданных. Кроме того, в современной психологии (европейской и североамериканской) существует культурно-

носили подчиненный характер по отношению к этой основной идее. Об этом, собственно, и пойдет речь в этой книге.

Авторы статьи, опубликованной в 1981 г. (Лучков, Певзнер, 1981), подчеркивая, что творчеству Л.С.Выготского посвящены всего лишь одна книга (Брушлинский, 1968) и одно диссертационное исследование (Радзиховский, 1979), призвали поддержать призыв А.В.Петровского (1967) посвятить Выготскому не одну историко-психологическую монографию, дабы «вернуться к Выготскому (или вернуть Выготского)» (Лучков, Певзнер, 1981, с.61).

За прошедшие десятилетия многое изменилось. Статьи, монографии, диссертации, содержащие анализ психологической системы Выготского, исчисляются десятками, а может быть, и сотнями. Кажется, к сказанному добавить уже нечего. И все же идеи «Моцарта в психологии» (Тулмин, 1981) привлекают все новых и новых исследователей.

Споря о том, кто же такой Выготский – символист или бихевиорист, интроспекционист или когнитивист, психолог, культуролог или методолог – психологическое сообщество так и не смогло придти к однозначному выводу. Главная причина подобного положения видится в фундаментальности самой теории Выготского, ее принципиальной несводимости к тому или иному стереотипу, к той или иной из существующих в современной психологии схем.

Если мы попробуем проанализировать отдельные «куски» психологической системы Выготского – статьи, книги и даже целые теоретические построения, созданные в разные периоды времени, - то неизбежно придем к выводу о его «ориентации» на одну из известных нам теорий. При рассмотрении статей Выготского, опубликованных в 1924-25 гг., может показаться, что истоки его теории – в бихевиоризме. В то же время, «надо обладать удивительным воображением, чтобы распознать в авторе «Психологии искусства» (1925) бихевиориста» (Мещеряков, Зинченко, 2000, с.114). «Мышление и речь» писал психолингвист, причем придерживающийся «конвергенционизма» в четвертой главе и поэтики – в седьмой³.

историческая школа, некоторые положения которой отличаются от принципиальных представлений Выготского (см.: Дорфман, 2001, с.21-23). Поэтому в данной работе мы предпочитаем употреблять термин «психологическая система Л.С.Выготского», считая понятие «культурно-историческая теория» не столь определенным, как это было несколько десятилетий назад.

Из сказанного можно сделать два вывода. Либо Лев Семенович Выготский на протяжении своего непродолжительного творческого пути с легкостью менял свои научные взгляды. И тогда удивительным выглядит интерес, который проявляют к нему серьезные психологи. Либо существуют изъяны в методологии «выготсковедения». А это означает, что необходимы новые попытки разобраться в принципах построения теории Выготского.

Анализ той или иной концепции может быть проведен на основании различных методологических установок. Можно, в частности, выделить три способа интерпретации концепций: а) в соответствии с одной установкой «внутриконцептуальной» позиции «интерпретатор видит свою задачу в том, чтобы достроить здание концепции, не завершенное, по его мнению, автором»; б) с точки зрения «надконцептуальной» позиции, «ценностью для исследователя-интерпретатора будет сохранение (точнее восстановление) целостности реконструируемого мира концепции, завершенного по замыслу, хотя, возможно, и не достроенного в деталях»; в) «при «межконцептуальной» позиции происходит критика фрагментов концепции под углом зрения возможности включения их в собственную теорию» (Постовалова, 1982, с.7).

Вряд ли полноценный анализ может быть основан только на одном из перечисленных (или любых других) подходов. В то же время, та или иная преобладающая методологическая установка, «позиция», придает исследованию специфическую окраску. Используя описанную выше терминологию, можно сказать, что наш анализ прежде всего осуществляется с «надконцептуальной» позиции. Мы хотим, прежде всего, восстановить из сложной психологической системы одного из выдающихся мыслителей XX века главную линию и основное методологическое звено его исследований. Безусловно, в этом анализе будут представлены и элементы интерпретации с «внутриконцептуальной» позиции – в силу ряда причин система взглядов Выготского не может считаться завершенной. Наконец, трудно требовать от любого исследования, чтобы в нем отсутствовало влияние собственных взглядов автора⁴, его теоретических построений. Более того, такое требование абсурдно – одним из критериев научности является оригинальность излагаемого. Поэтому нельзя

³ Дж.Верч утверждает, что главы 5 и 6 «Мышления и речи» различаются тем, что в них принимается в качестве движущих сил развития: «продвижение» от «комплекса» к понятию или возникновение понятий в общественно обусловленной деятельности (Верч, 1996, с.60).

исключить из данной работы моменты «межконцептуального» анализа. Однако, в первую очередь, повторю, в ее основании – надконцептуальный анализ.

В этой связи можно вспомнить слова Г.Г.Шпета, сказанные по поводу метода, который он использует, анализируя теорию Гумбольдта. Шпет, по его собственному утверждению, «ищет только уразумения смысла высказанных Гумбольдтом идей и диалектического истолкования их, сперва в общем идейном контексте его времени (включающем в себя, само собой разумеется, как составную часть и всю предшествующую идейную историю), а затем и последующего времени, вплоть до определения места его идей в современном научно-философском мышлении... Выводы интерпретации здесь могут и должны идти дальше того, что *explicite* заявлено самим автором, они могут даже вступить в видимое противоречие с открытыми заявлениями автора, но их оценка и критика может и должна иметь в виду только одно: признание внутренней плодотворности или пустоты самих идей и чисто логическую возможность интерпретативных выводов» (Шпет, 1996, с.74).

Похожий метод применял А.Ф.Лосев, исследуя систему философских воззрений Платона. Вот как он излагал построение своего метода: «Мы должны рассмотреть каждый диалог Платона в отдельности и относительно каждого диалога решить вопрос: что он дает в смысле учения об идеях? А этот вопрос в свою очередь связывается с другими вопросами: в каком отношении, в каком логическом отношении этот результат данного диалога стоит к результатам всякого другого диалога? Ясно, что мы сразу же наталкиваемся на необходимость какого-то сравнения этих результатов и, след., какой-то их классификации. Эта классификация, конечно, не должна быть чисто формальной. Мы должны все время помнить, что перед нами – живое философствование живого человека и что, след., ему принципиально свойственен какой-то единый одухотворяющий центр, от которого и расходятся лучи – разной силы и разного смысла – по разным направлениям. Строго говоря, это уже не будет никакой «классификацией», ибо всякая классификация неизбежно статична и формальна. Но зато это было органической диалектикой философского развития Платона, органической диалектикой

⁴ Когда известного русского историка, профессора Московского университета Т.Н.Грановского обвинили в том, что история служит ему только для высказывания своего воззрения, он отвечал оппонентам: «Это отчасти справедливо, я имею убеждения и провожу их в моих чтениях; если б я не имел их, я не вышел бы публично перед вами для того, чтобы рассказывать, более или менее занимательно, ряд событий» (см.: Герцен, 1969, с.464).

его системы. Мы изучаем каждую мысль Платона отдельно; смотрим, как оценивает ее тот или иной исследователь; объединяем эту мысль с другой мыслью; смотрим, какой из прочих мыслей Платона она больше соответствует, получается ли что-нибудь целое из объединения разных мыслей или не получается, и если получается, то какое именно целое, с каким смыслом, значением и структурой» (Лосев, 1993, с.290-291).

В настоящем исследовании предпринята попытка разобраться в том, «какое именно целое, с каким смыслом, значением и структурой», представляет собой система психологических взглядов одного из величайших психологов XX столетия Льва Семеновича Выготского. Среди современных концепций сходный методологический подход видится в логико-семантическом анализе концепции Выготского, проведенном Б.Г.Мещеряковым. Цель этого исследования, как ее формулирует автор, «состояла в том, чтобы выявить и привести в систему понятийно-терминологический аппарат концепции Л.С.Выготского» (Мещеряков, 2000, с.6).

Вместе с тем, представленный нами метод имеет существенное отличие. До сих пор исследования творчества Л.С.Выготского проводились без учета фактора развития теоретических построений этого мыслителя. Поэтому, как нам представляется, существует известная разногласия в оценке его теории. Выготского называют бихевиористом, символистом, интроспекционистом (Чеснокова, 2000); в 30-е годы его называли агентом империализма, сегодня обвиняют в большевизме. Известны утверждения, в соответствии с которыми Л.С.Выготский – не психолог, а то ли искусствовед, то ли методолог науки.

Мнение автора состоит в том, что подобная разногласия, редко встречающаяся в истории науки, не может быть вызвана случайной причиной. Необходимо найти фактор, определяющий систематичность подобного многообразия мнений. Мне кажется, таким системообразующим фактором является «временная ось», на которой располагаются теоретические концепты в системе Л.С.Выготского.

Как отмечалось в психологической литературе, в творчестве Выготского можно выделить несколько этапов (см.: Брушлинский, 1968; Радзиховский, 1979; А.Н.Леонтьев, 1982; Ярошевский, Гургенидзе, 1982; Эльконин, 1984; Ярошевский, 1996; А.А.Леонтьев, 2001). Временные границы этих этапов не вполне четки, но наличие концептуальных узлов в работах Выготского позволяет достаточно уверенно назвать основные годы, соответствующие этим этапам. Примерно до 1927 года научная деятельность Выготского направлена на определение своего отношения к существующей системе психологических точек зрения. Данный этап прежде всего

характеризуется критическим осмыслением основных принципов поведенческой психологии и завершается созданием работы «Исторический смысл психологического кризиса». Период с 1927 до 1931 года, когда Выготский обратился к проблемам, рассмотренным им в «Истории развития высших психических функций», связан с разработкой основных положений культурно-исторической теории. Наконец, последний период посвящен созданию теории речевого мышления, которая наиболее полно изложена Выготским в работе «Мышление и речь». Пожалуй, к перечисленному вполне можно добавить самый ранний этап в психологическом творчестве Выготского, когда в центре его внимания находились литературоведческие вопросы. Итогом этого периода стала работа Выготского «Психология искусства».

Наличие такой периодизации позволяет предполагать, что каждый этап развития теории Л.С.Выготского определяется особой целью. Однако, не менее логичным может быть предположение о том, что каждая из этих подцелей определяется, в свою очередь, некоторой общей и основной идеей. Здесь уместно припомнить слова Н.А.Бердяева: «Я прошел длинный философский путь. В нем были разные периоды. Внешне могло быть впечатление, что мои философские взгляды меняются. Но первые двигатели у меня оставались те же. И многое, что было в начале моего философского пути, я вновь осознал теперь, после обогащения опыта мысли всей моей жизни» (Бердяев, 1999, с.74).

В качестве еще одного примера приведем высказывания К.А.Абульхановой-Славской о творческом пути С.Л.Рубинштейна: «Уникальность научной судьбы С.Л.Рубинштейна порождает вопрос: существует ли единое логическое основание, основная идея, интегрирующая все его творчество? Уже в марбургской диссертации, затем в неопубликованных рукописях 20-х годов и, наконец, в работе «Человек и мир» мы находим принципиальные разработки не только общефилософских проблем, но и проблем этики, эстетики, методологический анализ теории относительности Эйнштейна. Интегрирован ли внутренне этот широчайший круг исследований?» - задает вопрос К.А.Абульханова-Славская (1989, с.10). И сама дает ответ: «Сравнение ранних философских исследований С.Л.Рубинштейна, охватывающих период до 30-х годов, с основными идеями, решением определенного круга проблем и даже формулировками книги «Человек и мир» приводит к поразительному открытию. Мы обнаруживаем иногда почти буквальное текстуальное и всегда – контекстуальное совпадение в формулировке проблем. А вместе с тем и по складу личности, и по характеру рассматриваемых проблем предположение о простом восстановлении ранних

рукописей в последнем труде исключается. Совпадения формулировок ранних и поздних работ являются свидетельством не блестящей памяти или кропотливой архивной работы С.Л.Рубинштейна (он никогда не прикасался к ранее написанному, избегая и всяческих архивов), а непрерывности философского исследования, философского размышления С.Л.Рубинштейна. Если в рукописях 20-х годов он выдвигает философскую онтологическую систему, то в завершающем труде жизни – книге «Человек и мир» - дает ее разработку и методологическое фундирование для всего гуманитарного знания» (там же, с.12).

Из сделанных замечаний следует вывод: мы не сможем адекватно интерпретировать систему взглядов того или иного исследователя – в том числе, разумеется, и Л.С.Выготского, - если не будем учитывать ее развитие.

Фраза, вынесенная в начало этой книги как эпитафия, была написана Л.С.Выготским в его работе «Исторический смысл психологического кризиса». К сожалению, ее смысл редко относится современными исследователями к психологической системе самого Выготского. Может быть, в противном случае не было бы столь контрастных оценок его творчества: в начале был бихевиористом – в конце стал символистом, а может быть, в начале был символистом, а в конце стал когнитивистом. На наш взгляд, методология Выготского, которую можно понять, только охватив всю его психологическую систему, в то же время является логическим истоком конкретно-психологических построений Льва Семеновича. Поэтому логичным представляется увидеть в методологических построениях Выготского элементы его конкретно-психологических воззрений. А это станет возможно, только если рассматривать отдельные части теоретической конструкции Л.С.Выготского сквозь призму его общего методологического подхода.

ГЛАВА 1.
МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

1.1. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ Л.С.ВЫГОТСКОГО

ПСИХОЛОГИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ

В последние годы общим стало утверждение, в соответствии с которым теория Л.С.Выготского служит образцом неклассической психологии. Однако, не существует единого мнения относительно того, что такое эта самая «неклассичность». А.А.Пузырей (1986) предложил считать таким признаком введение Выготским психотехнической парадигмы. Д.Б.Эльконин (1989) признаком неклассичности теории Выготского считал его концепцию идеальной формы. В.П.Зинченко (1996б) – единство бытия-сознания. Представляется, что эти и подобные им утверждения, выражая дух теории Выготского, являясь экстраполяцией его идей, в то же время, далеки от «буквы» его психологической системы. Ближе к взглядам самого Выготского позиция, предложенная А.Г.Чесноковой (2001): неклассичность теории Выготского состоит в его направленности на построение диалектической психологии.

Лев Семенович начинает свои психологические исследования в годы активного проникновения марксистской идеологии в советскую науку. Мы не будем вдаваться в подробности вопроса: кто из советских психологов и насколько искренно следовал принципам и догматам диалектического материализма. Однако, нельзя не сказать, что отмеченное проникновение диамата в психологию постреволюционной России не было столь прямолинейным, как это часто трактуется в современной исторической науке.

На самом деле, распространение марксизма в Советском Союзе происходило как бы по двум направлениям. Большая часть философов, психологов, обществоведов,

уверовав в истинность “основного закона” философии, принялась отстаивать принцип первичности материи по отношению к сознанию.

Другая группа исследователей (их было значительно меньше и именно их вслед за А.В.Брушлинским (2000) можно назвать “андеграундом диамата”), восприняла в марксизме, прежде всего диалектическую методологию, в основании которой, как хорошо известно, лежала философская система Гегеля. В наши дни жарких дебатов по поводу роли и места марксистской философии в развитии советской психологии, хотелось бы привести один аргумент в защиту диамата. Работы Маркса, Энгельса, Ленина явились тем мостиком, благодаря которому советские исследователи знакомы с гегелевской методологией. Вряд ли разумным может выглядеть в данной ситуации аргумент - марксисты исказили и перевернули Гегеля - вот если бы не марксисты, мы давно бы знали великого философа по его собственным сочинениям, а не по “перевернутому” Марксом и Энгельсом диалектическому материализму. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Трудно сказать, что было бы, если бы в сочинениях марксистов не присутствовали бы постоянные ссылки на Гегеля. Факт остается фактом: советские психологи диалектику учили не по Гегелю. Но учили! Недаром в современной российской психологии все более отчетливо звучит мнение, в соответствии с которым «сейчас, когда с философских работ Маркса наконец снята чуждая им функция универсального и единственно истинного Учения, стала возможной непредвзятая оценка как их неизбежной ограниченности, так и их чрезвычайной эвристичности для разработки ряда конкретных проблем философии и психологии человека» (Леонтьев, 1997, с.158), - и появляются попытки непредвзятого анализа влияния марксистской философии на развитие советской психологии (Гордеева, 1997) и, в частности, теории Л.С.Выготского (Гордеева, 1996).

В работах Выготского очень мало цитат из сочинений Гегеля. Зато есть множество ссылок на высказывания Гегеля, приведенные Марксом, Энгельсом, Лениным. Теперь мы можем поблагодарить их за то, что они позволили Выготскому ассимилировать в своей психологической системе философию немецкого мыслителя.

ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ВЫГОТСКОГО – УЧЕНИЕ ГЕГЛЯ О ПРОСТОМ НАЧАЛЕ

Анализируя развитие понятия, Г.В.Ф.Гегель (приравнивавший в данном случае понятие к абсолютной идее) следующим образом раскрывал свое понимание проблемы: “Понятие для своего развития не нуждается ни в каком внешнем стимуле, его

собственная, включающая в себя противоречие между простотой и различием и именно потому бесконечная природа побуждает его к самоосуществлению, она заставляет его развешивать и делать действительным различие, наличествующее в нем самом только идеально, т.е. в противоречивой форме неразличности; так приводит она к тому, чтобы посредством снятия его простоты как некоторого недостатка, некоторой односторонности сделать его действительно целым, к чему первоначально оно содержит в себе только возможность” (Гегель, 1977, с.12). Для автора “Науки логики” понятие в форме простого начала равно бытию, и “это есть... самая начальная, наиабстрактнейшая и наибодежнейшая дефиниция” (там же), поскольку бытие для Гегеля есть “ничто”, “чистая абстракция” (там же, с.220).

По мнению марксистов, учение Гегеля о “простом начале” как исходной форме развития понятия было “забыто и извращено идеализмом. А диалектический материализм один связал “начало” с продолжением и концом” (Ленин, т.29, с.264). По Гегелю, сущность простого начала заключается в его непосредственности и неопределенности (см.: Гегель, 1974, с.217). В этом определении диалектик рассматривал непосредственность и неопределенность простого начала не как следствие предикативности бытия по отношению к абсолютной идее, а, перевернув данное соотношение, говоря словами К.Маркса, с головы на ноги, рассматривал понятие как предикат бытия. В этом случае понятие превращается в способ отражения бытия в сознании, а в рассматриваемой нами частной ситуации построения предмета исследования - в способ отражения предмета в сознании исследователя. В этом случае простое начало становится для нас первичной формой такого отражения, первичной абстракцией теории. Учение Гегеля о простом начале, превращенное Марксом в метод восхождения от конкретного к абстрактному, послужило основой концепции Л.С.Выготского о единицах психологического анализа.

МЕТОДОЛОГИЯ ВЫГОТСКОГО ИЗЛОЖЕНА ИМ В «ИСТОРИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА»

Для того, чтобы понять принципы построения Л.С.Выготским предмета своего исследования, мы должны, прежде всего, принять во внимание его общую методологическую направленность. Установка на создание общей психологической системы ярко проявлялась как в собственно методологических, так и в теоретико-экспериментальных работах Выготского. Все его труды методологичны по своему духу. В то же время, есть одна работа, представляющая собой методологический труд *per se*.

Это - “Исторический смысл психологического кризиса”. Все последующие работы Выготского также содержат в себе мощный методологический заряд. “Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории”, - говорит Выготский (1982б, с.26). Но там методология отодвигается на второй план, превращается в сцену, на которой происходит действие эмпирических фактов, эмпирика здесь опосредует опосредующую методологию.

Почему же Выготский после “Исторического смысла...” никогда больше не возвращался к попыткам “прописать” свою методологию? Ответы на этот вопрос могут быть разными. Один из них: Выготский ушел от заигрываний с бихевиоризмом, но свою методологию не создал, не завершил, не успел... Отчего же тогда современные исследователи творчества Выготского такую методологию успешно находят? Можно, вслед за некоторыми исследователями творчества Выготского, заявить, что он сам не понимал значение своих работ, не осознавал их методологической мощи.

Можно предложить еще один ответ. Выготский не возвращался после “Исторического смысла психологического кризиса” к чисто методологическим исследованиям просто потому, что методология у него уже имела, вполне его устраивала и была изложена в названной работе. Основу же этой методологии составило учение о предмете естественнонаучной психологии.

Немаловажным в свете сказанного представляется тот факт, что свой “Исторический смысл...” Выготский писал будучи приговоренным к смерти, “ему было отпущено врачами всего несколько месяцев жизни, так как состояние его считалось безнадежным, и он это знал!” (Выгодская, Лифанова, 1996, с.199). А.Р.Лурия вспоминал: “Л.С.Выготский написал эту работу в трагической ситуации: он был болен туберкулезом, врачи говорили, что ему осталось 3-4 месяца жизни, его поместили в санаторий... И тут он начал судорожно писать, чтобы оставить после себя какой-то основной труд” (Цит. по: Выгодская, Лифанова, 1996, с.200). Эта работа стоит особняком в творчестве автора культурно-исторической теории. Перед лицом смерти Лев Семенович создает методологический труд такой силы, что и по сей день его имплицитное содержание остается не до конца исчерпано (вычерпано) психологией и психологами.

АНТИЭМПИРИЗМ ВЫГОТСКОГО

В неопубликованном при жизни автора труде ярко проявилась его антиэмпирическая позиция. Но материализм в СССР непосредственно (хотя и негласно)

отождествлялся с эмпиризмом. Диалектический материализм утверждал: критерием истины служит общественно-историческая практика. Советские марксисты вместо этого подставили формулу: «практика - критерий истины». В качестве такой безусловно истинной практики был признан эксперимент.

Поэт Александр Левин предложил выразительный эпитет: “Ученый в области науки”. Советские “марксисты” в области науки экспериментально получаемые факты и их обобщения посчитали истиной в последней инстанции - истиной, не подлежащей обжалованию. Выготский неоднократно высказывал точку зрения, в соответствии с которой обобщение наблюдаемых явлений не дает возможности делать окончательные выводы. Для него на первом месте стоит теоретическая позиция автора, методологический принцип, положенный в основание той или иной экспериментальной разработки.

Здесь у Выготского не было разногласий с официальной идеологией, которая однозначно требовала всеобщего подчинения марксистской философии. Диссидентство Выготского проявилось в другом. Причем, наиболее остро эти разногласия выявились в начале тридцатых годов. И вовсе не потому, что это - период наиболее ярких теоретических построений Льва Семеновича, создания им теории речевого мышления.

Главное в другом. Советский тоталитаризм вынес из гегелевской философии, принесенной марксизмом, пожалуй, только одно: “Что действительно, то - истинно”. Диалектика как учение о развитии была не то, чтобы запрещена - запретить Маркса и Энгельса в 20-е и 30-е годы было невозможно. Просто не приветствовалось и не рекомендовалось уделять слишком пристальное внимание методологии развития. Не приветствовалось и не рекомендовалось задавать вопрос “почему?” Это - опасный вопрос для любой закрытой системы. Подобная система предлагает своим элементам все ответы на все вопросы. Тем более странным должны были выглядеть попытки Л.С.Выготского создать свою собственную теорию развития высших психических функций, основывая ее не на “выдергивании” цитат из сочинений классиков, а применив диалектическую методологию. “Как это ни странно, - читаем мы у Выготского, - но идея развития до сих пор остается еще неувоенной психологией, несмотря на то, что целые ветви психологии посвящены не чему иному как изучению проблемы развития. Это внутреннее противоречие сказывается в том, что самую проблему развития эти психологи ставят как метафизики.” (Выготский, 1931, с.10). Написано это было в 1931 году, когда, казалось бы, партия дала уже все ответы на все вопросы. Но для товарища Выготского что-то оставалось неясным. Он никак не хотел понимать, что в основе любого развития лежит классовая борьба.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА РАЗВИТИЯ НАУКИ – ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПЕРВИЧНОЙ АБСТРАКЦИЕЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМ ПРИНЦИПОМ

Проведя анализ исторического смысла психологического кризиса, Л.С.Выготский вскрыл внутренние движущие силы развития науки. Такой движущей силой, по мнению Выготского, является диалектическое противоречие между главным обобщением науки, ее основным понятием и объяснительным принципом: “Всякое обобщающее понятие уже содержит в себе тенденцию к объяснительному принципу... Обобщение понятия и объяснительный принцип только в соединении друг с другом, только то и другое вместе определяют общую науку” (Выготский, 1982а, с.301). Главное обобщение как бы придает науке смысловую окраску, является основным средством понимания научных фактов. В свою очередь, понимание предполагает установление причинной связи между фактами, т.е. понимание одновременно есть стремление к выявлению объяснительного принципа. Само развитие фундаментального понятия науки, ее главного обобщения (понимание становится возможным только как момент этого развития) предполагает отрицание обобщения посредством его преобразования в понятие-объяснение: ”Тенденция к обобщению и объединению знания переходит, перерастает в тенденцию к объяснению знания” (там же, с.300).

Первичная абстракция, “это открытие, раздувшееся до мировоззрения, как лягушка, раздувшаяся в вола, этот мещанин во дворянстве... легко лопается, как мыльный пузырь” (Выготский, 1982а, с.304). “Новой идее, как новому дворянину, указывают на ее мещанское, т.е. действительное, происхождение. Ее ограничивают теми областями, откуда она пришла; ее заставляют проделать вспять свое развитие; ее признают как частное открытие, но отвергают как мировоззрение; и теперь выдвигаются новые способы осмыслить ее как частное открытие и связанные с ней факты” (там же).

Вполне логично распространить изложенную схему развития первичной абстракции на отдельную теоретическую конструкцию конкретного автора. Тогда противоречие между первичной абстракцией и объяснительным принципом выступает в качестве принципа, объясняющего развитие единиц психологического анализа. Однако, диалектика объяснительного принципа состоит в том, что, будучи объяснением, он одновременно предполагает существование особых внутренних процессов, механизмов, по отношению к которым выделенный принцип выполняет функцию описания. Иными словами, необходимо понять, как в недрах простого начала

происходит вызревание нового содержания, в конечном итоге приводящее развивающееся образование в кризисное состояние, вслед за которым порождается новое качество.

Применительно к нашему анализу сказанное означает, что констатация наличия противоречия между первичной абстракцией и объяснительным принципом, указывая на основную закономерность развития единиц психологического анализа, все же не приводит к пониманию того, как происходит превращение первичной абстракции в объяснительный принцип. Указанное противоречие представляет собой лишь общее описание по отношению к тем механизмам, которые составляют содержание процесса, проявляющегося в форме внутренней противоречивости единиц психологического анализа: подобно тому, как данная противоречивость выступает в качестве сущности, а значит и объяснения, процесса развития единиц психологического анализа, она сама, став объяснением, может и должна получить свое собственное объяснение посредством раскрытия тех процессов, по отношению к которым она выступает в форме описания, явления.

РАЗВИТИЕ ЕДИНИЦ АНАЛИЗА АНАЛОГИЧНО РАЗВИТИЮ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Единица (как понятие) является частью теории. Поэтому непосредственные причины развития единиц анализа можно обнаружить, исследуя развитие конкретной научной теории. При этом главное состоит в том, что ход исследования развития единиц анализа не определяется истинностью или ложностью конкретно-психологической интерпретации соответствующего понятия автором теории. В центре внимания должна находиться логика развития психологических понятий - то, как развивается понятие, обозначающее единицу анализа в той или иной теории, а не то, как развивается конкретно-психологическое содержание, обозначаемое данным понятием, с точки зрения автора теории.

В 1919г. В.Шкловский писал: “Я занимаюсь в теории литературы исследованием внутренних законов его. Если провести заводскую параллель, то я интересуюсь не положением мирового хлопчатобумажного рынка, не политикой трестов, а только номерами пряжи и способами ее ткать.” (Шкловский, 1983, с.8) Шкловского ругали (см.: Мукаремовский, 1975; Конрад, 1975а,б) за якобы предпринятый им отрыв литературного произведения от социальной действительности. В ответ Шкловский ворчал: вы сами занимаетесь не литературой, а грамматикой (см.: Шкловский, 1983, с.125). Критики считали, что сама по себе литература не может быть исследована как

самостоятельное целое. Критики Шкловского забывали, что социальное окружение, в котором только и может развиваться литература, не привносит в нее законы развития, а опосредует эти законы. Это значит, что литература развивается по своим особым внутренним законам, хотя в них и должны каким-то образом проявляться социальные закономерности.

Эту идею понял и принял Выготский, следующим образом представив соотношение движущих сил психологического кризиса: “Мы остановимся, - писал он, - лишь на движущих силах, лежащих внутри нашей науки, оставляя все другие в стороне. Мы имеем право так сделать, потому что внешние - социальные и идейные - причины и явления представлены так или иначе, в конечном счете, силами внутри науки и действуют в виде этих последних. Поэтому наше намерение есть анализ ближайших причин, лежащих в науке, и отказ от более глубокого анализа.” (; с.386-387).

“Развитие научных идей, - пишет Л.С.Выготский, - совершается диалектически. Противоположные точки зрения на один и тот же предмет сменяют друг друга в процессе развития научного знания, и новая теория часто является не прямым продолжением предшествующей, а ее диалектическим отрицанием. Она включает в себя все положительные достижения своей предшественницы, выдержавшие историческую проверку, но сама в построениях и выводах стремится выйти за ее пределы и захватить новые и более глубокие слои явлений.” (Выготский, 1982а, с.210) Если разделить причины, под влиянием которых происходит развитие теории, на внешние и внутренние, то можно сказать, что такие детерминанты, как развитие объекта, субъективное представление автора о необходимости введения и содержательного преобразования единиц, относятся к внешним факторам развития теории, наряду с потребностями других наук, форм общественного сознания, общественно-исторической практики, новыми фактами, не поддающимися объяснению с точки зрения существующей теории. Наша задача состоит в другом - в исследовании внутренних причин развития теории, под которыми понимаются “противоречия в самой теории или проблемы, связанные с внутренней логикой развития теоретической системы данной отрасли знания, обусловленные выполнением ею своих функций” (Выготский, 1982а, с.176).

1.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЕДИНИЦА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»

В психологической литературе часто встречается термин “единица анализа”, и это закономерно, поскольку “осознанное выделение единицы анализа - признак

методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории” (Зинченко и Смирнов, 1983, с.83). Более того, выделение единицы анализа “всегда стояло в центре теоретической работы психологов разных направлений, и по избранной ими единице можно было судить о существовании развиваемой ими теории” (Анцыферова, 1969, с.61). Действительно, каждый исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью сопоставления полученных им результатов с существующей системой психологических знаний. Но такое сопоставление возможно лишь в том случае, если имеется некоторая единичная “величина”, позволяющая соизмерять между собой экспериментальные данные и теоретические конструкции. Такая единица часто бывает не эксплицирована, но от этого не уменьшается ее роль в процессе психологического познания. Поэтому вопрос о положении единиц анализа в структуре психологии представляет интерес не только с точки зрения истории психологической науки, но и как одно из центральных звеньев системы научной методологии: исследование единиц актуально не только потому, что с их помощью можно проследить процесс развития психологической теории, но также и потому, что единица аккумулирует в себе теоретические взгляды ученого и в силу этого является важным фактором, определяющим построение теории.

В то же время имеется очень немного работ, в которых единицы анализа выступали бы как предмет методологического исследования. В результате нечетко определяются гносеологический и онтологический аспекты выделяемых единиц. Смешение же гносеологического и онтологического аспектов в корне противоречит методологии научной психологии. Невьясненным остается статус единиц в системе психологической науки, а понятие “единица психологического анализа” не имеет своего четкого определения.

Таким образом, представляется актуальным проведение специальных исследований, в которых было бы выявлено содержание и место единиц анализа в структуре психологического знания.

В психологической литературе широко употребляется как сам термин “единица психологического анализа”, так и его синонимы. Например, предлагается содержательно различать единицу как онтологическое образование и гносеологическую единицу (Зинченко и Смирнов, 1983). Близко по смыслу разделение единицы анализа как инструмента определенного метода анализа и логического начала как средства изложения (Ткаченко, 1983). Часто используется понятие “клеточка”, обозначающее генетически исходную единицу анализа (Гордеева и Зинченко, 1982; Давыдов, 1966, 2000; Давыдов и Зинченко, 1980; Зинченко, 1981; Зинченко и Смирнов, 1983;

Рубинштейн, 2001; Ткаченко, 1983; Юдин, 1978). Существует термин “структурная единица” (Асмолов, 1996; Леонтьев, 1975). Л.С.Выготский (1982б) ввел в данное “семантическое поле” термин “микрокосм”. А.В.Петровский (1982) вводит понятие “молекула межличностных взаимоотношений”.

В основании такого многообразия синонимичных терминов лежит различие содержаний, вкладываемых в соответствующие понятия их авторами. Данное различие обнаруживается при сопоставлении существующих концепций единиц. Так, уже в контексте одной из первых психологических теорий - ассоцианизма - можно обнаружить резко отличные друг от друга толкования: ассоциация ощущений (Локк, 1960), нервных вибраций (Пристли, 1934), идей (Юм, 1965) и т.д. В классическом бихевиоризме (Уотсон, 1926, 1980а, 1980б) единица - стимульно-реактивный поведенческий акт, в концепции Э.Толмена (1980) - целенаправленный поведенческий акт, в системе И.М.Сеченова (1935) - рефлекс, в теории высшей нервной деятельности И.П.Павлова (1951) - условный рефлекс, в рефлексологии В.М.Бехтерева (1907) - сочетательный рефлекс, в реактологии К.Н.Корнилова (1927) - реакция. В гештальтпсихологии единицей служит гештальт, кроме того, признаки единицы содержат структурные отношения между фигурой и фоном (см.: Выготский, 1982а). В отечественной психологии единицами анализа выступали установка (Узнадзе, 2001), действие (Запорожец, 1960; Зинченко, 1981; Зинченко, 1939, 1961; Рубинштейн, 2001), поступок (Рубинштейн, 2001; Соколова, 1999), значащее переживание (Бассин, 1972), живое движение (Гордеева и Зинченко, 1982), динамическая смысловая система (Асмолов, 1996) и другие понятия.

Несмотря на содержательное и терминологическое разнообразие, неизменными остаются признаки, определяющие собой единицы. Эти общие признаки, очевидно, должны обнаружить себя в определении понятия “единица психологического анализа”.

В современной литературе фактически сохраняет свою силу эксплицитно или имплицитно принимаемое общее определение, сформулированное Л.С.Выготским: “Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства” (Выготский, 1982б, с.15).

В конце своего творческого пути Л.С.Выготский вполне определенно формулирует: «Для анализа, который пользуется разложением на элементы, самое характерное заключается в том, что он доводит расчленение целого до таких частей, которые уже не содержат в себе свойств, присущих целому, и потому такой анализ

исключает возможность объяснения сложных свойств, присущих целому, из свойств отдельных частей.

Анализ, разлагающий на элементы, характеризуется тем, что в элементе не содержатся свойства, присущие целому, единица же характеризуется тем, что она есть такая часть целого, в которой содержатся, хотя бы в зачаточном виде, все отдельные свойства, присущие целому» (Выготский, 1966, с.36-37).

В данных определениях содержатся указания на важные функциональные признаки единиц. Во-первых, это - отношение единицы анализа к предмету исследования как части к целому. Во-вторых, единица (в отличие от элемента) не просто является частью предмета, но содержит информацию об основных свойствах целого. В-третьих, подразумевается, что выделение единицы не является самоцелью психологического анализа: единица является орудием, посредством которого происходит выявление неизвестных свойств предмета.⁵ Наконец, в-четвертых, “анализ, расчленяющий сложное целое на единицы, должен создавать возможность синтетического изучения свойств, присущих какому-либо сложному единству (целому) как таковому” (Зинченко и Смирнов, 1983, с.91). Отсюда следует, что между единицей и предметом исследования существует отношение не изоморфизма (взаимнооднозначного соответствия элементов и отношений между элементами двух образований), а гомоморфизма, т.е. каждому “элементу” предмета соответствует единственный “элемент” единицы, но не наоборот. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что единица является не частью предмета, а скорее его моделью, поскольку “под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте” (Штофф, 1966, с.19).

Идея тесной связи между понятиями “единица” и “модель”, еще в конце 60-х высказанная А.А.Леонтьевым,⁶ до сих пор остается невостребованной психологической наукой. В то же время, потенциал этой идеи позволяет найти подход к анализу развития теоретических построений предмета исследования в контексте конкретной теории.

⁵ По справедливому замечанию А.Н.Ткаченко, “Выготский при объяснении сущности используемого им “метода анализа единиц, а не элементов” скорее имеет в виду метод исследования, а не изложения знаний” (Ткаченко, 1983, с.5).

⁶ “Понятие единицы теснейшим образом связано с понятием модели. Другой вопрос, что эта связь не всегда осознается” (Леонтьев, 1968, с.9).

Итак, единица психологического анализа - это модель предмета исследования, позволяющая выявить его основные свойства. В свою очередь, “содержание категории свойства раскрывается как то, что характеризует какую-либо сторону предмета и что выявлено во взаимоотношении данного предмета с другими предметами или явлениями” (Лукиянов, 1982, с.42). Поэтому выявить основные свойства предмета исследования - значит установить основные взаимоотношения предмета данной теории с другими предметами и явлениями, т.е., в конечном итоге, определить место данной теории в системе психологического знания.

Термином, адекватно отражающим содержание, вкладываемое нами в понимание этой функции единиц психологического анализа, является употреблявшееся Л.С.Выготским понятие “*raison d*etre*” (“разумное основание”, “смысл”). Приступая к анализу художественного произведения, Выготский писал: “Критика историческая, общественная, философская, эстетическая и пр. не исключают вовсе друг друга, так как они подходят к предмету исследования с разных сторон. И поэтому весь вопрос не в том, какая из этих школ ближе к истине и должна поэтому безраздельно владеть критикой, а в том, как этим школам размежеваться, отграничить свои области, в которых - каждая в своей - имеет свое оправдание, свой *raison d*etre*” (Выготский, 1968, с.141).

Включаясь в структуру психологического знания, теория как бы обретает тот контекст, который определяет ее смысл. Можно выделить такой смысл целого научного направления, научной школы. Однако, в пределах общей психологической теории данного направления выделяются частные, отдельные концепции, в свою очередь имеющие свой собственный, особый смысл. Конкретные научные теории тем и отличаются друг от друга, что в них по-особому интерпретируется предмет исследования, т.е. предполагается существование особых существенных признаков предмета - таких признаков, которые не рассматриваются в других теориях.

В науковедческих исследованиях (Иванова, 1976; Петрова, 1976; Яблонский, 1976) было показано, что в строении научной области существуют определенные иерархические образования: направления, области исследования, дисциплины, научные школы, группы солидарности, сплоченные группы и т.д. Эти образования различаются между собой, прежде всего, количеством входящих в соответствующие группы исследователей и проблематикой, а объединяются - общностью научных взглядов своих членов. Термин “теория” многозначен и может соответствовать любому из перечисленных уровней. Однако, в данном случае мы будем понимать под отдельной теорией только такое теоретическое построение, которое является итогом

функционирования мельчайшего образования научной области, отвечающего по своим признакам перечисленным выше критериям. Предельно мельчайшим “образованием” такого рода, очевидно, является научная деятельность конкретного исследователя, теоретические построения которого отличаются даже от концепций наиболее близких ему в плане научных взглядов исследователей. Пристрастность авторской интерпретации, наряду с отображением основных свойств предмета, входит в содержание единиц психологического анализа. Поэтому именно на уровне такого рода отдельных теорий следует искать источники возникновения и развития единиц.

Требуется специальное средство для того, чтобы провести границу между интерпретацией предмета в конкретной концепции и тем содержанием, которое подразумевается стоящим за понятием, обозначающим данный предмет, в пределах всей науки или научного направления. Таким средством является единица психологического анализа, поскольку именно единица содержит в себе существенные признаки целого. Следовательно, выделение единицы анализа способствует определению места конкретной теории в структуре научного знания.

Специфика единиц психологического анализа имеет своим источником тот факт, что “единицы анализа не могут непосредственно заимствоваться в самой реальности в качестве вещественных отграниченных объектов, но каждый раз являются продуктом мысленного конструирования” (Юдин, 1978, с.307). Посредством единицы исследователь сам конструирует определенное содержание, с его точки зрения, наличествующее у объекта науки. Исследователь работает именно с таким субъектно окрашенным объектом, который “становится предметом науки благодаря выработке специального исследовательского аппарата, инвариантами которого являются наиболее общие понятия - категории. Предмет психологии конструируют ее категории, воспроизводящие существенные признаки психической реальности” (Ярошевский, 1971, с.112).

Но следует помнить, что предмет исследования изначально включен в (научную) деятельность человека. Слово уже содержит в себе обобщение, “кусочек фантазии” (Ленин, т.29, с.330), следовательно, выделяя некий предмет, “вот это”, исследователь уже вкладывает в понятие, обозначающее данный предмет, определенное теоретическое содержание, свою собственную теоретическую интерпретацию.

Трактовка так называемых фактов - вопрос веры или, говоря научным языком, принятия той или иной аксиоматики конкретным исследователем. Не случайно через полвека после работ Выготского основатель гештальт-терапии Ф.Перлз написал: “Все теории и гипотезы являются фантазиями, моделями того, как функционирует мир.

Когда они подтверждаются и становятся приложимыми к физической реальности, они сами принимают реальный характер. Таким образом, “бессознательное” и “либидо” настолько же реальны для фрейдистов, насколько для бихевиористов реальны “рефлекторная дуга” и “стимул-ответ”. Эти термины стали предметами веры. Подвергать сомнению их реальность означает богохульствовать. То же приложимо к моей позиции в отношении термина “гештальт”. (Перлз, 2001, с.29).

В своей деятельности исследователь изначально ограничен соответствующими нормами. Это означает, что работа по сбору, анализу и обобщению фактического материала определяется той или иной научной установкой автора, которая, в свою очередь, принимает форму его исходной теоретической позиции и базируется на некоторой аксиоматике, принимаемой автором без (формально-логического) доказательства. Лишь потом вступает в свои права логика, которая нужна нам, чтобы доказать другим важность и правильность (“логичность”) нашей исходной идеи.

Таким образом, и в научном, и в обыденном сознании находит свое проявление общий механизм порождения знаний. Уверовав в идеальную форму, в дальнейшем мы при помощи формально-логического аппарата производим сложноопосредованную понятийную систему. Вместе с тем, наша индивидуальная система знаний остается индивидуально-личностным, уникальным образованием. Она функционирует по правилам субъективной вероятности, которая представляет собой феноменологическое (Левин, 2001) понятие, обозначающее проявления нашему сознанию каузально-динамических закономерностей веры. В свою очередь, вера человека своим основанием имеет сложную систему аксиоматических построений, к изучению порождения и развития которых психология до сих пор не приступила.

Мы все продолжаем упорно верить, что так называемые объективные факты составляют источник и основу развития научной теории. Вместе с тем, ни один исследователь не может приступить к анализу и обобщению фактов, не учитывая уровень развития современной ему науки и общественного сознания в целом. Исследователь не является “чистой доской” и не производит обобщение “чистых” фактов по типу “коллективных фотографий” Ф.Гальтона. Уровень развития науки и соответствующая ему научная картина мира определяют те границы, за пределы которых не может выйти в своей деятельности ни один исследователь.⁷

⁷ [“Почему, скажем, с точки зрения современной науки невозможен вечный двигатель? Потому что его существование противоречит принципам сохранения энергии, составляющим необходимый компонент современной физической картины мира.](#)

Но если это так, если в своей деятельности исследователь изначально ограничен соответствующими нормами, то это означает, что работа по сбору, анализу и обобщению фактического материала опосредуется той или иной научной установкой автора, которая, в свою очередь, принимает форму его исходной теоретической позиции. И действительно, в методологической литературе все шире распространяется точка зрения, которая была сформулирована следующим образом: “В сознании исследователей укореняется понимание того факта, что получение значимого результата самым непосредственным образом зависит от исходной теоретической позиции, точнее, от принципиального подхода к постановке проблемы и определению общих путей движения исследовательской мысли” (Блауберг, Садовский и Юдин, 1970, с.7).

Принимая в качестве отправного момента своей научной деятельности определенную “объективную” картину мира, исследователь преобразует эту картину (или, вернее, часть ее), придавая ей свою индивидуальную окраску (степень индивидуальности которой, разумеется, может быть самой разной). “Исходные картины мира задают лишь основания познавательной деятельности, ее отправные контуры; сама же выработка нового знания является конструктивной деятельностью, предполагающей творческие усилия субъектов. В знании как результате познавательной деятельности нет ничего, что не проходило бы через горнило субъективности, что было бы простым усвоением, фиксацией данного” (Швырев, 1984, с.93).⁸ Поэтому единая реальность, которая исследуется разными школами, направлениями, исследователями, позволяет выделять множество различных предметов исследования. Но даже если в этой реальности разными исследователями выделяется, на первый взгляд, один и тот же предмет, на самом деле это не так, поскольку исследователь вкладывает в содержание предмета свою индивидуальную интерпретацию, свой смысл, носителем которого является выделенная им единица психологического анализа.

Но то, что представляется принципиально невозможным (или, наоборот, принципиально возможным) в рамках одной картины мира, оказывается возможным (или соответственно невозможным) в рамках другой”. (Швырев, 1984, с.220).

⁸ В.С.Швырев высказал и более формализованную, но сходную концепцию, состоящую в том, что “в научно-познавательной деятельности... необходимо различать направленность на разработку собственно смысла, содержания абстракций, определяющих специфически научный образ мира, и средств, делающих возможным усвоение эмпирической информации в этом научном образе” (Швырев, 1984, с.186), и что формирование научной эмпирии невозможно без познавательной деятельности второго типа.

Отдельная теория не может не входить в структуру научного знания, а ее предмет не может не иметь субъектной (пристрастной) авторской интерпретации. Это означает, что единицы психологического анализа присутствуют в любой теории, независимо от того, эксплицировал автор такую единицу или нет. Поэтому можно определить единицу психологического анализа как понятие, моделирующее предмет исследования, обозначающее индивидуальную (авторскую) интерпретацию (смысл) предмета и позволяющее определить место отдельной теории в структуре научного знания.

Данное определение соответствует концепции М.Г.Ярошевского (1974), с точки зрения которого в научной теории существуют ключевые категории, отражающие основное содержание теории. Единица психологического анализа не может быть названа категорией, поскольку выражает содержание лишь конкретной теории, а не направления или школы в науке, но функция единиц применительно к уровню конкретных теорий (концепций) аналогична функции ключевых категорий.

Проведенное в исследованиях науковедов выделение различных уровней в строении научной области позволяет осуществить не только формальную, но и содержательную дифференциацию понятий “единица психологического анализа” и “предмет исследования”. Конкретный исследователь включается в каждое из научных сообществ, образующих иерархию. При всей неповторимости и индивидуальности его научной деятельности, он работает в контексте того или иного научного направления, научной школы, научной группы, в пределах определенной “концептуальной схемы”⁹. Каждое из таких научных сообществ работает со своим особым предметом исследования. Однако, употребляемые исследователем категории и понятия, общие для всего направления, школы, группы, получают в его научной деятельности особую специфику, индивидуализируются, т.е. приобретают особый смысловой оттенок.. Поэтому понятие предмета исследования, позволяющее отграничить, скажем, житейскую психологию от научной¹⁰ или одно психологическое направление (школу) от

⁹ «Понятийная (или концептуальная) рамка (или схема)» - это не просто набор понятий, свойственных тому или иному ученому, направлению, школе, но более емкое представление, фиксирующее как бы общий контекст, в рамках которого работает исследователь» (Андреева, Богомолова, Петровская, 1978, с.30).

¹⁰ «Приняв положение о том, что предмет психологии конституируют ее категории, мы избираем ориентир для отграничения преднаучной психологии от научной не по ее объекту (во всех случаях им является психическая реальность), не по ее методическим средствам (эксперимент и др.) и не по ее организационным формам

другого, теряет свою дифференцирующую силу при переходе на уровень отдельных психологических теорий.

В этой связи можно привести слова М.Г.Ярошевского: “То, что на категориальном языке обозначается как образ, в различных психологических концепциях выступает под именами “ощущения”, “восприятия”, “значения”, “представления”, “идеи”, “информации” и др. То, что в категориальном плане трактуется как “мотивация”, охватывает феномены, которые выражаются через понятия “стремление”, “влечение”, “волевой импульс”, “потребность”, “инстинкт”, “аффект” и др. С каждым из этих терминов соединяется как инвариантное (категориальное), так и вариативное содержание” (Ярошевский, 1974, с.43-44). Аналогичным образом можно сказать: то, что в плане предмета исследования трактуется как сознание, психика, поведение, деятельность и т.д., в плане единиц психологического анализа выражается через понятия “рефлекс”, “значение”, “действие”, “установка” и т.п. Другими словами, то, что на уровне научного направления или школы обозначается категориально, поскольку выражает “инвариантное в научном мышлении” (там же, с.42), в конкретной теории приобретает форму единицы анализа, соединяющей в себе инвариантное и вариативное (индивидуальное, субъектное) содержание.

Таким образом, хотя существует тесная связь между понятиями “предмет исследования” и “единица психологического анализа”, эти понятия не тождественны. Для группы исследователей или целой научной школы предмет - один и тот же. Но каждый представитель данной научной школы по-своему осмысливает предмет исследования, по-своему формулирует существенные признаки этого предмета, что и выражается в различии единиц психологического анализа. Предмет задает собой единицу. В то же время, исследователь посредством построения единицы анализа выражает свое понимание предмета и тем самым вносит нечто новое в содержание предмета своей научной школы.

В науковедческой литературе следующим образом сформулированы признаки построения предмета: “Построить предмет изучения означает, во-первых, определенным образом задать, т.е. выделить и ограничить на основе некоего объяснительного принципа реальность; во-вторых, структурировать эту реальность, т.е. задать ее элементы и связи, повторяющиеся типологически однородные отношения и узлы отношений; в-третьих, привязать предмет исследования к какому-либо принципу объяснения; в-четвертых, построить единицу анализа, такое минимальное образование, “клеточку”, в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры

(лаборатории, кафедры и т.д.), а по предмету)» (Ярошевский, 1971, с.112).

объекта” (Юдин, 1978, с.308). Учитывая тесную взаимосвязь, существующую между единицей анализа и предметом исследования, можно полагать, что процессы построения предмета и развития единиц обладают сходными признаками - ведь для конкретного исследователя единица анализа выполняет функцию модели предмета, выступающей на фоне последнего как носитель его существенных признаков.

1.3. РАЗВИТИЕ ЕДИНИЦ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На первый взгляд, наша точка зрения противоречит подходу, сформулированному следующим образом: «Категориальная система психологии не может быть выращена из какого-то одного-единственного «зернышка»» (Петровский, Ярошевский, 2001, с.33). Но единица анализа, «клеточка», «зернышко» не является застывшим, неизменным образованием. Наоборот, взгляды автора могут меняться, в связи с чем возникает необходимость введения нового понятия, обозначающего единицу анализа. Единица – не кристаллическая структура, а живой организм, претерпевающий изменения в соответствии с законами своего развития.

Соответственно, вряд ли можно согласиться со следующими словами А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского: «Видимо, испытывая неудовлетворенность результатами поиска подобной «клеточки», идеолог этих изысканий Л.С.Выготский последовательно переходил от «речевого рефлекса» к «знаку», затем – к «значению», далее фигурировали «смысл», «переживание». Не исключено, что если бы так рано не оборвалась жизнь замечательного ученого, он бы отказался от этих фактически безнадежных поисков и попытался найти иное теоретическое решение» (там же, с.33-34). Думается, Л.С.Выготский не «переходил» от «клеточки» к «клеточке» - само развитие его психологической системы требовало выделения иных, новых единиц анализа, наилучшим образом отражавших его взгляды на данном этапе построения теории.

Единица анализа – не продукт волеизъявления автора теории, а инструмент научного познания, опосредующий творчество исследователя. Это утверждение кажется тем более верным, что весь исторический опыт психологии его подтверждает. Ведь по словам самих же А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского, «для каждой сколь-нибудь значимой в истории психологии теоретической системы (научной школы) были характерны поиски «клеточки», которая могла бы стать отправной точкой для построения общей конфигурации заявляемого учения» (там же, с.33).

Единица психологического анализа представляет собой модель предмета исследования, содержащую в себе его основные свойства (в пристрастной

интерпретации автора теории). Отображение индивидуальной точки зрения автора теории - функция единицы психологического анализа. Однако, подобное определение не может дать полной картины становления и функционирования единиц, пока не будут выявлены основания введения новых единиц. Очевидно, что в качестве такого основания не могут быть приняты ни изменения объекта исследования, ни субъективные волеизъявления автора (которые сами предполагают выявление своих источников). Непосредственные причины возникновения нового образования можно обнаружить только в том случае, если новое образование исследуется в пределах того целого, частью которого оно является.

Марксизмом была постулирована парадигма: человек в сфере общественных отношений. Иными словами, тем целым, которое предлагалось признать общим контекстом любого исследования, становилась система общественных отношений. Соответственно, по Выготскому, необходимо было выделить тот элемент, единицу, “клеточку”, которая может служить моделью общества. Что служит той единицей, изучив которую, мы познаем общественные закономерности? Если принять тезис о существовании различных форм движения материи - а этот тезис не вызывал сомнений у автора культурно-исторической теории, - то ответ на поставленный вопрос следует искать, изучая законы социума.

Можно выделить два подхода к этому вопросу. С одной стороны, в качестве единицы этого уровня могут рассматриваться общественные отношения. В этом случае возникает представление, в соответствии с которым конкретным проявлением социальной формы движения материи является общество как таковое. При таком рассмотрении человек приобретает статус элемента общества, и появляется искушение отнести этот элемент к нижележащему уровню движения материи, т.е. рассматривать человека как биологическое существо.

При втором подходе к анализу социальной формы движения материи состоит в том, что в качестве ее единицы принимается человек. И проблема соотношения биологического и социального становится просто нерелевантной психологическому исследованию.

Уже в своей переходной работе “Психология искусства” Выготский высказал ряд принципиальных положений, имеющих самое прямое отношение к его дальнейшим исследованиям. Мы не должны считать эти высказывания неким эпифеноменом в работе психологически ориентированного искусствоведа. Эти положения - не случайны, они органично вплетаются в содержание психологической системы Выготского, созданной им в последующие годы. Л.С.Выготский начинал свой путь в

психологии, будучи литературоведом, стремясь выявить психологические закономерности создания художественного произведения. Сейчас трудно сказать, что явилось причиной, а что - следствием. Может быть, искусствоведческий взгляд обогатил мышление ученого, а может быть наоборот - психологическое мировоззрение проявилось первоначально в форме анализа особенностей басен и трагедий. Во всяком случае, тот факт, что Л.С.Выготский начал свой путь психолога с “Психологии искусства” не выглядит случайным.

Социальное для Выготского - фактор, опосредующий деятельность человека. Мир, в котором живет человек, “вторая природа” заполняется вещами, сущностные свойства которых заложены в них человеком. Человек живет в мире, созданном своими собственными руками. Выготский пишет: “Между человеком и миром стоит еще социальная среда, которая по-своему преломляет и направляет и всякое раздражение, действующее извне к человеку, и всякую реакцию, идущую от человека вовне.” (Выготский, 1968, с.321).

Каждый субъект волен по-своему интерпретировать значение, вложенное в данный продукт его автором. Эти особенности интерпретации определяются особенностями интерпретаторов. Однако, то общее, что будет содержаться во всех интерпретациях, включая и интерпретацию самого автора, составит собственно значение, воплощенное в данном предмете. Таким образом, значение может проявляться не только внутри субъекта, но и вне его - в предметах, вовлеченных человеком в сферу своей деятельности, составляющих марксову “вторую природу”.¹¹ Но это - не живое значение, а лишь приблизительный отпечаток того оплодотворенного смыслом значения, носителем которого является деятельность человека. Ведь “вторая природа” имеет важный отличительный признак от собственно природы. Предметы “второй природы” не способны развиваться. Это - вещи, в отличие от организмов, составляющих живую природу. Вещи могут “ожить”, только если к ним приобщится человек - тогда и дом начинает “жить своей жизнью”, и город мы можем назвать “живым организмом”. Именно в этом омертвлении вещей и состоит их предназначение. Человек убивает живую природу, чтобы получить средство для собственной жизни (имеется в виду, конечно, философское понимание жизни, а не биологическая ее

¹¹ Близким является понятие “мир” в контексте теории С.Л.Рубинштейна. Здесь “мир” - это преобразованное человеком бытие, действительность, созданная человеком. (см.: Абульханова-Славская, 1989)

интерпретация). Человек просто не смог бы стать самим собой, если бы не создал вокруг себя мир вещей.

Но если социальное заключено в самом субъекте психического отражения и одновременно опосредует это отражение, то мы должны заключить отсюда, что объектом психологического исследования служит конкретный человек. Снова обратимся к ранним этапам работы Выготского, мы видим что эта установка находит свое выражение в психологическом контексте: “Предметом... психологии... является именно психика отдельного человека”, - подчеркивал Выготский (1968, с.31).

Таким образом, марксов тезис о человеке как “совокупности всех общественных отношений” получает свое психологическое выражение, и далее возникает задача раскрыть формы воплощения социального в проявлениях жизнедеятельности конкретного человека.

Анализ развития начинается с выявления отношений, представляющих собой исторически простейшее состояние объекта исследования. Для этого следует выявить последовательность состояний объекта по убывающей сложности (см.: “Материалистическая диалектика”, т.1, М., 1981, с.30-49). Для этого необходимо “снять” все напластования, которые в процессе филогенезе привели к возникновению такого сложного организма, каким является деятельность человека. Выделяя в ходе генетического анализа единицу-”клеточку”, исследователь, тем самым, рассматривает предмет как часть более широкого онтологического целого, но, в то же время, предмет приобретает статус снятой формы данного целого, поскольку старое “схоронено” в новом.

Однако, “для правильного понимания методологии “Капитала” надо учитывать, что метод исследования у Маркса не совпадает полностью с методом изложения (на что он сам неоднократно указывал). Если метод исследования движется от “конкретного” к “абстрактному” и затем от “абстрактного” к “конкретному”, то метод изложения ограничивается переходом только от “абстрактного” к “конкретному”” (Бранский, 1981, с.58). В.И.Слободчиков следующим образом описал данную ситуацию применительно к повседневной практике ученого: “Если при проведении исследования логика - “пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что”, то при написании диссертации или диплома вы пишете: “Я с самого начала знал, куда надо идти, я с самого начала знал, как надо идти, и даже более того - знал, что принесу”. На первых пяти страницах автореферата так все и написано; и все этому верят, что так и было на самом деле, хотя на самом деле было прямо противоположно. Однако по логике изложения - все точно, так и должно быть” (Слободчиков, 2001, с.89-90).

Маркс, прежде чем он приступил к исследованию простого товарного хозяйства, провел генетический (исторический) анализ, в результате которого выделил категорию “товар” в качестве “клеточки” системы категорий капитализма. “Весь “Капитал” написан этим методом”, - подчеркивает Л.С.Выготский (1982а, с.407). Марксом “в результате осуществления исторического анализа была получена последовательность состояний развивающегося объекта по убывающей степени сложности (если начинать рассмотрение с данного состояния)” (Бранский, Ильин и Кармин, 1981, с.42).

Ко времени появления в психологии теории Л.С.Выготского, в марксистской науке существовал и общий метод исследования (анализ целого путем разложения его на единицы и последующий синтез с выявлением сущности целого), и конкретные примеры, иллюстрирующие преимущества выделения единиц научного анализа. В психологии существовали попытки аналитического и синтетического подходов. Л.С.Выготский поставил перед собой задачу применения марксистской методологии в психологической науке.

1.4. МЕТОДОЛОГИЯ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

20-е годы прошлого столетия - время структурализма, захватившего целые школы в науке и искусстве. Не удивительна, поэтому, тенденция к структурному описанию, которая пронизывает ранний этап творчества Выготского, пытавшегося при помощи линий и схем описать художественный текст: “Если взять житейское событие в его хронологической последовательности, мы можем условно обозначить его развертывание в виде прямой линии... Напротив того, то искусственное расположение слов, которое превращает их в стих... то искусственное расположение звуков, которое превращает их... в музыкальную мелодию... искусственное расположение событий, которое превращает их в художественный сюжет... все это мы можем обозначить условно кривой линией, описанной вокруг нашей прямой.” (Выготский, 1968, с.190). На другой странице “Психологии искусства” мы обнаруживаем утверждение, в соответствии с которым “герой есть только шахматная фигура для определенного действия” (Выготский, 1968, с.140), поскольку герой произведения “есть раньше всего действующее лицо не в силу того или иного характера, а в силу общих свойств своей жизни” (там же, с.138).

Не следует, конечно, преувеличивать структурный характер взглядов Выготского - он одним из первых подчеркнул необходимость изучения психологией именно психического процесса: “Язык, обычаи, мифы - это все результаты деятельности социальной психики, а не ее процесс, - говорит Выготский, критикуя психологию

народов В.Вундта. - Поэтому, когда социальная психология занимается этими предметами, она подменяет психологию идеологией.” (Выготский, 1968, с.27). Для теории Л.С.Выготского характерны идеи, воспринятые ее автором, очевидно, из лингвистической концепции В. фон Гумбольдта. Это, прежде всего, точка зрения, в соответствии с которой “язык есть не продукт деятельности... а деятельность. Его истинное определение может быть поэтому только генетическим.” (Гумбольдт, 1984, с.70).

Кроме того, структура у Выготского это, скорее описание развития, “превращение симультанности в сукцессивность” (Соколова, 2001, с.20), чем жесткая сеть. Сегодня это то, что называют “функциональной структурой”, интерпретируют как “закон связи между функциональными компонентами исследуемого объекта” (Гордеева и Зинченко, 1982, с.170).

Собственно, методология построения функциональной структуры была разработана не Выготским. Скорее всего, он заимствовал ее из работ членов так называемого Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ). Члены этого литературоведческого кружка - В.Шкловский, Ю.Тынянов, Р.Якобсон и др. - пристальное внимание уделяли проблемам поэтики - теории построения поэтического, а в дальнейшем и любого литературного произведения.

Один из основных постулатов ОПОЯЗа состоял в отождествлении формы литературного произведения с его сюжетом: каждый элемент произведения может и должен трактоваться только в контексте развития - причем, в “историческом” контексте, т.е. в контексте развития сюжетной линии. Отсюда вывод: структура, т.е. форма художественного произведения - не синтаксис предложения, и тем более не морфология слова, а “построение данной вещи” (Шкловский, 1983, с.125). В.И.Шкловский цитирует Плеханова: “Еще Гегель очень хорошо показал в своей “Логике”, что “форма” предмета тождественна с его “видом” только в известном и притом поверхностном смысле: в смысле внешней формы. Более же глубокий анализ приводит нас к пониманию формы как закона предмета или, лучше сказать, его строения”, - и резюмирует: “И сейчас часто мы встречаем не это безусловно правильное понимание формы, а старое позитивистское определение формы как “сосуда”” (Шкловский, 1985, с.113)

Выготский принимает этот методологический принцип и использует его в дальнейшем при построении функциональной структуры значения. Значение при этом трактуется им как переход (развитие) от мысли к слову, или от смысла к значению, или от житейского понятия к понятию научному.

Ход построения (а затем - интерпретации) функциональной структуры затрудняется влиянием сложного соотношения структурного и процессуального аспектов исследования. Л.С.Выготский указывал, что “анализ вещи следует противопоставить анализу процесса” (Выготский, 1983а, с.95), что только анализ процесса может преодолеть господствовавшую в старой психологии “логику твердых тел”, в соответствии с которой “психический процесс изучался и анализировался, по выражению К.Коффки, прежде всего как мозаика из твердых и неизменных частей” (там же). Однако, следует подчеркнуть, что “логика твердых тел” не может быть выброшена из психологии. Наоборот, необходимо совмещение двух планов психологического исследования. Первый план затрагивает онтологию объекта психологического анализа. Психика как процесс фактически нерасчленима на составные части, целостна, недифференцирована. Поэтому мы можем описать процесс психического отражения как смену состояний целостной системы, учитывая при этом, что “состояние - это философская категория, отражающая специфическую форму реализации бытия, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях” (Симанов, 1982, с.60).

Однако, описание психической деятельности через категорию “состояние” не дает возможности понять закономерности смены этих состояний. Процесс психического отражения в данном случае рассматривается как нерасчлененное, недифференцированное и потому непосредственное образование, как простое начало. Чтобы сделать исследуемый процесс понятным, объяснить его, мы должны дополнить исследование вторым из упомянутых планов - планом структурного анализа, или, говоря словами А.Бергсона, “освободить его от времени”.

Хотя структурное описание является неперменным условием построения предмета исследования,¹² оно - по самой своей сути - вносит неизбежные искажения в процесс его познания. В то же время, поскольку предмет психологического исследования целостен, целостным является и его структурное описание. По словам А.Ф.Лосева, “структура есть прежде всего цельность, однако цельность раздельна внутри себя самой, так что, рассматривая все, что содержится в этой цельности, я никак не забываю о самой этой цельности. Цельность рассматривается мною в свете составляющих ее элементов, а элементы цельности рассматриваются мною в свете этой

¹² “Без структуры нет никакой раздельности. А если в предмете нет никакой раздельности, то это значит только то, что мы не можем приписать ему никаких свойств. Ведь всякое свойство предмета уже вносит в него какую-то раздельность.” (Лосев, 1983, с.17).

цельности. Это и есть единораздельная цельность, то есть структура” (Лосев, 1976, с.115). Естественным следствием существования такой единораздельной цельности является необходимость выделения не только ее элементов, но и закона, принципа связи этих элементов,¹³ образующих систему в рамках данного целого. Иными словами, необходимо произвести выделение интегрального, системного качества, которое является “исходным, базовым признаком системы” (Кузьмин, 1980б, с.257).

Следствием дихотомии процессуальности психической деятельности и структурности ее описания выступает тот факт, что в качестве структурных элементов системы описываются не только ее “части”, но и само интегральное качество, которое приобретает форму интегрального элемента системы. Классическим примером интегрального элемента может служить понятие “Gestaltqualitat” М.Вертгеймера: «Если мелодия состоит из шести тонов, и я повторяю ее, в то время как она исполняется в другой тональности, и она все же узнается, что вообще остается? Эти шесть элементов являются сначала некоторой суммой, но наряду с этими шестью элементами предполагается седьмой, это Gestaltqualitat – качество формы. Седьмой элемент и есть тот, который делает возможным узнавание мелодии» (Вертгеймер, 1980, с.88).

Следует подчеркнуть, что интегральный элемент не обязательно должен рассматриваться автором теории в виде отдельного, неподвижного “блока”. Важно другое: то, что такой элемент приобретает особое понятийное выражение в категориальной структуре конкретной теории. Например, в концепции В.Вундта связи между элементами сознания - ощущениями и простыми чувствованиями - подчиняются ассоциативным законам. В то же время, Вундт указывает, что предшествующий ассоцианизм, сводя “совокупность психических процессов... на низшие и, как полагают, более простые формы интеллектуальных процессов”, оказался “недостаточным даже для полного истолкования одних только интеллектуальных процессов” (Вундт, 1897, с.8). В связи с этим, В.Вундт вводит понятие “апперцепция”, обозначающее некий имманентно присущий сознанию процесс, интегрирующий отдельные ассоциативно связанные элементы в более сложные апперцепционные сочетания, существенные особенности которых “не могут быть сведены на ассоциационные процессы, хотя в основе апперцепционных сочетаний и лежат ассоциации” (там же, с.168).

Интерпретация структурности в психологии крайне неоднозначна, хотя бы в силу того сегодня общепризнанного положения, что предмет психологического анализа

¹³ По определению В.И.Свидерского, “структура принимается нами как закон, принцип связи элементов в рамках данного целого” (Свидерский, 1983, с.60).

не может быть подвергнут непосредственному изучению. Поэтому структурное описание в психологии отражает представление о данном психическом процессе, сложившееся у исследователя. Адекватность этого описания может быть достигнута только при дополнении его процессуальными характеристиками психического.

Структурный подход довольно широко представлен в психологии. В.Вундт (1897) пытался отыскать элементы психического, дабы познать структуру сознания. Гештальтисты (см.: Келер, 1930; Дункер, 1965а,б) говорили о процессе понимания как о “переструктурировании”. Ж.Пиаже (1956; 1968) считал, что процесс психического развития есть достижение уровня сформированности логических структур. В когнитивной психологии возникло неисчислимое количество по существу структурных моделей - будь то блоковые модели кратковременной памяти или сетевые модели семантических процессов переработки информации человеком. Разумеется, разные авторы по-разному трактуют понятие структурности. Однако, следует подчеркнуть, что анализ структуры психики не является прихотью того или иного автора. Она служит проявлением специфики психического отражения.

Психическое отражение по самой своей природе носит специфический характер. Эта специфичность проявляется в процессуальности отражения человеком объективной реальности. Процессуальность психического отражения вступает в конфликт со структурностью бытия человека, следствием чего является предметность сознания человека, т.е. обязательное соотнесение идеальных образов, представлений, понятий с материальными объектами и явлениями. Другим следствием конфликта между процессуальностью отражения и структурированностью бытия человека является невозможность описания и интерпретации функционирования психического посредством каких-либо иных категорий и терминов, кроме категорий и терминов, выявленных и принятых для обозначения объектов материального мира.

Если в науках, занимающихся исследованием объективной реальности, структурное описание выражается в установлении связей и отношений между частями системы, то по отношению к недифференцированному объекту психологического анализа бессмысленным звучит требование установления соотношения между его частями. Фактически структурное описание в психологии является следствием соотнесения идеальных образов, представлений, понятий исследователя с материальными объектами и явлениями. Результатом такого соотнесения являются описания и интерпретации функционирования психики по образцу описания явлений материального мира.

Иллюстрацией сказанного может служить определение мотива посредством понятия “предмет деятельности” в теории А.Н.Леонтьева. Являясь, по существу, “абстракцией, причем абстракцией довольно высокого порядка, т.е. таким утверждением, от которого предстоит еще длительный путь теоретического “восхождения” к конкретному” (Василюк, 1984, с.82-83), - категория “мотив” часто трактуется как нечто внешнее по отношению к деятельности, поскольку “предмет по понятию нечто внешнее, нечто перед субъектом находящееся, предстоящее” (там же, с.81).

В качестве другого примера соотнесения понятий с внешней по отношению к предмету исследования реальностью можно привести аналогию между знаком и орудием, о которой говорил Л.С.Выготский в контексте своей теории развития высших психических функций. Правда, как подчеркивает Выготский, эта аналогия ограничивается лишь “одним определенным отношением” (Выготский, 1983а, с.87). Но в этом отношении - в своей инструментальной функции - знак оказывается направленным на поведение, которое выступает как нечто внешнее по отношению к знаку, как объект действия.

Конечно, «описание субъективных образов, представлений и действий в терминах пространственно-временных свойств не более условно, чем описание ДНК в форме двойной спирали» (Зинченко, Мунипов, 1979, с.170). В то же время, мы не имеем права ни на одном из уровней развития отражения отождествлять сам процесс функционирования и его структурную организацию, выделяемую абстракцией исследователя в целях более глубокого познания самого процесса. Однако, структурное описание предмета нашего исследования вполне имеет право на существование. Во-первых, представление психологической организации в виде структурного образования является традиционным способом интерпретации и поэтому следует именно в терминах этого традиционного подхода рассмотреть особенности психики, тем более, что, во-вторых, структурный подход, как и всякая абстракция, отражает определенный аспект любого объекта, в том числе и психического отражения.

Однако, именно возможность и закономерность структурного описания ставит перед нами вопрос о соответствии нашего описания описываемому явлению, т.е. психике. Ведь “изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление” (Ленин, т.29, с.233). В этой связи чрезвычайно важно, что структурные описания психических процессов, модели создаваемые в психологии, являются квазипространственными. Если структурное описание требует некоторого пространственного соотнесения своих компонентов, то это вовсе не означает, что

подобное пространственное соотнесение отражает реальное положение вещей. Структурная модель психики не есть чертеж, схематично изображающий реальное пространственное расположение частей конструкции. Структура психики есть отображение процесса, а не пространства, в котором этот процесс протекает. Поэтому само структурное описание в психологии представляет собой скорее пространственную интерпретацию временной развертки процесса психического отражения.

Поясним сказанное, взяв для примера сетевые модели семантической памяти (см.: Тульвинг, 1972; Бэддели, 1976; Линдсей и Норман, 1974; Клацки, 1978). Эти (как и многие другие) модели представляют собой попытку описать психическое в удобных для нас, привычных терминах. Эти модели действительно могут служить более или менее удобными рабочими инструментами исследователя при изучении им своего предмета. Но это вовсе не означает, что мы имеем право требовать от этих моделей однозначного соответствия своему оригиналу. Иными словами, если мы попытаемся взять, например, сетевую модель памяти и наложить ее на предполагаемую реальную сеть, которую составляет система психического, то нас постигнет разочарование. И причиной такого разочарования будут не частные (более или менее значительные) расхождения между моделью и оригиналом - мы просто не обнаружим искомый оригинал в том виде, какой предлагает нам данная модель. Любое структурное описание психики (совершенно необходимое для осуществления полноценного анализа) не может претендовать на адекватную интерпретацию психического отражения.

Процесс психического отражения человеком объективной реальности представляется не в виде перехода от одной части системы ко второй, третьей и т.д., а как переход от одного состояния системы ко второму состоянию, третьему и т.д. Описание психологического процесса как смены состояний представляется наиболее релевантным взглядом на психику как на целое. Каждое из состояний этой системы может проявляться в различных формах. Например, в терминах Н.Д.Гордеевой и В.П.Зинченко, это - переход от одних “квантов действия” к другим: “Каждый квант действия... может вызвать другой квант действия или трансформироваться в квант восприятия или оценки. Другими словами, квант действия представляет собой одновременно и частицу, и целое, поскольку он может трансформироваться в любую другую частицу, которую он содержит в себе” (Гордеева и Зинченко, 1982, с.163). Мы можем нарисовать схему таких переходов от состояния А к состоянию Б, В, Г и так далее, но следует помнить, что эта схема будет лишь структурным описанием функционирования единого целого.

Таким образом, понятие “структура” является полезным орудием - но всего лишь орудием, посредством которого исследователь проводит анализ психического процесса. Структурная интерпретация объекта исследования относится, по существу, к метафизическому способу познания, который, “хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием - их возникновения и уничтожения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса” (Энгельс, 1978).

Итак, одним из аспектов построения предмета исследования является выделение элементов, образующих структуру такого предмета. При этом важную функцию выполняет интегрирующий элемент, выражающий системное качество. Вместе с принципом развития системное качество входит в содержание единицы психологического анализа, которая в итоге приобретает статус объяснительного принципа теории. Таким образом, единица анализа из нерасчлененного понятия, из простого начала превращается в сложный объяснительный принцип, структурными компонентами которого являются принцип развития и системное качество. Но если единица в форме простого начала непосредственно указывает на предмет исследования во всей его целостной конкретности, то по мере превращения единицы в объяснительный принцип, понимание предмета опосредуется теоретико-логическими построениями автора. Иными словами, ярко выраженная онтологическая насыщенность единицы начинает убывать по мере нарастания роли гносеологического аспекта.

Следующие шаги, которые мы предпримем, - выяснение того, каким представляется Л.С.Выготскому предмет психологической науки, а также - каким образом диалектическая методология находит свое приложение в ходе построения им этого предмета. В частности, попробуем выяснить, каким образом генетический и структурный анализ находят свое отражение в этом процессе.

Глава 2.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

2.1. ВЫГОТСКИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Начало прошлого столетия - время бурных перемен в жизни людей и в науке. В естествознании потрясает основы теория относительности. Переворачиваются представления людей о мире, в котором они живут. Труднее всего для человека изменить мнение о самом себе. Психология в эти годы все еще занимается разрешением споров между последователями В.Вундта и приверженцами Вюрцбургской школы, хотя и они отходят на второй план перед натиском бихевиористов, гештальтистов, модных психоаналитиков.

Концепция, созданная Выготским на первом этапе его психологической деятельности, в качестве своего основания имеет критический анализ рефлексологии. Выготский утверждает, что цели и средства рефлексологии не соответствуют друг другу. Цель, которую представители рефлексологии ставят перед собой - изучение сложных форм поведения человека, - не может быть достигнута посредством изучения простейших форм поведения, которое только и возможно в пределах рефлексологического методического аппарата. Перенос выводов, к которым приходят рефлексологи на основании поведения животных, на поведение человека без учета его специфики вызывает целый ряд отрицательных последствий. Понятие “рефлекс” становится абстракцией, в своей всеохватывающей всеобщности ничего не объясняющей. Поэтому рефлексология превращается в декларативную и схематичную науку. По мнению Выготского, рефлексология подошла к поворотному пункту в своем развитии, когда противоречие между старыми средствами и новыми целями должно вызвать коренные изменения в содержании этой науки.

Бихевиоризм, направивший всю свою энергию на изучение поведенческих реакций, оставил без внимания внутреннюю жизнь субъектов, отрицая, по существу, не только интимно-личностные, эмоциональные аспекты психики, но и закономерности процесса познания. Концепции поведенческого подхода имели довольно сильные отличия “в России, где в условиях нараставшего революционного движения на передний план выступала защита достоинства и независимости человеческой личности, и в Соединенных Штатах, где доминировал утилитарный, прагматический подход к человеку” (Ярошевский, 1974, с.177), обусловленный запросами быстро развивавшейся экономики. Особенно резко это проявилось во взглядах на роль сознания. Классический бихевиоризм отверг постулат о том, что психолог - это исследователь сознания, как чего-то внутреннего, выступающего в виде субъективных образов. Утверждалось, что поведение человека может стать объектом точной науки лишь после отказа от сознания и других “менталистских” понятий. В отличие от американского бихевиоризма, в работах русских ученых (Сеченов, Павлов, Бехтерев) всегда подчеркивалось отличие исследования поведения от основных задач психологии. В.М.Бехтерев, пытавшийся, как известно, распространить законы механики на общество, писал: “По крайней мере нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного... Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе нет ничего лишнего, и субъективный мир не есть только ненужная величина или бесплодное качество в общей нервно-психической работе” (Бехтерев, 1907, с.17).

И.П.Павлов, отмечая огромное значение исследований высшей нервной деятельности для психологии: “Мы - проще, чем психологи, мы строим фундамент высшей нервной деятельности, а они строят высшую надстройку... Ведь психологическое знание и исследование поставлено чрезвычайно трудно, оно имеет дело со страшно сложным материалом... Ведь в психологии речь идет о сознательных явлениях, а мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного.” (Павлов, 1951, с.105).

В марксистской психологии высказывалось утверждение, в соответствии с которым в своей психологической теории Л.С.Выготский некритически воспроизводит основные принципы бихевиоризма. На наш взгляд, это утверждение нуждается в уточнении. Прежде всего, следует четко обозначить свое отношение к бихевиоризму. В соответствии с наиболее распространенной формулировкой, принимая богатый фактический материал, собранный представителями поведенческой психологии, мы не можем согласиться с теоретико-методологическими и философско-мировоззренческими выводами бихевиоризма. Однако, на наш взгляд, полный отрыв психологии от теоретических принципов бихевиоризма может породить теоретико-методологический разрыв между исследованием человека, его личности и деятельности, с одной стороны, и генетических истоков личности, сознания и деятельности человека, с другой. Ведь единица анализа, выделенная бихевиористами (“S-R”) выражает реальный механизм взаимодействия как животных, так и человека с внешней средой. Другое дело, что применительно к человеку этот принцип утрачивает свою объяснительную силу.

Вряд ли есть исследователи, которые могли бы всерьез отрицать принцип взаимодействия человека и окружающего его мира. Вспомним хотя бы слова С.Л.Рубинштейна, утверждавшего: “Все можно действительно подвести под общее понятие рефлекса, рефлекторно-сочетательной деятельности, но в этом подведении под такое абстрактное общее понятие утрачиваются специфические определения различных функций, которые они имеют и определяются в своем специфическом отличии от других.” (Рубинштейн, 1989, с.371). Дело как раз в том-то и состоит, что принцип S-R специфичен для живых организмов лишь до определенного уровня. Именно поэтому следует с осторожностью подходить к интерпретации таких, например, высказываний Выготского: “Всякий культурный прием поведения, даже самый сложный, может быть всегда полностью и без всякого остатка разложен на составляющие его естественные нервно-психические процессы, как работа всякой машины может быть в конечном счете сведена к известной системе физико-химических процессов” (Выготский, 1991, с.8). Обратим внимание: не о разборе машины на отдельные детали (элементы) говорит

Выготский, а о выделении схемы, принципа, закона, лежащего в основании работы целого. Физико-химические процессы, разумеется, применимы к значительно более широкому классу явлений, чем «машины». Одновременно, не эти всеобщие законы определяют сущность того объекта, который рассматривается в данном примере (машина).

Именно такой общей схемой является рефлекс. В современной Выготскому советской психологии рефлекс служил спасительным средством – по мнению поведенческой психологии, именно рефлекс, как единица, отражающая основные качества биологического организма, может служить противовесом элементаристскому принципу, к концу 19 в. вызывавшему всеобщее отторжение. Однако, физико-химические процессы, дающие адекватное объяснение объектам неживой природы, не могут сделать что-либо подобное в отношении живых организмов. Аналогично, рефлекс, ставший адекватным объяснительным принципом в физиологии, не мог объяснить поведение человека.

При дальнейшем усложнении организации и поведения стимульно-реактивный принцип утрачивает функцию существенного признака. Однако, и на уровне человека он продолжает играть определенную роль. Человек несомненно подвергается воздействиям со стороны внешних раздражителей и реагирует на них. Но такие «стимулы», «реакции», «рефлексы» принципиально отличаются от аналогичных процессов у животных. На смену принципу стимульности, как подметил А.Г.Асмолов (1996) приходит принцип предметности. Но если мы вспомним, что основным методологическим принципом для Выготского является диалектика, то безусловно должны придти к выводу: принцип стимульности не исчезает, он снимается принципом предметности. Стимульность, выражаясь словами Л.С.Выготского «схоронена» в предметности. Культурное развитие - это «развитие особого типа, обладающее своими особыми закономерностями» (Выготский, 1991, с.11). Выявить специфику такого качественно нового поведения человека - в этом видит Л.С.Выготский цель психологии.

Бихевиористскую концепцию можно рассматривать как предельную форму теории Л.С.Выготского, если воспользоваться принципом соответствия, сформулированным Н.Бором. Суть этого принципа состоит в том, что теории, справедливость которых установлена для той или иной области, с появлением более общих теорий не устраниются как нечто ложное, но сохраняют свое значение для прежней области как предельная форма и частный случай новых теорий. Если воспользоваться термином самого Н.Бора, можно сказать, что идея бихевиоризма это -

“глубокая идея” или “большая истина”. Бор писал: “Существует тривиальная истина и большая истина. Противоречащее тривиальной истине, несомненно является ложным. Противоречащее же большой истине является также истинным” (Цит. по: Мак-Гайр, 1984, с.48). По словам современного исследователя, “отрицание, содержащееся в глубокой идее, несет в себе положительное утверждение, которое само может оказаться глубокой истиной. Согласно своеобразной симметрии, свойственной природе глубоких идей, если отрицание первоначальной идеи приводит к глубокой истине, но с еще большей уверенностью, чем прежде, можно утверждать, что первоначальная идея также глубоко истинна. Отрицание в этом случае становится средством выявления глубинности предшествующих идей, позволяя обнаружить в них ранее не замечавшиеся пласты смысла” (Овчинников, 1983, с.94).

Выготский подчеркивает, что основной источник кризиса рефлексологии заключается в игнорировании ее представителями проблемы сознания. Рефлексология не отрицала наличия сознания, но и не принимала его в качестве своего предмета. Фактически это вело к эпифеноменализму в трактовке сознания и, в конечном итоге, к невозможности его научного объяснения. Рефлексология (так же как и американский бихевиоризм) оставалась наукой о поведении высших млекопитающих, в то время как задача науки о поведении человека заключалась в объяснении поведения средствами марксистской методологии, ассимиляция которой являлась актуальной задачей психологии. Но объяснить поведение человека, с точки зрения Выготского, значит объяснить его сознание, поскольку именно сознание является тем отличительным признаком, который выражает специфику поведения человека. Идея сознания как отличительного признака поведения человека становится исходным принципом позитивной части концепции Л.С.Выготского, созданной им на первом этапе развития его теории.

2.2. РЕФЛЕКС – ЕДИНИЦА ПОВЕДЕНИЯ

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ТАК ЖЕ НЕЗАВИСИМ

ОТ СОЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ,

КАК И ПРЕДМЕТЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

По мнению одного из исследователей творчества Выготского, пафос его теории - в отрицании “естественнонаучной парадигмы” (Пузырей, 1986). Высказывания же

самого Л.С.Выготского не оставляют сомнений в том, что общая идея его психологической системы - в необходимости создания естественнонаучной психологии. Думается, подобная противоречивость явилась следствием введения А.А.Пузыреем иного, чем у Выготского критерия естественнонаучности. По мнению Пузырея, таким критерием является независимость объекта от ситуации его исследования. Принимая свой тезис, автор, разумеется “доказывает” “неестественность” теории Выготского. Действительно, сегодня у психологов почти не вызывает сомнения тот факт, что предмет их исследования не может оставаться вне влияния ситуации исследования. Имеется множество примеров такого “внеэкспериментального” воздействия. Но при чем же здесь убежденность Выготского в необходимости создания естественнонаучной психологии, этот “raison d’etre” его психологической системы? Ведь сам Выготский (одновременно отрицавший идеи бихевиористов, считавших естественнонаучной такую психологию, которая позволяет предсказывать и управлять актами поведения (Уотсон, 1926), и гештальтпсихологов, стремившихся к созданию естественнонаучной метатеории наподобие математики (Вертгеймер,1980), - сам Л.С.Выготский видел научный смысл психологии именно в естественности ее предмета.

“Марксистская психология может быть только естественной наукой”, - пишет Выготский (1982а, с.417), но тут же добавляет, что такое определение следует отличать от понятия “биологическая наука”. Понятие “естественность” не совпадает у Выготского с понятием “биологичность”: все биологическое естественно, но не все естественное биологично. Очевидно, смысл этого замечания для Выготского состоял в отмежевании как от интроспекционистских, так и бихевиористских толкований предмета: предмет марксистской психологии в отличие от интроспекционизма естественен, но в отличие от бихевиоризма не биологичен. Биологическое, конечно, участвует в развитии высших психических функций, но постольку, поскольку и социальное участвует в органическом развитии ребенка (см.: Выготский, 1991, с.11).

Понятие предмета естественной науки у Выготского является чрезвычайно широким, фактически совпадающим с понятием материальности. Цитируя определение В.И.Ленина: “Единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания” (Ленин, т.18, с.275), - Выготский подчеркивает, что в данном определении выражен “в сущности принцип реализма” (Выготский, 1982а, с.413).

Для Выготского естественно все, что реально существует. Наука о субъективном имеет не меньшее право на существование, чем математика или биология, поскольку предмет психологии в такой же степени независим от сознания исследователя, как и физические объекты.

ПСИХОЛОГИЯ ДОЛЖНА ОБЪЯСНЯТЬ СВОЙ ПРЕДМЕТ, А НЕ ЯВЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Однако, сама по себе объективность познаваемого еще не является, по мнению Выготского, критерием научности. Для Выготского суть психологии как науки, прежде всего, - в возможности объяснения: “Для психологии как знания есть два пути: или путь науки, тогда она должна уметь объяснять; или знание об отрывочных видениях, тогда она невозможна как наука” (Выготский, 1982а, с.414), - причем “объяснять - значит устанавливать связь между одним фактом или группой фактов и другой группой. Объяснять - значит для науки - причинно объяснять” (там же, с.300).

В современной Л.С.Выготскому психологии доминировали два подхода к проблеме причинного объяснения: психологический детерминизм В.Вундта и механический детерминизм, главной формой которого выступал бихевиоризм. В обоих случаях сознание трактовалось как ряд феноменов, которые либо должны объясняться из самих себя, либо вообще не должны рассматриваться как предмет науки. В итоге сознание приобретало статус неестественного явления, т.е. такого явления, в основании функционирования которого лежат законы, принципиально отличные от законов, управляющих функционированием естественных объектов.

Эмпирическая психология начала XX века, которую Л.С.Выготский рассматривал как альтернативу марксистской психологии, фактически ограничивалась этапом обобщения явлений. Но “истинная задача анализа во всякой науке есть... вскрытие реальных каузально-динамических связей, лежащих в основе каких-нибудь явлений” (Выготский, 1983а, с.96). Поэтому “нас должен интересовать... не готовый результат, не итог, или продукт развития, а самый процесс возникновения или установления высшей формы, охваченной в живом виде” (там же, с.100), поскольку “явление определяется не на основе его внешнего вида, но на основе его реального происхождения” (там же, с.97).

Таким образом, реальность, по Выготскому, не сводится к возможностям чувственного восприятия. Реален не являющийся (т.е. чувственно воспринимаемый)

объект, а объект в своем становлении (развитии), подчиняющемся закономерным причинным связям. Истинная реальность может находиться вне пределов чувственного восприятия. То, что мы воспринимаем (видим, слышим, ощущаем) - лишь явление нам реальности.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ – ОРГАНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Разумеется, разведение понятий “естественное” и “биологическое” еще не давало возможности указать признаки, характерные для предмета психологии как естественной науки. Уточнение своего толкования предмета психологии Выготский дает, сопоставляя это свое понимание с понятием “органическая система”, употреблявшимся К.Марксом. Раскрывая свое понимание естественнонаучности, Выготский подчеркивает: “В этом смысле Маркс, по его словам, изучает процесс развития экономических формаций как естественноисторический процесс” (Выготский, 1982а, с.418). Отсюда мы можем сделать вывод об аналогичности понимания предмета исследования Выготским тому содержанию, которое вкладывал Маркс в понимание предмета своего исследования.

У нас есть возможность сослаться на мнение советских философов, изучавших понятие «органическая система» в контексте анализа категорий марксистской философии. Так Б.Грушин (1964, с.238) определяет органическую систему как «сложный развивающийся объект». Э.В.Ильенков отметил, что необходимые предпосылки и условия возникновения органической системы «сохраняются на всем протяжении ее истории. И, наоборот, каждое действительно необходимое следствие существования данной системы необходимо же превращается в условие его дальнейшего развития. И поскольку данная конкретная органическая система действительно превратила условия своего возникновения в следствия, в продукты своего самодвижения, она и превращается в относительно самостоятельную форму развития» (Ильенков, 1964, с.244). «Выступает ли определенная закономерность на первоначальных этапах развития предмета или на стадии его неполной зрелости, все равно она есть закон исторически определенной и в этом смысле самодовлеющей органической системы», - уточняет М.Туровский (1964, с.245). Наконец В.П.Кузьмин показал, что понятием “органическая система” автор “Капитала” обозначал такие системы, в основании которых “лежит некий определенный тип жизнедеятельности или способ существования, составляющий материальный базис данной системы” (Кузьмин, 1980а, с.116).

Таким образом, можно сделать вывод: для Выготского естественность предмета исследования означает подчиненность этого предмета общим законам, в числе которых – сложность, способность к саморазвитию, наличие материального (а по Выготскому – реального) базиса. Для Выготского предмет психологии как органическая система аналогичен предмету экономики. А если мы вспомним «Исторический смысл психологического кризиса» - проведенные там рассуждения Выготского (1982а), посвященные развитию науки, то и там увидим аналогичные признаки предмета исследования, на этот раз – науковедения. Независимо от того, считается ли изучаемое явление предметом общественной или естественной науки (в традиционном понимании «естественности»), для Выготского такой предмет всегда естественен – он способен к саморазвитию и обладает реальным базисом («способом жизнедеятельности»)¹⁴.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ – ОДУХОТВОРЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Л.С.Выготский неоднократно подчеркивал, что предметом его исследований является поведение человека. Правда, эксплицитные определения поведения как предмета психологии даются автором культурно-исторической теории лишь на первом этапе развития его психологической системы, реже встречаются на втором этапе и отсутствуют в текстах, раскрывающих содержание теории речевого мышления. В своих ранних работах Выготский прямо говорит о том, что именно поведение является предметом психологии (Выготский, 1982а, с.57, 70). Так же определено Выготский называет предмет своего исследования в теории развития высших психических функций, когда утверждает, что понятия “развитие высших психических функций” и “культурное развитие поведения” тождественны (Выготский, 1983а, с.14), а также, что “развитие высших психических функций составляет одну из важнейших сторон культурного развития поведения” (там же, с.29).

Выготский приступил к созданию своей теории в то время, когда понятие “поведение” обозначало “все, что называют этим именем в сравнительной психологии” (Уотсон, 1980а, с.18). Поведение в бихевиористском толковании не только не включало в себя, но отрицало признак осознанности. В основе толкования сознания в старой

¹⁴ В данной работе невозможно остановиться на сходных теоретических построениях, развивавшихся другими исследователями. Но нельзя не упомянуть о теории функциональных систем П.К.Анохина (1978), о физиологии активности Н.А.Бернштейна (1990). Отметим также построение концепта «квазиобъект» А.А.Леонтьевым (1999) в контексте деятельностной теории общения.

психологии лежало признание “коренного различия психики от физической природы” (Выготский, 1982а, с.410). С точки же зрения самого Выготского, “психика является частью самой природы. Как и вся остальная природа, она... возникла в процессе развития” (там же, с.137).

Можно предположить, что автор культурно-исторической теории и сам осознавал узость своей “поведенческой” терминологии, пытаясь понять “чем же отличается этот рефлекс от того” (Выготский, 1982а, с.82). Для нас важно другое. Сознание в теории Выготского выступает как внутренний момент поведения. Поэтому оно не имеет своего “особого” бытия. Не существует отдельно сознание и отдельно поведение. Есть только одухотворенное поведение как “органическая система”, в основании которой лежит процесс взаимодействия человека с окружающим его миром. По Выготскому, бытие сознания следует искать в поведении человека. В этом отличие изучения Выготским “бытийного слоя сознания” (Велихов, Зинченко и Лекторский, 1988) от интроспекционизма, абсолютизовавшего рефлексивный слой сознания, и бихевиоризма, вообще отказывавшего сознанию в бытийности.

Конечно, можно заниматься и сознанием самим по себе, но это - прерогатива гносеологии, где “кажимость есть” (там же, с.415). В пределах же конкретно-психологического исследования сознание - только атрибут (движения) материи, мыслящего тела (Спиноза). Поэтому предметом такой “частной” психологии может быть только поведение. Но поведение не в бихевиористском его толковании, как явление, а как процесс взаимодействия человека с окружающей его действительностью, приобретший в ходе естественно-исторического развития особое свойство - осознанность.

Перед нами возникает проблема: мы должны развести бихевиористское толкование понятия «поведение» и его толкование в теории Выготского. Поведение у Выготского – это внечувственная органическая система, данная субъекту в его превращенной форме – в сознании. Нужен новый термин. Его нет у Выготского. Но он нужен. Может быть, «осознанное поведение». Может быть, «одухотворенное поведение». Может быть, «деятельность». В контексте данной книги у нас нет возможности и не представляется необходимым вдаваться в терминологические проблемы. Главное – зафиксировать факт содержательного различия двух подходов к изучению поведения.

НУЖНО ИЗУЧАТЬ ПОВЕДЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЮ,

ЧТОБЫ ИЗУЧИТЬ СОЗНАНИЕ

Марксисты в области науки игнорируют самим же марксизмом постулируемую относительность первичности материи по отношению к сознанию, и вместо исторической первичности материи по отношению к сознанию, подменяют ее онтологической первичностью, хотя именно относительность данного соотношения позволила, например, Гегелю логически выводить законы природы из мышления (“переворачивая с ног на голову” - как вполне правомерно, со своей точки зрения, утверждает марксизм - суть дела при попытке сделать то же самое исторически).

Поскольку формальная интерпретация материалистического подхода к соотношению материального и идеального требует установления между тем и другим абсолютного отношения “первичное-вторичное”, то в качестве первичного принимается именно то, что предлагает само сознание: в одних случаях таким первичным называется мозг человека (или высшая нервная деятельность), в других - поведение. Но и в первом, и во втором случае сознание не может не выступать в качестве субстанции, рядоположной материи. Таким образом, вульгарный материализм, по формы отмежевываясь от идеалистических (и дуалистических) концепций, по содержанию смыкается с этими теориями в представлении сознания как субстанции.

Итак, сложность исследования психики заключается именно в неуловимости самого этого феномена. Любое явление, наблюдаемое исследователем, не может быть обозначено как наблюдение явлений сознания. Сознание в принципе не имеет своей феноменологии, поскольку не имеет своего, не зависящего от органической системы, бытия. В отличие, скажем, от физики или биологии, где изучаются реальные, т.е. существующие вне субъекта наблюдения, объекты, - в отличие от подобных естественных наук, предмет психологии принципиально ненаблюдаем и любое его описание непременно является следствием априорно принимаемых теоретических постулатов, является каузально-динамическим. Иными словами, мы не можем произвести непосредственное описание предмета психологии, но можем этот предмет объяснить.

Для того, чтобы анализ психики был осуществлен, требуется выйти за пределы описания в терминах материального субстрата и оперировать исключительно категориями, обозначающими оторванные от материи свойства субстрата. Но этот закономерный и очевидный прием часто приводит к противопоставлению материального и идеального. Чтобы не впасть в ошибку такого противопоставления, необходимо в ходе психологического анализа систематически производить сопоставление двух относительно независимых видов бытия. Данное сопоставление -

все равно, выражено ли оно эксплицитно или осуществляется только в сознании исследователя - препятствует абсолютизации психики как субстанции.

В то же время, выражая свое понимание проблемы сознания в ранних статьях, посвященных критике поведенческой психологии Выготский утверждает, что “сознания... как особого способа бытия не оказывается” (Выготский, 1982а, с.98). Данное толкование направлено против субстанционализации сознания, осуществлявшейся как традиционной психологией, так и бихевиоризмом. Противопоставление материи и сознания, утверждает Выготский, есть результат смешения гносеологического и онтологического аспектов проблемы: “В гносеологии кажимость есть, и утверждать о ней, что она есть бытие, - ложь. В онтологии кажимости нет вовсе. Или психические феномены существуют, тогда они материальны и объективны, или их нет - тогда их нет и изучать их нельзя. Невозможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о призраках, о том, чего нет... Нельзя сказать: в мире существуют реальные и нереальные вещи - нереальное не существует” (там же, с.415). Выготский предлагает однозначное решение этой дилеммы: “Субъективное есть кажущееся, а потому его нет” (там же),

Что же это такое: часть природы, которой нет и о которой невозможна никакая наука? Можно ли дать ответ на этот парадоксальный вопрос? Можно, если вспомнить одно слово, которое есть у Выготского, но которое выпало из нашего вопроса. Это - слово “только”. “Только” о субъективном наука невозможна. Ведь “сознания... как особого способа бытия не оказывается” (там же, с.98). “Особого”! А какой же способ бытия есть сознание? Где его искать, это самое “неособое” бытие?

Отвечая на этот вопрос, Выготский обращается к той “естественнонаучной парадигме”, на фоне которой разворачивалась его научная деятельность, вычерпывает из нее концепции, релевантные его теории, и анализирует их, отбирая верные (по крайней мере, с точки зрения самого Выготского) и отбрасывая ложные. Бихевиористы исследовали поведение, но отрицали возможность изучения сознания. Это - тупик. Но есть работы А.Н.Северцова, который показал, что психический процесс вызывает изменение свойств и структуры поведения. Есть “Рефлексы головного мозга” и “Элементы мысли” И.М.Сеченова. “Естественнаучная парадигма” настойчиво убеждала: психика есть приспособительная реакция, целостно включенная в цепочку жизненных отправлений организма.

С точки зрения Выготского, исследование сознания должно заключаться в следующем. Существуют, с одной стороны, мир вещей и, с другой стороны,

материальный субстрат сознания. Итогом их взаимодействия является сознание. Сравнивая сознание с зеркальным отражением вещей, Выготский пишет: “Если мы будем знать вещь и законы отражения света, мы всегда объясним, предскажем, по своей воле вызовем, изменим призрак... То же и в психологии... Загадка психики решится... не путем изучения призраков, а путем изучения двух рядов объективных процессов, из взаимодействия которых возникают призраки как кажущиеся отражения одного в другом” (там же, с.416).

В итоге единица психологического анализа выходит за пределы представления предмета исследования как отграниченной области бытия. Такое представление, выражаемое посредством введения первичной абстракции, на уровне логического начала претерпевает превращение, итогом которого является представление предмета как образования, включающего в свое содержание те образования, которые первоначально считаются внешними по отношению к предмету исследования.

Таким образом, в ходе построения теории предмет исследования утрачивает свою эмпирическую (в сенсуалистском толковании) очевидную “онтологическую” отграниченность. В этой связи можно привести высказывание А.Бергсона: “Есть только одно средство опровергнуть материализм, а именно: установить, что материя абсолютно такова, какою она кажется. Этим из материи исключалась бы всякая виртуальность, всякая сокрытая сила, а явления духа получили бы независимую реальность” (Бергсон, 1911, с.65). Очевидно, не случайно А.Н.Леонтьев, проводивший исследование опосредованного запоминания под непосредственным руководством Л.С.Выготского, приводит это высказывание на страницах своей книги (см.: Леонтьев, 1931, с.20) со следующим комментарием: “Говоря о научной несостоятельности чистой эмпирики, мы конечно меньше всего имеем в виду отказ от эмпирического метода и переход к построению и внесению в психологию “сверху” априорных конструкций. Мы хотим лишь выразить ту мысль, что “познание, желающее брать вещи так, как они есть, впадает в противоречие с самим собой”, и что эмпирия не может не быть проникнута и обусловлена теорией, но сама эта теория в свою очередь порождается из эмпирии, из объективных фактов”. (Леонтьев, 1931, с.29) Для нас это означает, что предмет не “утрачивает” свою реальную связь с “онтологией”, а, наоборот, “онтология” предмета получает неполное толкование в теоретической системе. Это - указание на необходимость изменения представлений о предметной области исследования. В результате происходит введение новой единицы психологического анализа в форме

первичной абстракции, что знаменует собой начало построения новой психологической теории.

В пределах гносеологического исследования мир выступает как нечто внешнее по отношению к сознанию. Сознание выступает здесь как средство жизнедеятельности субъекта. Именно к этому случаю можно отнести слова Л.С.Выготского: “Психика построена по типу инструмента, который выбирает, изолирует отдельные черты явлений: глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего, сознание, которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало, и самосознание, если сознавало все, не сознавало бы ничего. Наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их опять через новые пороги. Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами. Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке” (Выготский, 1982а, с.347). Однако за пределами гносеологического исследования мы должны рассматривать сознание как одну из форм развития мира. Тогда сознание теряет свою абсолютную противопоставленность бытию, рассматривается как часть бытия и, таким образом, рассматриваемое безотносительно к своей функции, приобретает статус “чистого процесса”. Здесь и само сознание мы интерпретируем как “гераклитов поток”. Это - тот процесс, который лежит в основе “выбора устойчивых точек действительности среди всеобщего движения”.

Именно в этом пункте прослеживается отличие концепции Выготского от традиционного естественнонаучного взгляда. С точки зрения естественнонаучного подхода, предмет исследования - это отграниченная, структурированная, поддающаяся объяснению, имеющая свою историю часть реальности, исследование которой позволяет сделать выводы, распространяемые на более обширные сферы реальности же. Для Выготского поведение - реальность, необходимая для того, чтобы, изучив ее, сделать выводы о нереальном, о кажимости. В этом - коренное отличие теории Выготского от всех других психологических учений: в пределах конкретно-психологического исследования (“онтологически”) нельзя изучать сознание (как это пытались делать интроспекционисты) и бессмысленно изучать поведение (как это делали бихевиористы). Нужно изучать поведение, чтобы изучить сознание.

Таким образом, на первом этапе своей теории Л.С.Выготский приходит к понятию сознания, определяемому через рефлекс как приспособительная реакция

организма, содержательно выражающая внутреннюю сторону рефлекторного акта. На основании идей о реактивности сознания и о его характере внутренней стороны рефлекса Л.С.Выготским выводится объяснительный принцип теории первого этапа. В соответствии с этим принципом, необходимо различать гносеологическое и конкретно-научное решение проблемы сознания. Выготский понимал относительность противопоставления сознания и материи за теми пределами, которые определяют направление гносеологического исследования (см.: Ленин, т.18, с.151, 253).

Таким образом, в соответствии с концепцией соотношения сознания и поведения, разработанной Выготским на первом этапе его психологической деятельности, сознание выступает как внутренний “момент” поведения человека. В свою очередь, содержание понятия “поведение” в работах Выготского, включающее в качестве своего внутреннего “момента” сознание, явным образом отличается от того содержания, которое вкладывали в это понятие представители поведенческих направлений. Поведение человека в теории Выготского качественно отличается от поведения в бихевиористском толковании своей осознанностью. Это, если воспользоваться термином К.Маркса, - “органическая система”, в основании которой лежит процесс взаимодействия человека с окружающим его миром.

Предложенный Л.С.Выготским объяснительный принцип вступает в противоречие с содержанием понятия “рефлекс” в том его толковании, которое было принято в различных поведенческих психологических концепциях. Рефлекс в бихевиористском толковании отрицает осознанность. Напротив, у Выготского поведение оказывается осознанным процессом, а это значит, что понятие “рефлекс” перерастает те границы, которые были поставлены поведенческой психологией.

2.3. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АКТ –

ЕДИНИЦА ПРОИЗВОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Уже на первом этапе построения собственной психологической теории Выготским была разработана концепция соотношения сознания и поведения. И если в последующих работах Выготского соотношение сознания и поведения не было эксплицировано как предмет исследования, то, на мой взгляд, именно потому, что формула такого соотношения была выработана и требовала не переделки, а воплощения в конкретно-психологических исследованиях в качестве методологического принципа.

Эта принципиальная формула находит свое выражение в дальнейших исследованиях Выготского.

В своих ранних работах Выготский определил для себя предмет своего исследования: поведение. Естественно, перед ним встал вопрос о средствах изучения этого предмета - вопрос о методе. Хорошо известно, что для самого Выготского таким средством стал метод выделения единиц.

Единицы анализа можно найти в любом научном построении. Но почему Выготский - в отличие от многих - осознанно выделил это орудие исследовательского труда как свой метод? Потому ли, что он хотел тем самым зафиксировать “неестественность процессов функционирования психического аппарата” (Пузырей, 1986, с.87), или потому, что “взятый из естественных наук способ анализа (расчленение, структурирование, установление внутренних связей и т.д.) психики противоречит ее природе” (Радзиховский, 1988, с.120)? Думается, дело в другом. Методолог-Выготский, конечно, не мог не понимать, что психолог не может заниматься своим предметом вообще, так же как биолог не может изучать жизнь вообще, или физик - природу вообще. А раз так, то необходимо выделить нечто такое, что отличалось бы от стимульно-реактивных поведенческих актов Дж.Уотсона, условных рефлексов И.П.Павлова, сочетательных рефлексов В.М.Бехтерева, реакций К.Н.Корнилова... Это “нечто” должно быть таким, чтобы в нем целостно сочетались и психические, и поведенческие процессы. Такой единицей является рефлекс - таков итог поиска Выготского на первом этапе развития его теории. Здесь термин остается старым, но содержание понятия не укладывается в прежние границы. Единица одухотворенного поведения - что-то другое. Но что?

Это - инструментальный акт. Вот он - “рефлекс” человека, рассуждает Выготский. Ведь здесь есть и стимул, и ответ, и присущая только человеку “внутренняя составляющая” - знак. Как видим, и здесь предмет однозначно диктует исследователю выбор единицы.

Дальнейшие исследования автора культурно-исторической теории основаны на идее единства поведенческих и собственно психологических проявлений. В соответствии с этой идеей, психика человека обладает такой же структурой и подчиняется тем же законам, что и поведение. Если в своей внешней деятельности человек отличается от животного, прежде всего, тем, что употребляет орудия, дополняющие и многократно увеличивающие возможности натуральных органов, то и

специфику психики человека, по мысли Выготского, составляет именно использование особых орудий - знаков.

Именно такое понимание специфики психического отражения приводит Выготского к понятию “инструментальный акт”: “Инструментальный акт для естественнонаучной психологии - это сложное по составу образование (система реакций), синтетическое целое и вместе с тем простейший отрезок поведения, с которым имеет дело исследование, элементарная единица поведения с точки зрения инструментального метода” (Выготский, 1982а, с.106). Структурно инструментальный акт складывается из стимула, знака и ответа, а знак интерпретируется как основной (системообразующий) фактор высших психических функций. С точки зрения Выготского, для того, чтобы овладеть своим поведением (высшими психическими функциями), человек применяет психологические орудия (знаки), подобно тому, как в трудовой деятельности - для того, чтобы овладеть предметом своей (трудовой) деятельности - он применяет орудия труда, т.е. структура сознания отображает структуру внешнего предметного действия.

Вводя в контекст своего методологического аппарата категорию “инструментальный акт”, Л.С.Выготский “преодолевают характерную для животных непосредственную детерминацию поведения внешними стимулами и актуальными потребностями, внося в нее новые, высшие закономерности, подчиняющие себе действие низших” (Д.А.Леонтьев, 1999, с.153). Но и здесь предметом его исследования остается одухотворенное, осмысленное поведение человека.

Между миром природы и человеком создается второй мир - мир, являющийся продолжением человека, но, одновременно, составляющий часть природы, преобразованной субъектом деятельности. Структуру этого “второго мира” составляют орудия. Наиболее важным свойством орудий, отличительным признаком является их способность направлять на себя мотивационную сферу человека: “Человек хочет палку, обезьяна - плод. Обезьяна не хочет орудия, Она не изготавливает его на будущее. Для нее это средство удовлетворения инстинктивного желания.” (Выготский, 1982а, с.159). В свою очередь, направленность человека на орудие придает последнему значение, в то время как “палка у обезьяны не становится орудием, она не имеет значения орудий.” (Там же, с.158). Таким образом, орудие приобретает знаковую функцию, одновременно как бы удваиваясь в сознании человека. В условиях социального опосредования знаки приобретают свою внутреннюю форму и позволяют человеку произвольно регулировать свою деятельность.

Л.С.Выготский считает, что именно орудийность является тем фактором, который объединяет собственно поведение и высшие психические функции. Раскрытие орудийного характера высших форм поведения позволяет Л.С.Выготскому трактовать поведение и психическое отражение человека как образования, опосредованные знаком.

Внимание исследователя в это время привлекают социальность, опосредованность и структурность психики человека. Анализ этих качеств Выготский производит через призму единства внешних и внутренних орудий. Главным для исследователя здесь становится доказательство существования генетических корней сознания в социальной действительности человека. Плодом этого периода деятельности Выготского явилась теория интериоризации внешних орудий внутрь посредством прямого взаимодействия человека с окружающими его людьми.

Таким образом, на данном этапе развития культурно-исторической теории осознанное поведение человека (высшие психические функции) объясняется через принцип знаковой опосредованности. Однако, данный объяснительный принцип отрицает исходное утверждение, положенное в основание выделения инструментального акта. Ведь, по определению, знак - это то, что имеет значение. Но в структуре инструментального акта знак не требует значения. Инструментальный акт описывает внешнюю схему действия, в которой поведение оказывается лишь предметом, аналогичным объектам деятельности. Понятие “инструментальный акт” служит средством подтверждения существования у сознания и поведения идентичных признаков. Оно содержательно раскрывается Л.С.Выготским, благодаря привлечению к анализу понятий “орудийное действие” и “знак”. Однако, понятие “инструментальный акт” не позволяло раскрыть специфику сознания человека.

Теорию интериоризации, разработке которой Л.С.Выготский посвятил значительную часть своего творческого пути, мы рассматриваем как необходимый, но не достаточный этап создания теории значения как единицы психологического анализа. Сердцевиной теории интериоризации является категория знака. Внешний и внутренний знак здесь выступают как нечто рядоположное. Цель исследователя в данном случае - показать обусловленность, опосредованность, детерминированность сознания миром материальных процессов, и не просто материальных, а социальных - именно демонстрация социальной опосредованности психики человека составляет смысловой стержень теории интериоризации Л.С.Выготского.

В дальнейшем эта линия исследований была развита П.Я.Гальпериным в теории поэтапного формирования умственных действий. В итоге «внешнее» предметное

действие получило статус первичного по отношению к «внутреннему» умственному действию. Поведение было проинтерпретировано как нечто определяющее сознание. Развитие фактически превратилось в процесс «превращения» «внешнего» во «внутреннее» под воздействием руководителя-педагога, организатора педагогического процесса. Подобная позиция вызывала и вызывает негативную реакцию у представителей школы Выготского. Еще А.Н.Леонтьев довольно резко критиковал теоретические построения П.Я.Гальперина. А В.П.Зинченко убедительно раскрывает несостоятельность теории поэтапного формирования.¹⁵

Один из наиболее последовательных критиков культурно-исторической теории А.В.Брушлинский (1966; 1968; 1977), подчеркивая, что “в отечественной психологии Выготский был первым, кто наиболее последовательно и систематически разработал знаковый подход, согласно которому знаки (прежде всего речевые) опосредствуют низшие (натуральные) психологические функции у маленьких детей и превращают эти функции в высшие, т.е. культурные, социальные, специфически человеческие” (“Психологическая...”, 1997, с.187), в то же время утверждает, что “Выготский в последние 5-6 лет своего творчества разрабатывал знаковый, но не деятельностный подход” (там же, с.198), что “согласно этому альтернативному подходу, главной “производящей причиной” (Л.С.Выготский) развития человека и его психики является знак, речь, символ и т.д.” (Брушлинский, 1989, с.80)

Если при анализе теории Л.С.Выготского остановиться на этой стадии ее развития, то, безусловно найдутся основания для следующей неодобрительной оценки этой теории: в культурно-исторической теории “речь выполняет даже функцию мышления, планируя действия и т.д.; причем сначала практическая задача решается

¹⁵ Правда, раскритиковав теорию, в соответствии с которой предметное действие и сознание выступают как первичное-вторичное, В.П.Зинченко почему-то в принципе отвергает теорию интериоризации. Утверждая, что субъект и объект образуют единство, он не объясняет, каким образом происходит их взаимодействие. Либо субъект-объект – одно и то же явление, либо между субъектом и объектом так или иначе происходит некоторое взаимодействие. Безусловно, такое взаимодействие онтологически не может рассматриваться как некое переливание «внешнего» во «внутреннее», «преобразование» и ассимиляция. Но абстрагирование интериоризации (как бы этот процесс воздействия объекта на субъект ни называть) и ее изучение, как это, собственно, и делал Л.С.Выготский, неизбежно. Впрочем, в дальнейшем Зинченко (2000) не столь категоричен по отношению к категории «интериоризация».

лишь в речевом плане с помощью речевого планирования, и только потом совершается моторная реализация подготовленного решения.” (там же, с.81). Но уже в “Мышлении и речи” Выготский, анализируя планирующую функцию эгоцентрической речи ребенка (именно этой проблеме посвящены рассуждения Выготского, оценка которых А.В.Брушлинским приведена выше), говорит о том, что “эгоцентрическая речь - это речь внутренняя по своей функции” (Выготский, 1982б, с.108), что внутренняя речь - это “особый внутренний план речевого мышления” (там же, с.353). После этого утверждение, в соответствии с которым у Выготского “речь оказывается первичной по отношению к специфически человеческому практическому действию. Более того, не только практическое, но и вообще все мышление человека становится в итоге функцией речи как “производящей причины” психического развития людей” (Брушлинский, 1989, с.81), - такое утверждение представляется не вполне адекватным смыслу рассуждений Л.С.Выготского.

У Выготского внутренняя речь – это, скорее, аналог «внутренней формы Г.Г.Шпета, которая «есть закон не голого отвлеченного конципирования, а становления самого, полного жизни и смысла, слова-понятия, в его имманентной закономерности образования и диалектического развития» (Шпет, 1996, с.93). По формулировке Т.Д.Марцинковской, у Шпета «внутренняя форма слова как таковая имеет динамический характер и именно она является той энергией, которая помогает раскрыть содержание смысла понятия при его словесной передаче, определяя законы диалектического движения к пределу полноты смысла. Эту диалектику Шпет называет «диалектикой реального или диалектикой реализуемого культурного смысла», и именно эта динамика, соединяющая и логическую и поэтическую внутреннюю формы передает как содержание понятия, так и его социальный смысл, помогает понять окружающий мир во всей его полноте и потому может быть названа герменевтической» (Марцинковская, 1996, с.17).

Обе работы, в которых, собственно, и содержится изложение теоретических разработок Л.С.Выготского, к которым он пришел на втором этапе своей психологической деятельности - “История развития высших психических функций” и “Орудие и знак в развитии ребенка” - не были опубликованы автором. Возможно, следует согласиться с Д.Б.Элькониным, который видел причину этого в том, что “именно в то время теория, развиваемая Выготским, подвергалась серьезной критике” (Эльконин, 1984, с.392). Вместе с тем, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что критика, по-видимому, сыграла роль не внешнего фактора, но заставила автора культурно-

исторической теории продолжить активные теоретико-методологические изыскания, итогом которых стала теория речевого мышления.

Нельзя не отметить и еще один момент. Тот факт, что Л.С.Выготский не опубликовал указанные работы, говорит, на наш взгляд, о том, что субъективно, т.е. для самого автора эти исследования не носили характера завершенности. И если объективно, с точки зрения истории психологии мы с полным правом можем выделить эти и содержательно связанные с ними исследования в самостоятельный этап научной деятельности Л.С.Выготского, то для самого исследователя этот этап, по-видимому, имел значение переходного периода от ранних работ к теории речевого мышления.

Поэтому существенное значение приобретает следующее высказывание А.А.Леонтьева: «Книга “Орудие и знак в развитии ребенка была, судя по комментариям к ее первой публикации (в “Собрании сочинений” Выготского), написана в 1930 году. Под этим же годом она стоит в списке работ Выготского в 6-м томе, как известно, организованном не по годам публикации, а по годам написания. Но в этом списке после даты 1930 не случайно стоит знак вопроса. Если внимательно читать данную книгу, все время возникает ощущение, что она отражает не мысли Выготского 1930 года, а более ранний этап, этап собственно культурно-исторический. Правда, в тексте уже упоминаются эксперименты Сахарова, но они, как известно, начались в 1927 году, а после смерти Сахарова (1928) были продолжены Выготским вместе с Ю.В.Котеловой и Е.В.Пашковской в 1928-1930 гг. И, вероятнее всего, рукопись осталась в архиве автора совсем не случайно в то время, когда она была написана (а это, видимо, 1928 или 1929 год) как раз и произошел перелом во взглядах Выготского, наиболее ярко отразившийся в “Конкретной психологии человека”» (Леонтьев, 2001).

Заслугой Л.С.Выготского является раскрытие генетического единства внешних и внутренних знаков. Однако утверждение такого единства не могло стать законченной психологической теорией. Психологическая теория, ограничивавшаяся рассмотрением лишь сходства между внешними и внутренними знаками, обрекала себя на столкновение с методологическими проблемами, решение которых не могло быть осуществлено без серьезной модификации самой теории. Л.С.Выготский, очевидно, сознававший незавершенность своих работ, видел путь развития психологической науки в разработке проблемы значения, которое стало в его теории пунктом перехода к проблеме деятельности. “В старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение, - читаем мы в одном из его текстов. - Мы исходили из принципа константности значения, выносили значение за скобки. Но уже в старых исследованиях проблема значения была заключена. Если прежде нашей задачей было показать общее

между “узлом” и логической памятью, теперь наша задача заключается в том, чтобы показать существующее между ними различие” (Выготский, 1982а, с.158).

2.4. ЗНАЧЕНИЕ – ЕДИНИЦА РЕЧЕВОГО МЫШЛЕНИЯ

На каждом из этапов развития культурно-исторической теории происходит обобщение теоретических выводов, сделанных на предыдущих этапах. В то же время, каждый последующий этап в теории Л.С.Выготского зарождается как реакция на противоречие, возникшее в ходе построения предмета. Попытка преодоления противоречия вызывает изменение вектора исследования, что, в свою очередь, ведет к модификации цели анализа, осуществляемого на данном этапе. В итоге результаты предшествующих этапов подключаются к анализу, проводимому позднее, как отдельные, относительно независимые направления исследования предметной области. Эта особенность теории Л.С.Выготского более всего отразилась в содержании понятия “значение”, представляющего собой - как единица психологического анализа - итог развития взглядов автора, выраженных на предыдущих этапах.

Как известно, Л.С.Выготский, в результате своих исследований пришел к выводу о том, что единицей психологического анализа является значение. В психологической системе Выготского категория “значение” занимает важное место. Правда, автор культурно-исторической теории выделил это понятие в качестве единицы психологического анализа лишь на последнем этапе своей научной деятельности. Но как раз поэтому содержание, вкладываемое Выготским в понятие “значение” представляет особый интерес с точки зрения раскрытия общего смысла психологической теории Выготского.

Категория “значение” в системе взглядов Выготского является если и не последним, то, по крайней мере, последним из наиболее разработанных звеньев теории. Соответственно, можно высказать предположение о том, что понятие “значение” в теории речевого мышления Выготского вбирает в себя основные идеи более ранних этапов развития культурно-исторической теории - ведь, как правило, по мере изменения теоретических представлений того или иного исследователя, новые концептуальные схемы включают в себя позитивные моменты (позитивные хотя бы с точки зрения автора), получившие свое развитие на предшествующих этапах построения теории. В связи с этим возникает вопрос: можно ли сводить проблему значения у Выготского к проблеме сознания или более того, - к проблеме речевого мышления, даже если сам автор теории эксплицитно не выводит категорию “значение” за эти пределы?

В последних работах Выготского эксплицитное определение предмета психологии отсутствует, а отдельные высказывания этого периода - о том, например, что “проблема мышления и речи принадлежит к кругу тех психологических проблем, в которых на первый план выступает вопрос об отношении... различных видов деятельности сознания” (Выготский, 1982б, с.10), или что “мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания” (там же, с.361) - дают, казалось бы, основание для вывода о том, что на последнем этапе своей научной деятельности Выготский приходит к точке зрения, в соответствии с которой предметом психологической науки является сознание. Однако, делать такой вывод преждевременно - по крайней мере, до тех пор, пока не проведен анализ соотношения понятий “поведение” и “сознание” в теории Выготского.

Вплоть до создания теории речевого мышления, предметом исследований Выготского выступает осознанное поведение. Сохранился ли этот предмет (а вместе с ним и взгляд на психологию как на естественную науку) на последнем этапе его научной деятельности? Мне представляется, что основной методологический вектор исследований Выготского, проведенных в контексте теории речевого мышления, так же как и в более ранних работах, определяется принципом, в соответствии с которым субстратом сознания является поведение человека, а само такое поведение выступает в качестве предметной области исследования. Однако, если на первом этапе Выготскому необходимо было обосновать этот принцип и отмежеваться от бихевиористских толкований предмета психологии, а на втором этапе задача состояла в демонстрации (структурного) единства поведения и сознания, то в дальнейшем Выготский ставит перед собой проблему выявления специфики осознанного поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека.

В реактологии и бихевиоризме нет методологически чистого перехода от поведения к деятельности. Однако, поведение вовсе не бихевиористское понятие, а понятие общенаучное. Другое дело, что бихевиористы пытались редуцировать предмет психологии до поведения, понимаемого как феноменальное понятие, свести проблемы психологии к проблемам, возникающим при исследовании поведения. Перед психологией стояла задача объяснить поведение психологически, т.е. ввести понятие “поведение” в категориальную сеть психологии. Бихевиоризм сделал поведение центральной категорией психологии, ее объяснительным принципом. Необходимо было, не выбрасывая из психологии категорию “поведение” (подобно тому, как бихевиоризм пытался выбросить сознание) показать подчиненное положение категории

“поведение” в системе психологических категорий. Соответственно, это означало, что необходимо найти новую категорию, которая отражала бы смысл новой психологической теории, обозначала бы ее системообразующий, интегральный элемент. За решение этой задачи принялся Л.С.Выготский.

Основной замысел теории речевого мышления Выготского - показать специфику поведения человека, его отличие от других объектов естествознания. Этой идее, по мнению Выготского, в наибольшей степени отвечало понятие “значение”, выражающее собой одно из основных качеств осознанного поведения и ставшее единицей психологического анализа на последнем этапе развития культурно-исторической теории

Хорошо известно, что Выготский называл значение и единицей речевого мышления, и единицей сознания. Такая двойственность в определении термина предполагает выяснение соотношения между понятиями, посредством которых производится определение данного термина. Таким образом, перед нами встает проблема выяснения соотношения между речевым мышлением и сознанием в теории Л.С.Выготского.

Когда говорят о работе Выготского “Мышление и речь”, то обычно утверждают, что она посвящена проблеме речевого мышления. Это, конечно, верно. Но это - только часть правильного подхода к данному исследованию. На самом деле в этой работе Выготский рассматривает проблему соотношения мышления и речи. Такое различие двух проблем - проблемы речевого мышления и проблемы соотношения мышления и речи - не является игрой слов. В этом различии заложен принципиальный вопрос, решение которого вскрывает сущность подхода Выготского ко всей системе психического отражения. Он логически исходит именно из проблемы соотношения речи и мышления. Для нас здесь важна связь рассматриваемых Выготским понятий с теми понятиями, которые составляли предмет его анализа в предыдущих работах.

Проблема предмета исследования в теории речевого мышления не является выраженной так же определенно, как на первых этапах развития теории Выготского. Однако, можно показать, что и в этом случае Выготский рассматривал речевое мышление как “фокус” своего естественнонаучного предмета - осознанного поведения. Действительно, речь в теории речевого мышления представляет собой поведенческий процесс: она - предметна (обладает номинативной функцией); речь представлена Выготским не как реакция, а как система, имеющая свое собственное строение и развитие; наконец, как и поведение, речь, с точки зрения Выготского, обладает своими специфическими орудиями, опосредующими взаимодействие субъекта и объекта. Более

того, сам Выготский утверждает вполне определенно: “Развитие речи... обнаруживает главные типические закономерности, лежащие в основе высших форм поведения” (Выготский, 1983б, с.53). Аналогичным представлялось Выготскому и соотношение между мышлением и сознанием: “Центральным для всей структуры сознания и для всей системы деятельности психических функций является развитие мышления” (Выготский, 1982б, с.415). Иными словами, речь для Выготского выступает как материальный звуковой процесс, а мышление (взятое отдельно от речи) - как процесс психического отражения. Поэтому проблему, которую сам Выготский обозначил как соотношение мышления и речи, мы можем рассматривать в качестве частного случая, на примере которого автор теории исследует соотношение сознания в целом и непосредственно связанных с ним материальных процессов. Речевое мышление выполняет здесь функцию модели одухотворенного поведения.

Как мы помним, Выготский определяет поведение как “систему рефлексов” (Выготский, 1982а, с.43), выделяя рефлекс в качестве такого фокуса предметной области, который выражает собой основное содержание поведения.

Рефлекс для Выготского - итог длительного развития поведения как формы приспособления живых организмов к воздействиям окружающей среды. Генетически исходной формой рефлекса является реакция. “Кто разгадал бы клеточку психологии - механизм одной реакции, - пишет Выготский, - нашел бы ключ ко всей психологии” (Выготский, 1982а, с.407). Реакция - общебиологическое понятие, включающее в себя более узкое, физиологическое понятие “рефлекс”.

В материалистической методологии отражение традиционно определяется как “способность материальных объектов изменяться в соответствии с внешним воздействием, т.е. путем преобразования собственных свойств и структуры воспроизводить особенности воздействующего, или отражаемого, материального объекта” (Ахлибинский и Гречанова, 1982, с.11). Выготский задался вопросом: что это за “собственные свойства и структуры”, которые преобразуются в процессе отражения.

А.Н.Северцов (1982) показал, что невозможно обнаружить органические изменения, связанные с психическим отражением; что в процессе такого отражения происходят изменения свойств и структуры поведения отражающей системы, которая, таким образом, в своем поведении, а не в изменениях свойств и структуры самого организма, осуществляет отражение материальных объектов. Открытие Северцова дает Выготскому основание для построения модели органической системы, в которой, казалось бы ничего не изменяется после взаимодействия с окружающим миром -

ничего, “кроме” поведения. Реакция и представляет собой общий механизм психического отражения как изменения поведения без изменения структуры организма под воздействием изменяющихся условий окружающей среды. И Л.С.Выготский использует это принципиальное положение в своей теории, подчеркивая, что высшие формы поведения человека не могут быть поставлены в соответствие с теми или иными онтогенетическими новообразованиями мозга: “Это положение, - пишет Выготский, - развитое Эдинггером в отношении филогенеза психики, сейчас очень часто и охотно применяют и к онтогенезу, стремясь установить параллель между развитием мозга, поскольку об этом свидетельствует нарастание его веса, и проявлением новых способностей. При этом забывают, что параллель может иметь силу только в отношении элементарных функций и способностей, являющихся, как и сам мозг, продуктом биологической эволюции поведения; но сущность исторического развития поведения как раз и состоит в появлении новых способностей, не связанных с появлением новых частей мозга или с ростом имеющихся” (Выготский, 1984а, с.49).

Таким образом, по Выготскому, поведение человека не биологично. Но это не означает, что оно абиологично, т.е. находится в противоречии с законами биологической эволюции. Наоборот, указывая, что “реакция - основной механизм, по модели которого строится поведение на всех уровнях” (Выготский, 1982а, с.186), Выготский делает вывод, в соответствии с которым психика является приспособительной реакцией, т.е. целостно включена в остальной ряд жизненных отправлений организма. “Биологическое значение психики - необходимое условие научной психологии”, - подчеркивает Выготский (там же, с.76). Таким образом, принцип биологической целесообразности психики позволяет Выготскому объяснить необходимость интерпретации поведения, в том числе и его высших форм, как системы рефлексов.

Однако, и “приспособление” - не менее абстрактная категория, чем “рефлекс”. Все есть приспособление. В чем же специфика приспособления человека? Исследователь должен был дать ответ на кардинальный вопрос любой психологической теории, претендующей на звание психологической системы, - в чем функциональное предназначение сознания, этого “призрака”, порождаемого в недрах поведения взаимодействием человека и мира “вещей”? Необходимо было показать не только, что представляет собой сознание человека, но и для чего оно возникло и существует.

Следует подчеркнуть и еще один момент. Весь пафос работ Л.С.Выготского состоял в поиске источников саморазвития психической деятельности.¹⁶ Но для этого было необходимо отыскать субстрат, который мог служить носителем внутренних противоречий (альтернативным решением могла стать только субстанционализация сознания). Но таким образом, перед исследователем также возникал классический вопрос: для чего нужно сознание? Ответ: “Функция сознания - способствовать приспособлению организма к новым условиям окружающей среды”, - слишком абстрактен. Этот ответ теряет свою объяснительную силу, если законы взаимодействия организма со средой могут быть выведены из внутренних свойств материального субстрата сознания. В аналогичной ситуации оказались современники Л.С.Выготского - представители объективного физиологического направления в психологии: И.П.Павлов, В.М.Бехтерев признавали существование сознания как предмета научного исследования. Но их попытки описать законы психической деятельности в терминах физиологических механизмов объективно не были связаны с познанием психологических законов, т.е. фактически смыкались с бихевиористским отрицанием “менталистской” проблематики.

Л.С.Выготский поставил перед собой задачу не просто раскрыть законы сознания, но доказать, что эти законы принципиально те же, что и законы, которым подчиняются материальные объекты. Но для этого ему нужно было преодолеть две преграды. Во-первых, нужно было избежать субстанционализации сознания. Для этого Л.С.Выготский вводит разведение двух аспектов исследования сознания - онтологического и гносеологического. Во-вторых, следовало ответить на вопрос: “для чего возникло сознание?” Л.С.Выготского явно не мог устроить ответ на этот вопрос И.М.Сеченова, считавшего психику регулятором поведения. Принцип регулирующей функции психики не мог устроить Выготского уже потому, что предполагал существование отдельно регулятора и регулируемого. Отсюда - прямой ход к дуализму, а далее - к идее о сознании как высшей инстанции по отношению к деятельности. А кроме того, этот принцип по самому своему происхождению механистичен: Сеченов,

¹⁶ Этим обусловлено негативное отношение Л.С.Выготского к исследованиям, в которых проблема саморазвития остается за пределами рассмотрения. Например, в предисловии к книге А.Гезелла (1932) Л.С.Выготский именно этот момент выделяет как один из важнейших: “Стоит внимательно взглянуть в то, как представлены у Гезелла сравнительные срезы развития, чтобы убедиться, что это как бы серия застывших фотографических снимков, в которых нет главного - нет движения, не говоря уже о самодвижении” (Выготский, 1932, с.6).

писавший свои психологические статьи в наполовину научно-популярной форме, скорее всего привлек принцип регулирования как удачную иллюстрацию, используя пример, хорошо известный и еще не потерявший новизну для широкой публики.

В материалистической психологии начала XX столетия имелось три основных концепции, связанных с ответом на вопрос о функции сознания: 1) эволюционный принцип, в соответствии с которым возникновение психики связано с процессом приспособления организмов к изменениям окружающей среды; 2) концепция А.Н.Северцова, пришедшего к выводу о том, что в процессе психического отражения происходят изменения поведения, а не свойств и структуры самого организма; 3) принцип регулятивной функции психики, сформулированный И.М.Сеченовым. Эти моменты должны были войти и вошли в содержание психологической системы Л.С.Выготского. Тем не менее, они не могли дать окончательный ответ на вопрос о специфике функционального предназначения сознания человека. На наш взгляд, отношение Л.С.Выготского к этим концепциям в заостренной форме можно передать, перефразируя его высказывание: все есть приспособление, все есть изменение поведения без изменения самого организма, все есть регуляция. Но в чем же состоит специфика такого приспособления, изменения поведения и регуляции у человека по сравнению с животными? Этот вопрос становится одним из центральных в период исследования Л.С.Выготским речевого мышления, в качестве единицы анализа которого автор теории выделил понятие “значение”.

Не следует игнорировать и различие целей, стоявших перед двумя исследователями. И.М.Сеченову важно было показать, что духовный мир человека не противостоит материальному миру, но составляет с ним единство. Это, разумеется, было недостаточно для Выготского. Не только нечто общее между сознанием и объективной реальностью, но и специфика сознания - вот что интересовало автора теории речевого мышления. Для Выготского важно было найти тот особый признак, который позволил бы объяснить роль и место сознания в научной картине мира, причины его возникновения. И Л.С.Выготский выделяет в качестве такого признака способность сознания к обобщению: “Обобщение, - пишет он, - есть призма, преломляющая все функции сознания. Связывая обобщение с общением, мы видим, что обобщение выступает как функция сознания в целом, а не только одного мышления. Все акты сознания есть обобщение.” (Выготский, 1984а, с.363). Таким образом, функционально сознание в теории Л.С.Выготского выступает как процесс обобщения. И раскрываются особенности этого процесса в ходе анализа значения.

В “Педагогике подростка” Выготский описывает исследование, проведенное под руководством А.Н.Леонтьева. В этом исследовании детей просили подобрать к данной пословице фразу из нескольких данных. В итоге дети подбирали часто такие фразы, которые были сходны с пословицей чисто внешне, “синкретически”, как говорит Л.С.Выготский. Например, к пословице “Не все то золото, что блестит” подбирается фраза “Золото тяжелее железа”. И далее Выготский пишет:

“Проводя это исследование, А.Н.Леонтьев натолкнулся на чрезвычайно важный факт: когда ребенка просят объяснить, почему он сближает данную пословицу с данной фразой, ребенок часто пересматривает свое решение. Необходимость мотивировать сближение, выразить словами и сообщить другому ход своего рассуждения приводит к совершенно другим результатам.

Когда ребенок, сблизивший синкретически две фразы, переходит к объяснению вслух, он сам замечает свою ошибку и начинает давать верный ответ. Наблюдения показали, что мотивировка ребенка есть не просто отображение в словах того, что он сделал, - она перестраивает весь процесс детского мышления на новых основаниях” (Выготский, 1984а, с.95)

Выготский показывает, что уже на самых ранних стадиях развития речи внутренняя сторона слова претерпевает изменения, суть которых состоит в отделении слова от называемого им предмета и в превращении внутренней стороны слова в понятие, т.е. в приобретении словом сигнификативной функции. Данный процесс означения слова представляет собой, по мнению Выготского, обобщение, непосредственной причиной которого служит тот факт, что “вещей больше, чем слов”: “Так как вещей больше, чем слов, то ребенку волей-неволей приходится обозначать одним и тем же словом разные вещи. Иначе говоря, всякое значение слова скрывает за собой обобщение, абстракцию” (Выготский, 1984а, с.360). В свою очередь, “возникновение обобщений при овладении речью и приводит к тому, что вещи начинают видаться не только в их ситуационном отношении друг к другу, но и в обобщении, лежащем за словом” (там же).

В своем фундаментальном исследовании “Мышление и речь” Выготский рассматривает значение как единство мышления и речи, что означает для него единство обобщения и общения: “Значение слова... представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления... Оно есть само слово, рассматриваемое с внутренней стороны...” (Выготский, 1956, с.322). Именно эти

аспекты значения привели исследователя к необходимости изучения сферы функционирования понятий. Именно понятие, как одна из форм существования значения является одним из главных предметов изучения для Выготского, и этот аспект творчества Выготского наиболее часто - наряду с теорией интериоризации - привлекает внимание современных исследователей. Вместе с тем, мне кажется, кардинально важным моментом в концепции Выготского выступает положение о значении как обобщении: “Значение слова с психологической стороны... есть не что иное, как обобщение или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы” (там же). Этому принципиально важному элементу теории Выготского до сих пор уделялось мало внимания, может быть потому, что сам автор лишь мельком отмечает эту черту своего понимания категории значения и главной задачей исследования делает анализ соотношения между мышлением и речью как процессом перехода от мысли к слову и обратно. Но мы должны обратить особое внимание на этот момент в концепции Выготского, ибо именно обобщающая функция значения дает возможность более широко интерпретировать категорию значения, чем это делал он сам.

Рассмотрение значения в форме обобщения с неизбежностью выводит исследователя за пределы когнитивной сферы, в рамках которой проводит свой анализ Выготский. Обобщение, являясь интегральной характеристикой взаимодействия ребенка с “идеальной формой”, предполагает включение в контекст анализа не только когнитивного, но также эмоционально-оценочного и поведенческого аспектов. Высказывания Выготского, характеризующие его понимание обобщения, показывают, что развиваемая им концепция представляет собой не только теорию развития интеллектуальных процессов, но приложение более общих принципов к исследованию когнитивной сферы человека. По характеристике, данной В.В.Давыдовым, “Л.С.Выготский стремился найти такой частный объект анализа, который, с одной стороны, был бы существенно значим в деятельности людей, с другой - мог бы в наиболее развернутом виде представить вариации найденной структуры” (Давыдов, 2000, с.216).

Более того, обобщающая функция сознания предполагает существование механизмов, придающих совершенно новое звучание процессу интериоризации. Внешний структурированный мир должен превратиться во вневременное состояние психологической системы. По образному выражению А.Г.Асмолова, “когда мы переходим от речи к мысли, вот этот прыжок в иное пространство - это как

трансгалактический переход... Мы от последовательной логики переходим к симультанным мирам” (Асмолов, 2001, с.23).

“Вместе с внесением обобщения, мне кажется, вносится и новый принцип в деятельность сознания, - отмечал Выготский в своем последнем докладе. - Я думаю, что в этом случае психологи всецело опираются на то положение, что диалектическим скачком является не только переход от неживой материи к живой; диалектическим скачком является и переход от ощущения к мышлению. Это значит, что существуют особые законы мышления, что они не исчерпываются теми законами, которые имеются в ощущении. Это значит, что хотя сознание всегда отражает действительность, но оно отражает действительность не одним единственным способом, а по-разному. Этот обобщенный способ отражения действительности есть, я думаю, специфически человеческий способ мышления” (Выготский, 1960, с.372). Выготский подчеркивает, что “развитие общения и обобщения идет рука об руку” (там же).

Выготский приходит к выводу: системообразующей функцией сознания является обобщение. “Обобщение есть призма, преломляющая все функции сознания. Все акты сознания есть обобщение” (Выготский, 1984а, с.363)

Итак, предметом психологии, по Выготскому, является органическая система, “надстройкой” которой выступает сознание, позволяющее человеку путем обобщения потока поступающей извне информации приспособляться к окружающему его миру. Сознание, если воспользоваться терминологией современных Выготскому и более молодых его коллег выступает как “воронка” (Шеррингтон), через которую поток событий проникает в мир человека в виде обобщенных “чанков”, “кусков” (Дж.Миллер).

Глава 3.

СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

3.1. РЕЧЬ – МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенностью работ Выготского является неуклонное развитие в каждой новой публикации излагавшихся ранее идей. Конечным продуктом его психологической системы стала теория речевого мышления, ключевым понятием которой явилась категория “значение”. К решению проблемы значения, предложенному на последнем этапе развития культурно-исторической теории, Выготский следовал на протяжении всей своей научной деятельности. Поэтому данная категория вбирает в себя основные как позитивные, так и не получившие дальнейшего развития, идеи культурно-исторической теории. Выготский был из числа тех исследователей, которые прокладывают дорогу новым научным идеям, не считаясь с возможными частными ошибками, недоработками, неточностями в выводах. Главное - цельность основной идеи, неуклонное следование по избранному пути. Поэтому возможно недопонимание даже со стороны ближайших коллег-единомышленников.

Критика, высказанная в адрес Выготского представителями Харьковской психологической школы (см.: Гальперин, 1935; А.А.Леонтьев, 1983а; Зинченко, 1939; см. также: Радзиховский, 1979) сводилась к тому, что Лев Семенович оставил за пределами своего внимания проблему деятельностной детерминированности сознания. С точки зрения представителей Харьковской школы, сознание Выготским трактуется как результат социальной детерминации. Поэтому развитие сознания в культурно-исторической теории выглядит как результат взаимодействия индивидуального и

общественного сознания, а не как итог развития материального субстрата сознания - деятельности человека.

На основании проведенного нами исследования мы можем дать следующую оценку этих критических замечаний.

Обращение Л.С.Выготского к проблеме значения, переход от знака к значению представляется нам поворотным пунктом, с которого начинается содержательное оформление категории деятельности, ставшей затем одной из основных в понятийном аппарате советской психологии. По-видимому, Выготский вовсе не отрицал деятельностную детерминированность сознания. Если в своем научном творчестве Выготский главное внимание уделял проблеме социальной опосредованности сознания, это еще не значит, что он отрицал необходимость исследования соотношения между индивидуальной деятельностью человека и его сознанием. Другое дело, что под влиянием работ В.Гумбольдта, А.А.Потебни, Г.Шпета, М.М.Бахтина, В.Б.Шкловского и других исследователей, Выготский обратился прежде всего к проблеме речи: как литературоведу эта проблематика была ему наиболее близка. Безусловно, Л.С. испытывал сильное влияние идей Ф. де Соссюра, утверждавшего, что язык является “началом любого психологического исследования” (Соссюр, 1990, с.152). Поэтому не удивительно, что именно на примере речевого мышления Выготский предпринял попытку построения новой психологической методологии. Но методологические принципы, раскрытые Выготским, не были специфическими законами речевой деятельности. Объективно это - общие закономерности деятельности человека, лишь проиллюстрированные на примере речевого мышления.¹⁷

¹⁷ Поэтому нельзя абсолютизировать, например, точку зрения Д.Б.Эльконина, утверждавшего, что у Выготского “несомненно” была попытка объяснить высшие психические функции человека “только завоеваниями ребенка в сфере языка, оставляя в стороне реальное практическое овладение ребенком человеческими предметами” (Эльконин, 1984, с.402). Предлагая категорию значения в качестве единицы психологического анализа, Выготский, на мой взгляд, пытался продемонстрировать единство, целостность психической деятельности, распадавшейся в современной ему науке на отдельные функции. Но в таком случае значение, выступающее в качестве единицы психологического анализа, разумеется, не может пониматься только в традиционном смысле - как единица анализа речи.

В психологической литературе отмечалось, что в системе психологических взглядов Выготского в понятии “значение” зафиксирована когнитивная тенденция (см.:

Нередко можно услышать мнение: Выготский не использовал категорию «деятельность». По-видимому, после того, как А.А.Леонтьев (2001, с.134-138) продемонстрировал итоги проведенного им анализа этой проблемы, подобное мнение можно считать анахронизмом. Мы видим, что внимание Выготского начинает обращаться к категории «деятельность» в 30-е гг. Сравнив эту тенденцию с проведенным нами анализом, можно сказать: то содержание, которое мы обнаружили за категорией «поведение» у Выготского и которое потребовало от нас введения нового обозначения («одухотворенное поведение»), теперь начинает приобретать черты, присущие современным представлениям о деятельности человека.

Другое дело, как Выготский рассматривал деятельность. Если понимать под деятельностью чувственно данный объект – элемент цепочки «психика-деятельность-социум», то, разумеется, такой деятельностью Выготский не занимался. Ведь в этом случае деятельностью фактически называется предметное действие. Для Выготского деятельность – это внечувственный объект, данный нам в нашем сознании в виде рефлексии и предметного действия. Поэтому исследовать речевое поведение или предметное действие – с точки зрения методологических принципов Л.С.Выготского – это все равно исследовать деятельность. Можно, конечно, спорить о том, что является «большой» деятельностью – речь или трудовой акт, размышления о строении атома или забивание гвоздей. Одно для нас бесспорно – Выготский считал наиболее целесообразным в качестве модели деятельности изучать речевое мышление, а в качестве модели речевого мышления, соответственно, – значение.

Выготский не рассматривал деятельность и социум как альтернативные явления. Сознание не может существовать ни без своей материальной основы - практической деятельности, ни без детерминированности психики извне, со стороны общественных отношений. На это указывал А.Н.Леонтьев в своем докладе памяти Л.С.Выготского 31 января 1977г.: “Альтернатива 30-31гг. оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или-или, а обязательно и-и!” (Цит. по: А.А.Леонтьев, 1983а, с.12).

Задача, которую поставили перед собой представители Харьковской школы и наиболее полное решение которой дал А.Н.Леонтьев, не сводилась, таким образом, к

Леонтьев и Лурия, 1956; Брушлинский, 1968; Зинченко, 1981). Однако, мы должны обратить внимание на то, что предпринятый Выготским поиск признаков, свойств, качеств психики человека приводит исследователя к проблеме значения как категории, наиболее полно характеризующей предмет психологии в целом.

простому переходу от исследования соотношения “общественные отношения - сознание” к исследованию соотношения “индивидуальная деятельность - сознание”. Необходимо было вскрыть закономерности перехода “общественные отношения - индивидуальная деятельность - сознание”. При этом требовалось “отбросить представления о личности как о продукте совокупного действия разных сил... Марксистский диалектический метод требует идти дальше и исследовать развитие как процесс “самодвижения”, т.е. исследовать его внутренние движущие отношения, противоречия и взаимопереходы” (Леонтьев, 1983б, с.194).

Развитие психологической теории Выготского можно представить следующим образом. Раскрыв роль процесса взаимодействия человека с окружающим его миром, - и, в первую очередь, с “миром” общественных отношений - исследователь столкнулся с проблемами, заставившими его перейти к более узкому аспекту деятельности - соотношению мышления и речи. Логика развития взглядов Выготского подсказывает, что следующим этапом его работы должно было явиться распространение этих общих закономерностей на всю деятельность человека. По словам А.Н.Леонтьева, положительная программа, содержащаяся в учении Выготского о значении, “требовала, сохранив открывающуюся активную функцию значения, мысли, еще раз обернуть проблему. А для этого нужно было возвратиться к категории предметной деятельности, распространив ее на внутренние процессы - процессы сознания” (Леонтьев, 1983б, с.151). Если на втором этапе творчества Выготского понятие значения в его интерпретации выступало в качестве орудия деятельности, а на последнем этапе значение исследовалось в качестве единицы речевого мышления, то следующим шагом должно было явиться распространение характеристик категории “значение” в качестве единицы на “внешнюю” деятельность человека.

“Есть основания полагать, что по логике своей теории в центр сознания он должен был поставить значение над проблемой которого он усиленно работал в последние годы жизни, - указывает А.Н.Леонтьев. - Подход Льва Семеновича к этой проблеме требует особого рассмотрения. Конечно, заключив сознание в мир таких рафинированных продуктов, как знак и значение, он, казалось, отошел от первоначальной психологической программы, направленной на изучение прежде всего практической, предметной, трудовой деятельности человека, на что, в сущности, и были устремлены все усилия Выготского.

Выготский остро чувствовал это при рассмотрении фундаментальной проблемы сознания и деятельности, когда писал, что “за сознанием открывается жизнь”. Но как

прорваться к этой жизни, иначе говоря, к практической деятельности?” (Леонтьев, 1982, с.39-40).

Этот последний этап так и не был осуществлен самим Л.С.Выготским, по крайней мере постольку, поскольку “как истинный ученый, Выготский называл исследованием только относительно завершённый комплекс экспериментальных и теоретических разработок” (Леонтьев, 1990, с.112). Однако, направленность его работ, даёт основания современным исследователям сделать вывод о том, что Л.С.Выготский пришёл к понятию деятельность. “Деятельность целенаправленная. Деятельность специфически мотивированная. Деятельность, имеющая внутреннюю психологическую структуру. Деятельность, которая может быть практической, а может выступать как символическая (по более поздней терминологии - теоретическая)” (там же, с.99).

В своей концепции значения как единицы психологического анализа Выготский непосредственно подошёл к объяснению психики человека при помощи категории деятельности. Ведь, по Выготскому, значение - это не только акт психики. В этом процессе самое непосредственное участие принимает поведенческая сфера человека - без участия поведения, в качестве модели которого Выготский рассматривал речь, невозможно взаимодействие субъекта и объекта-вещи, а без такого взаимодействия невозможно преобразование продуктов психической деятельности. Выготский задал психологической науке “новую общую онтологию, новую общую действительность, которой является живое предметное движение и предметное действие субъекта” (Зинченко и Лебединский, 1981, с.68). В своей концепции значения как единицы психологического анализа Л.С.Выготский непосредственно подошёл к объяснению психики человека при помощи категории деятельности.

И все же, связь между деятельностью и значением в культурно-исторической теории не эксплицирована. В результате, как указывал О.К.Тихомиров, значение как единица анализа “еще не дифференцирует психологический и лингвистический аспекты” (Тихомиров, 1984, с.13).

Можно выделить и другие проблемы, возникающие при такой интерпретации значения в теории речевого мышления Выготского. Во-первых, это - проблема “размытости” понятия “значение”. С одной стороны, значение, с точки зрения Выготского, это - высшая стадия развития внутренней стороны слова (смысла), а с другой стороны, ни генетические, ни функциональные признаки значения, установленные Выготским, не дают возможности разделить понятия “значение” и “внутренняя сторона слова”. Отсюда следует еще одна проблема. Сознание трактуется

Выготским как система понятий, т.е. значений как высшей стадии развития внутренней стороны слова. Но специфика таких значений как раз и не выявляется в теории речевого мышления Выготского.

В.В.Давыдов и Л.А.Радзиховский, противопоставляя идею деятельности и проблему значения в творчестве Выготского как выражение методологической философской программы и ее конкретно психологической реализации, справедливо считают, что “в последних работах Л.С.Выготского проблема значения приобретает самодовлеющий характер, а идея деятельности как объяснительного принципа, идея деятельностной детерминации, хотя бы в опосредованной форме, не представляется логически необходимой” (Давыдов и Радзиховский, 1981, с.76). В этой теории значение и деятельность существуют как бы независимо друг от друга. Это значит, что разорваны логический конструкт и та реальность, которая стоит за этим конструктом. Сама реальность при этом теряет свою конкретность, содержание ее становится неясным, что служит для различных трактовок всей системы. Так фактически и произошло с теорией Выготского. Ее считают аналогом символического интеракционизма (Zindsmith & Strauss, 1968), находят в ней подтверждение гипотезы лингвистической относительности (Chaplin & Krawiec, 1979). Выготского называют основоположником когнитивной психологии (Раусте фон Врихт, 1982) или, по крайней мере, говорят о том, что его идеи вполне созвучны идеям когнитивизма (Scheerer, 1976). П.Я.Гальперин (1935) заметил, что культурно-историческая теория может получить свое дальнейшее развитие как в контексте диалектического материализма, так и во французском позитивизме. Выход из создавшейся ситуации мог быть найден на пути исследования той реальности, которая стоит за значением. Необходимым шагом представлялся переход к деятельностной парадигме.

Сущность любого явления представляет собой его внутренний аспект. Исходя из этой аксиомы, мы должны ответить на вопрос: каким образом общественные отношения, будучи, несомненно, внешним по отношению к субъекту фактором, в то же время выступают в качестве его сущности? Фактически принципиальную схему ответа на этот вопрос давали философы 18 века, провозгласившие принцип отражения: социальное отражается субъектом и преобразует его. Но этого утверждения было слишком мало, чтобы считать проблему раскрытой. Во-первых, требовалось показать отличие отражения у человека и у животных. Но и этого было мало. Субъект по определению не мог выступать в качестве "рефлектора", как того требовал вульгарный материализм. Решение проблемы было дано введением принципа деятельности, которая

и явилась тем "зеркалом", в котором находит свое отражение "вторая природа", окружающая человека.

Известно, что "деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом" (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т.3, с.1). Диалектически мыслявшие исследователи стремились выйти из тупика, в котором в силу своей сущности неизбежно оказывается метафизика. Начиная с философии Платона, предпринявшего в своей концепции души как движущего самого себя начало первую - из известных - попытку рассмотрения человека с позиций диалектики, и заканчивая грандиозной системой Гегеля, человечество продвигалось по пути познания внутренних движущих сил развития человека.

3.2. ИСТОЧНИК АКТИВНОСТИ – НЕСОВПАДЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ СЕБЯ

БОРЬБА РЕФЛЕКСОВ

Уже в своих ранних работах Выготский сформулировал идею, в соответствии с которой "поведение человека организовано таким образом, что именно внутренние, плохо обнаруживаемые движения направляют и руководят им" (Выготский, 1982а, с.79). Эти движения становятся возможны благодаря борьбе рефлексов. Вслед за Ч.Шеррингтоном Выготский утверждает, что картина борьбы рефлексов, в соответствии с которой "наша нервная система напоминает узкие двери в каком-либо большом здании, к которым в панике устремилась много тысячная толпа; в двери могут пройти только несколько человек; прошедшие благополучно - немногие из тысячи погибших, оттесненных" (там же, с.87), - эта картина, по мнению Выготского, "ближе передает тот катастрофический характер борьбы, динамического и диалектического процесса между миром и человеком и внутри человека, который называется поведением" (там же).

Надо сказать, что в предложенной Л.С.Выготским картине борьбы рефлексов отражена скорее динамика деятельности, чем ее истинная диалектика. Ведь "победа" того или иного рефлекса может трактоваться и как непосредственное проявление силы внешнего раздражителя. И тогда поведение человека не будет отличаться от движения физического объекта, которое определяется суммой действующих на него сил. Однако, именно против такой трактовки поведения изначально выступал Выготский. Борьба

рефлексов, по Выготскому, “есть совершеннейшая реальность, такая же как и восторжествовавшие реакции” (там же, с.87), однако, понять поведение как рефлекс невозможно. Ведь рефлекс - “понятие абстрактное” (там же, с.82), поскольку с точки зрения рефлексологии, все в мире - рефлекс. Поэтому у Выготского это понятие можно рассматривать лишь как самое общее (“родовое”) обозначение ответа на воздействие извне, но не как объяснительный принцип деятельности человека.

Проблема, которую поставил перед собой Выготский, состояла в устранении постулированной бихевиоризмом дихотомии поведения и сознания. Причем, концепция Выготского не предполагала деструктурирование основного принципа бихевиоризма - стимульно-реактивной схемы. С рефлекса, по мнению Выготского, должна начинаться психология. Но сам рефлекс состоит из отдельных “элементов”, значение которых для построения психологической теории не одинаково. Составляющими рефлекса являются раздражение, внутренний процесс и ответ. Развивая идеи И.М.Сеченова, Выготский утверждает, что именно внутренние элементы рефлекторного механизма направляют и руководят поведением (Выготский, 1926). В этой внутренней части рефлекторного механизма разворачивается борьба рефлексов, определяющая собой развитие поведения, которое является “системой победивших реакций” (Выготский, 1982а, с.86).

Здесь невозможно не обратить внимание на использование Выготским сеченовской идеи «заторможенных реакций», ее аналогов в поэтике и структурализме начала 20 века, на развитие этих идей Л.С.Выготским. Как подметили М.Г.Ярошевский и Г.С.Гургенидзе (1982), «не ссылаясь на И.М.Сеченова, Выготский использует его знаменитую формулу о мысли как рефлексе, «оборванном на двух третях». Изучение подобных заторможенных реакций с помощью объективных методов представлялось Выготскому в тот период главным путем к раскрытию тайн сознательной регуляции человеческого поведения» (Ярошевский, Гургенидзе, 1982, с.440). Думается, эта идея представляла интерес для Выготского не только «в тот период». Собственно, мысль о преодолении как механизме осознания – мысль, явившаяся психологическим аналогом физиологической формулы Сеченова, - эта мысль красной нитью проходит через творчество Выготского. Он пишет об этом в «Педагогической психологии» (1925 г.). Об этом же он говорит в совместных с А.Р.Лурия «Этюдах по истории поведения (1930 г.). И, казалось бы, забывает про эту концепцию. Однако, в статье 1928 г. «К вопросу о динамике детского характера» мы находим слова Л.С.Выготского, непосредственно указывающие направление развития этой теоретической линии. В этой статье Выготский, объединяя концепты «рефлекс цели» И.П.Павлова,

«компенсация» А.Адлера и «закон запруды» Т.Липпса делает следующий вывод: «1) неприиспособленность ребенка к социально-культурной среде создает мощные препятствия на пути роста его психики (принцип социальной обусловленности развития); 2) эти препятствия служат стимулом для компенсаторного развития; становятся его целевой точкой и направляют весь процесс (принцип перспективы будущего); 3) наличие препятствий и заставляет совершенствоваться функции и приводит к преодолению этих препятствий, а значит, к приспособленности (принцип компенсации)» (Выготский, 1983а, с.159). Здесь нам видится вектор, направленный на теорию идеальной формы, созданную Выготским в контексте концепции речевого мышления.

Еще одна линия, разрабатываемая в современной Л.С.Выготскому науке и связанная с теорией «преодоления», была представлена участниками Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) и отображена в понятии «остранение», введенном В.И.Шкловским.

Собственно, истоки поэтики берут свое начало в исследованиях русских языковедов Е.Д.Поливанова и Л.П.Якубинского, обративших внимание на большую сложность поэтического языка по сравнению с разговорным. А именно, было подмечено, что в прозаической речи существует явление расподобления, то есть если происходит стечение, соединение одинаковых согласных, то некоторые из них изменяются так, чтобы было легче говорить. Поэтический же язык, наоборот, сгущает звуки, как, например, в скороговорке «ехал грека через реку». То есть поэтическая речь затруднена. Аналогичную затрудненность обнаружил Поливанов в японском поэтическом языке, где сохранились такие звуки, которых уже нет в разговорном языке.

Для объяснения этих и подобных им явлений В.И.Шкловский создает теоретическое построение, ключевую позицию в котором заняла категория «остранение». Остранение есть не что иное как делание художественного произведения более «странным», то есть затрудненным для восприятия. Целью здесь является как бы «растягивание» во времени восприятия художественного произведения. Производные остранения разнообразны. Это, например, торможение образной массы повтором, стечением одинаковых слов и целых частей текста, как, например, в русских народных сказках. Остранение может проявляться в форме мотивировки задержания, то есть затруднения действий героя. «Судьба героя, - пишет Шкловский, - дойдя до, казалось бы, неразрешимого положения, неожиданно изменяет свое течение. Положение же, могущее создавать такие узлы, и выбирается в мотивы» (Шкловский, 1983, с.49).

Таковы мотивы кораблекрушения или похищения героя в древнегреческом эпосе. Это – «перипетии» (вспоминает Шкловский термин, использовавшийся Аристотелем), то есть неожиданные повороты сюжета. В любом случае, «главное здесь, - подчеркивает Шкловский, - прием, построенный на задержании. Цель этого приема – построить осязаемое, воспринимаемое произведение» (Шкловский, 1925, с.55).

М.Г.Ярошевский, анализируя «Психологию искусства» Выготского, утверждает, что по мнению ее автора теоретические построения формалистов ложны. «Столь же ложной он считает формулу «остранения»» (Ярошевский, 1993, с.163). На самом же деле, Выготский говорит только о том, что в критикуемой им теории «теряется все истинное значение найденных формалистами законов остранения» (Выготский, 1968, с.79). По мнению Л.С.Выготского, не сам «закон остранения», открытый формалистами, является ложным, а только его интерпретация авторами открытия. Суть «остранения», по Выготскому, не в том, чтобы в конечном итоге сделать восприятие более легким (затруднить, чтобы прояснить), а в том, чтобы позволить читателю (зрителю, слушателю) проникнуть в сущность описываемого автором явления. Автор художественного произведения путем «остранения» опосредует восприятие читателем (зрителем) той «идеальной формы», которая представлена в данном произведении, но которая не дана непосредственно в чувственном восприятии.

Таким образом, уже в 20-е годы можно найти элементы будущей композиции, которая представлена Л.С.Выготским в теории речевого мышления концептами «опосредование» и «идеальная форма». Но на первых этапах разработки психологической теории перед Выготским стояла иная задача: преодолеть бихевиористскую парадигму, вернуть сознание в качестве предмета психологического исследования. Выделение внутреннего процесса в качестве интегрального элемента рефлекторного механизма позволяет автору культурно-исторической теории интерпретировать само сознание как рефлекс. Сознание в этом случае получает свое объяснение как передаточный механизм между системами поведенческих рефлексов, как “рефлекс рефлексов” (там же, с.58). Выготский приходит к понятию сознания, определяемому через рефлекс как приспособительная реакция организма, содержательно выражающая внутреннюю сторону рефлекторного поведенческого акта.

Понятие “рефлекс”, по мнению автора статьи “Сознание как проблема психологии поведения”, “методологически... крайне ценно” (Выготский, 1982а, с.81). Для него данная схема - выражение реального механизма взаимодействия как животных, так и человека с внешней средой. Другое дело, что применительно к

человеку этот принцип утрачивает свою объяснительную силу. Однако, и на уровне поведения человека он продолжает играть определенную роль. Человек несомненно подвергается воздействиям со стороны внешних “стимулов” и “реагирует” на эти “стимулы”. Но такие “стимулы”, “реакции”, “рефлексы” принципиально отличаются от аналогичных процессов у животных. Выявить специфику поведения человека - в этом видит Л.С.Выготский задачу психологии.

БОРЬБА МОТИВОВ

Пытаясь объяснить специфику рефлекса у человека, Выготский вводит в свою теорию понятие “знак”, который выступает как некий системообразующий элемент рефлекторного акта. Необходимость этого шага была вызвана тем, что “всегда задача заключается не в том, чтобы рядом положить несколько новообразований, а в том, чтобы найти центральное среди них. Ведь новообразование важно понять с точки зрения того целого, что происходит в возрасте, что знаменует новый этап в развитии, структуру всех новых изменений” (Выготский, 1984а, с.336). Иными словами, Выготскому представлялось необходимым выявить то качество предмета исследования, которое определяет собой целостность данного развивающегося процесса.

Введение Л.С.Выготским понятия “знак” качественно изменяет содержание понятия “рефлекс” по сравнению с его бихевиористской трактовкой: если специфика рефлекса - в его сигнальной функции, то отличительным признаком инструментального акта является сигнификация. Объясняя, в чем состоит специфика его точки зрения, Выготский заявляет своим предполагаемым оппонентам-бихевиористам: “Вы упускаете из виду за игрой стимулов-реакций то, что реально произошло: активное вмешательство человека в ситуацию, его активную роль, его поведение, состоящее во введении новых стимулов. А в этом-то и заключается новый принцип, новое своеобразное отношение между поведением и стимуляцией” (Выготский, 1983а, с.71).

Говоря о недостатках старой психологии, Л.С.Выготский подчеркивал, что ее представители рассматривали предмет своего исследования как “вещь”, не видели сущности психического отражения, которая заключается в процессуальном характере психики. Выготский утверждает, что психологический анализ - это, прежде всего, “анализ процесса, а не вещи” (Выготский, 1983а, с.100). По мнению Выготского, “всякое душевное переживание, в чем бы оно ни заключалось: в восприятиях или суждениях, в волевом напряжении или чувствованиях, есть уже процесс или деятельность” (Выготский, 1982а, с.71). Правда, по словам Ф.Энгельса, “великая

основная мысль, что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов... со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде” (Маркс и Энгельс, т.21, с.302). Поэтому острей критики Выготского было направлено в адрес тех психологических концепций, авторы которых видели в процессе изменений психики лишь смену изначально заданного и неизменного набора состояний и не пытались раскрыть природу качественных изменений, происходящих в процессе психической деятельности. Поэтому понятия “процесс” и “развитие” в контексте работ Выготского имеют сходное содержание, используются как синонимы.

Психологический анализ должен стремиться к постижению развития своего объекта. А для этого мы должны выявить те качества объекта анализа, которые определяют собой данное развитие. Прежде всего мы должны выделить тот основной фактор (сегодня мы назвали бы этот фактор системообразующим), который объясняет собой саму целостность данного развивающегося процесса. Что же является таким фактором? Л.С.Выготский дает на этот вопрос следующий ответ: “В высшей структуре функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления” (Выготский, 1983а, с.116-117).

Человек сам создает стимулы, определяющие его реакции и использует такие стимулы в качестве средств овладения процессами собственного поведения. Человек сам определяет свое поведение при помощи искусственно созданных стимулов-средств. Человек заранее устанавливает роль и функцию вводимых им стимулов, которые являются орудиями его деятельности.¹⁸

Итак, активность человека, по мнению Выготского, заключается во введении новых стимулов. Причем главным в поведении он считал направленность человека на овладение собственным поведением. Поэтому происходит следующее превращение проблемы: теперь мы должны выяснить, что в культурно-исторической теории стоит за понятием овладения собственным поведением. В “Истории развития высших психических функций” понятие овладения собственным поведением, высшая психическая функция, культурное развитие поведения и воля очень близки по своему содержанию (там же, с.14). Воля здесь берется как обозначение овладения собственным поведением, т.е. высшей ступени в развитии поведения. Причем, “основная трудность,

¹⁸ “Искусственные, созданные человеком стимулы, не имеющие никакой связи с наличной ситуацией и поставленные на службу активного приспособления, снова выступают как отличительная черта высших форм поведения” (Выготский, 1983а с.77).

основная загадка в том, чтобы, с одной стороны, объяснить детерминированный, каузальный, обусловленный, так сказать, естественный ход волевого процесса, дать научное понятие этого процесса, не прибегая к религиозному объяснению, а с другой - применяя такой научный подход к объяснению волевого процесса, сохранить в воле то, что ей присуще, именно то, что принято называть произвольностью волевого акта, т.е. то, что делает детерминированное, каузальное, обусловленное действие человека в известных обстоятельствах свободным действием” (Выготский, 1982б, с.461).

Выготский предпринимает попытку объяснить механизм волевого решения при помощи понятия “борьба мотивов”: “Если представить себе простой случай, когда я решаю не поздороваться с человеком, потерявшим мое уважение, то непосредственным стимулом является встреча с ним и воспоминание о решении. Борьба на деле происходит не между двумя раздражителями: она совершается заранее, при построении самого аппарата, в момент решения и складывается в результате борьбы мотивов” (Выготский, 1983а, с.284). Мы не будем анализировать проблемы соотношения борьбы рефлексов и борьбы мотивов, соотношения понятий “стимул” и “мотив” в связи с разведением Л.С.Выготским актов принятия решения и исполнения. Все эти вопросы, хотя и связаны с концепцией активности у Л.С.Выготского, могут увести нас в сторону от главной линии рассуждений Выготского. Не здесь мы видим решение Л.С.Выготским проблемы активности. Здесь мы можем только зафиксировать ту цепочку, которая привела нас в данный пункт: от идеи борьбы рефлексов мы пришли к понятию овладением собственным поведением, затем к проблеме воли и далее - к концепции борьбы мотивов. Однако, очевидно, что “борьба мотивов” в данной трактовке не приобретает нового содержания по сравнению с концепцией борьбы рефлексов. Действительно, “благодаря чрезвычайно сложному равновесию, устанавливаемому в нервной системе сложнейшей борьбой рефлексов, нужна часто совершенно незначительная сила нового раздражителя, который решил бы исход борьбы” (Выготский, 1982а, с.87). Но и борьба мотивов, если она приводит к ситуации “Буриданова осла” (а именно возможность выхода человека из такой ситуации служит для Л.С.Выготского главным аргументом в споре с представителями упрощенных поведенческих концепций), требует введения хотя бы незначительного дополнительного мотива. Как же возникает эта дополнительная мотивация (проявляющаяся, например, в виде жребия)? Ответ на этот вопрос, думаю, содержится в концепции Выготского, посвященной анализу понятия “интерес”.

НЕСОВПАДЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ-ДЛЯ-СЕБЯ

И ЗНАЧЕНИЯ-ДЛЯ-ДРУГИХ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ

Интересы, по мнению Выготского, представляют собой “высшие культурные потребности” (Выготский, 1984а, с.20), придающие динамику и направленность движению человека. “Интерес как движущая сила, пускающая в ход механизм поведения, - пишет Выготский, - неизбежно - хотим мы этого или не хотим - присутствует и определяет собой развертывание всякого психологического процесса” (там же, с.35). В свою очередь, “неизбежность”, объективность интересов определяется тем, что это - не внешний по отношению к деятельности фактор. Интерес, по Выготскому, есть сама деятельность человека, вернее ее общая структура, задающая динамическую тенденцию поведения: “Навыки и ассоциативные механизмы не действуют бессистемно, автоматически, хаотически, каждый в силу особого, присущего ему стремления к действию, но все они реально вызываются к деятельности только как подчиненные моменты какой-либо общей структуры, общего целого, какой-либо общей динамической тенденции, внутри которой они только и приобретают свое функциональное значение и свой смысл. Самая комбинация навыков, порядок их вступления в действие, их строение и способы деятельности - все это определяется в первую очередь той организованностью, теми сложными отношениями, которые существуют внутри данной динамической тенденции. Такие целостные динамические тенденции, определяющие структуру направленности наших реакций, и следует с полным основанием называть интересами” (там же, с.13). Таким образом, высшие культурные потребности, вызывающие и направляющие деятельность, с точки зрения Выготского, есть не что иное как целостная структурная организация самой деятельности человека или “психологическая система”.

Понятие “психологическая система”, которое Выготский вводит в категориальный аппарат своей теории (см.: Выготский, 1982а, с.109-131; 1984а, с.240-242), непосредственно связано с идеей социальной природы высших психических функций. Под психологической системой Выготский понимал иерархическую организацию высших психических функций, отражающую ценности того общества, представителем которого является данный человек. Психологические системы “возникают первоначально как известные внешние операции, внешние формы поведения, которые затем становятся внутренними формами мышления и действия личности” (Выготский, 1984а, с.241-242). Такая динамическая система присуща человеку на всех этапах онтогенеза. Но если в младенческом возрасте основное

содержание психологических систем составляют аффекты,¹⁹ то в дальнейшем основную функцию здесь начинают выполнять понятия, образующие, если воспользоваться терминологией Выготского, “речевое поле”: “Не законы зрительного поля, рабами которых, по выражению Келера, являются животные, но законы волевого самоопределения собственного поведения, законы речевого поля становятся основными факторами, направляющими поведение ребенка” (там же, с.154).

Рассматривая онтогенез речи, Выготский приходит к выводу, что его нельзя понять, не учитывая процесс взаимодействия ребенка и взрослого, процесс их общения. Речь взрослого человека, по мнению Выготского, является по отношению к речи ребенка идеальной формой, задающей направление онтогенеза речи.²⁰

Хорошо известна идея Выготского, состоящая в том, что интрапсихические функции прежде бывают распределены между ребенком и взрослым. Эту мысль Выготский неоднократно воспроизводил в своих работах, и, как отметил Д.Б.Эльконин, “уже в этой гипотезе... взаимодействие ребенка с действительностью, главным образом социальной, со взрослым, является не фактором развития, не тем, что действует извне на уже имеющееся, а источником развития” (Эльконин, 1984, с.388). Но этот вывод можно считать по-настоящему необходимым, если мы примем во внимание содержание понятия “идеальная форма”: “Можно ли себе представить, - говорил Выготский, - что, когда самый первобытный человек только-только появляется на Земле, одновременно с этой начальной формой существовала высшая конечная форма - “человек будущего”, и чтобы та идеальная форма как-то непосредственно влияла на первые шаги, которые делал первобытный человек? Невозможно это себе представить... Ни в одном из

¹⁹ “Таким центральным процессом, связывающим сенсорные и моторные функции и приводящим к образованию единой центральной структуры, является в младенческом возрасте побуждение, потребность, или, шире говоря, аффект” (Выготский, 1984а, с.294).

²⁰ “Детская речь не является личной деятельностью ребенка, и разрыв ее с идеальными формами - речью взрослого - представляет грубейшую ошибку. Только рассмотрение индивидуальной речи как части диалога, сотрудничества, общения дает ключ к пониманию ее изменений... Всякое самое примитивное детское слово является частью целого, внутри которого оно взаимодействует с идеальной формой. Идеальная форма - источник речевого развития ребенка” (Выготский, 1984а, с.356).

известных нам типов развития никогда дело не происходит так, чтобы в момент, когда складывается начальная форма... уже имела место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития и чтобы она непосредственно взаимодействовала с первыми шагами, которые делает ребенок по пути развития этой начальной, или первичной, формы. В этом заключается величайшее своеобразие детского развития в отличие от других типов развития, среди которых мы никогда такого положения вещей не можем обнаружить и не находим... Это, следовательно, означает, - продолжает Л.С.Выготский, - что среда выступает в развитии ребенка, в смысле развития личности и ее специфических человеческих свойств, в роли источника развития, т.е. среда здесь играет роль не обстановки, а источника развития” (Цит. по: Эльконин, 1984, с.395).

Из приведенных замечаний Выготского видно, что одним из важнейших отличительных признаков онтогенеза он считал наличие “идеальной формы”, выступающей как источник развития личности. Это свое положение он конкретизирует на примере развития речи.

Разумеется, идеальная форма не является механизмом развития деятельности, но лишь источником такого развития. Только если рассматривать понятие “идеальная форма” как итог развития теории Выготского можно прийти к мысли о детерминированности индивидуального сознания сознанием общественным. На это, в частности указывал и А.Н.Леонтьев в своем докладе во ВИЭМе 16 февраля 1935г. (А.Н.Леонтьев, 1983а, с.70).

Исходя из того, что значение “есть прежде всего не вещь, а развивающийся процесс” (Выготский, 1982б, с.305), Л.С.Выготский приходит к выводу о том, что изучение функционирования самого значения - это, прежде всего, изучение этапов его функционального развития. Выделяя такие этапы (мысль - внутренняя речь - эгоцентрическая речь - внешняя речь) Л.С.Выготский вместе с тем выделяет и функциональную структуру значения. Расчленение значения, выделение в нем структурных элементов позволяет Л.С.Выготскому установить функциональный признак значения. Это - функция перехода (выражения) мысли в слово. В итоге происходит расщепление понятия “значение”, которое начинает обозначать два различных содержания. С одной стороны, этим понятием обозначается внутренняя сторона слова (на высшей стадии его развития), а с другой стороны - “чистая” мысль, еще не получившая своего звукового выражения. В качестве одного из вариантов разведения этих понятий Л.С.Выготский предлагает термины, соответственно, “значение для других” и “значение для себя”.

В этой связи мы, вслед за Выготским, привлечем к анализу понятие “психологическое поле”. “Психологическое поле определяется... теми потребностями, аффективными побуждениями, которые в данный момент имеются у личности, в зависимости от них разные моменты внешней ситуации займут то или иное место в психологическом поле и получают различное побудительное значение” (Самухин, Биренбаум и Выготский, 1981, с.126). Волевая активность личности проявляется в способности человека изменить структуру поля и его относительное значение для себя. Следует подчеркнуть, что термин “относительное значение поля для себя” объединяет и, одновременно, позволяет развести два понятия: объективное значение психологического поля и его “значение для себя”. Если первое определяется потребностями и аффектами, то изменения “значения для себя” “чаще всего определяются сложными переключениями внутри психических систем личности, включением отдельных аффективных побуждений в более обширные и центральные, специальных потребностей в более диффузные, в другие слои личности и т.д.” (там же). Изменение значения для себя, кроме того, обозначается как способность человека встать над ситуацией. Напротив, невозможность выйти за пределы ситуации, “связанность с полем” выступает как психологическое описание пассивности, которая, впрочем, не означает отсутствия динамики поведения, а, наоборот, как раз и проявляется в полном подчинении поведения внешнему и/или внутреннему полю.²¹

Пассивность в этом понимании наступает в том случае, когда “в поле существует полная адекватность между тем, что приобретает побудительное значение... в поле, и данной потребностью” (Самухин, Биренбаум и Выготский, 1981, с.127), т.е. между объективным значением поля и его значением для себя. Совершив элементарную логическую операцию, мы приходим к выводу, что движущей силой активности деятельности Л.С.Выготский считает несовпадение объективного значения и значения

²¹ “Только человек... способен сделать что-либо бессмысленное... Животное не может выполнить бессмысленную, с точки зрения конкретной ситуации, операцию. Животное выполняет только то, на что его толкает или внутреннее побуждение, или внешние стимулы. Произвольного, намеренного, свободного, бессмысленного, с точки зрения ситуации, животное сделать не может.

Заметим кстати, - указывает Выготский, - что в философских спорах о свободе воли и в повседневном мышлении наша способность сделать что-либо бессмысленное, абсолютно ненужное, не вызываемое ни внешней, ни внутренней ситуацией, рассматривается издавна как наиболее яркое проявление произвольности намерения, свободы осуществляемого действия” (Выготский, 1984а, с.202).

для себя. Причем здесь мы можем отметить действительно диалектическое единство двух видов значения, выделенных Н.В.Самухиным, Г.В.Биренбаум и Л.С.Выготским. Ведь в этой концепции аффективно-потребностная система, с одной стороны, задает некоторое объективное значение психологического поля, а с другой стороны - своим движением создает значение для себя. Поэтому объективное значение и значение для себя выступают как отдельные моменты, аспекты аффективно-потребностной системы.

Таким образом, в той части теории Выготского, которая посвящена проблеме развития значений можно выделить несколько, на первый взгляд слабо связанных друг с другом, звеньев, которые, тем не менее, взаимно дополняют друг друга, если их представить в виде элементов единой концептуальной системы. Выделив понятие внутренней стороны слова, Выготский продемонстрировал преемственность значений по отношению к предваряющим их психологическим образованиям - аффективным комплексам, которые в ходе онтогенеза превращаются в речевые психологические поля. При этом сам аффективный комплекс не исчезает. Он как бы превращается в фон, на котором развивается взаимодействие объективных значений и значений для себя. Иными словами, аффективное поле снимается полем речевым (аффект “схоронен” в речи), которое становится основой поведения взрослого человека. Источником волевых проявлений личности здесь выступает внутреннее движение главных образующих психологического поля. А отсюда следует вывод: “Все, что развивается, развивается по необходимости”. (Выготский, 1983б, с.156) И этот вывод содержательно очень близок известной формуле диалектики: “Свобода есть осознанная необходимость”.

Таким образом, интерпретация активности в теории Л.С.Выготского позволяет рассматривать эту теорию именно как диалектически-деятельностную, противостоящую поведенческой интерпретации человека. По мнению А.А.Леонтьева, “у нас есть основания думать, что на рубеже 30-х годов и объективно и субъективно (т.е. для самого Выготского) его мысль вступила в новый этап. На этом этапе он, во-первых, разрабатывает теорию деятельности. Но, высказав по этому предмету основополагающие положения, Выготский, как ни странно, в дальнейшем почти не затрагивает проблему деятельности и сосредоточивается на других проблемах. В первую очередь это теория личности. Но не только она. Вернее, за теорией личности, впервые намеченной еще в 1929 г., для него стояла более конкретная теория синтеза интеллекта и аффекта. Или, как он говорил в докладе о сознании в 1933 г., “отношение деятельности к переживанию”. (Почему-то никто из писавших о Выготском не связывал эту теорию с понятием смысла... А их общность очевидна.)” (Леонтьев, 1990, с.112).

НЕСОВПАДЕНИЕ СМЫСЛА

И ЗНАЧЕНИЯ В АФФЕКТИВНОМ ПОЛЕ

Проблема соотношения объективного значения поля и его значения для себя в работе “Мышление и речь” соответствует проблеме соотношения значения и смысла. Однако, вряд ли стоит считать “странной” сосредоточенность Выготского на проблеме аффекта. “Какова же логика кажущегося “ухода” Выготского от деятельностного подхода? - задается вопросом А.А.Леонтьев и предлагает следующий ответ. - Она в стремлении объединить “словоцентристскую” концепцию сознания и деятельностный подход вокруг смысловой теории личности.

Общеизвестно, что в последние годы, в том числе в “Мышлении и речи”, Выготский разрабатывал теорию синтеза интеллекта и аффекта, казалось бы, далекую от деятельностных позиций. Но в докладе о сознании 1933 года совершенно не случайно говорится в аналогичном контексте об “отношении деятельности к переживанию” (СС, т.1, 157). В чем осуществляется единство аффекта и интеллекта? Ответ, данный в “Мышлении и речи” и затерявшийся среди многих других идей, часто по внешности противоречащих данной, гласит: “Существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов*... Во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее...” Речь идет о том, чтобы “раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности” (СС, т.2, 21-22) (А.А.Леонтьев, 2001, с.141).

Л.С.Выготский безусловно признавал, что «между» психикой и жизнью лежит не только деятельность, но и эмоциональная сфера человека. Но дело в том, что для него это «между» не несет в себе онтологического смысла. «Жизнь» - «деятельность» - «эмоция» - «сознание» - это не временная и не причинно-следственная цепочка. Это не «после» и не «вследствие». Для Выготского эмоциональное – это форма проявления в нашем сознании нашей же деятельности.

Аффективное поле - это та самая психологическая субстанция деятельности, которая составляет сферу жизни смысловых образований. Без анализа аффекта невозможно вскрыть особенности взаимодействия человека с окружающим его миром,

невозможно проанализировать специфику жизнедеятельности человека. Интерпретация Л.С.Выготским значения не ограничивается когнитивной сферой. “Мысль - еще не последняя инстанция во всем этом процессе, - указывает Выготский. - Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее “почему” в анализе мышления” (Выготский, 1982б, с.357). Думается, для Выготского “аффективное поле” отлично от того понимания, которое обычно подразумевается под содержанием категории “аффект” (“эмоция”). У Выготского аффективное поле - это, скорее, то, что Ф.Е.Васильюк (1984) назвал “переживанием”. Это - сложная “жизнь” смысловых образований, субъективно проявляющаяся в недифференцированном эмоциональном сопровождении процесса деятельности. Именно поэтому можно повторить вслед за А.А.Леонтьевым: “Если бы Выготский прожил еще хотя бы несколько лет, он, вероятно, сосредоточился бы на анализе этой смысловой системы и пришел бы к пересмотру основного понятийного аппарата психологии. Не “процесс”, а “драма”, не простое движение, а сложная смысловая динамика. Если аппарат психологии сравнить с математическим, Выготский пришел к дифференциальному или интегральному исчислению. Или остановился перед ним”²² (Леонтьев, 1990, с.115).

Значение в своей объективности и обобщенности предстает перед нами в виде некоего абстрактного компонента отражения. “Значению слова мы обязаны тем, что с его помощью становится впервые возможно отвлеченное мышление в понятиях. Становится возможной та специфическая человеческая деятельность, которая невозможна у обезьяны и сущность которой заключается в том, что человек начинает определяться в своем поведении не только воспринимаемым, не структурой зрительного поля, а только мыслями” (Выготский, 1982а, с.273). С увеличением абстрактности значения, оно приобретает функцию символизации, охватывая неограниченное число явлений. Например, понятие “черный” символизирует такой широкий диапазон явлений, что в него попадает и трактовка Л.С.Выготским черного цвета в трагедии как “дыры в потустороннее” (Выготский, 1968, с.365) и современные

²² Между прочим, еще ждет своего исследования вопрос о соотношении теории единиц психологического анализа Выготского и монадологии Лейбница. В этой связи - если вспомнить, что Лейбниц является автором дифференциального исчисления - фраза о том, что “Выготский пришел к дифференциальному или интегральному исчислению”, не выглядит слишком метафоричной.

представления фантастов, в соответствии с которыми космические “черные дыры” являются точками соприкосновения различных миров.

Другое дело - смысл, который всегда шире, чем соответствующее значение (Выготский, 1982а, с.165). Выготский пишет: “Влияние смыслов: слово в контексте и ограничивается и обогащается; слово вбирает в себя смысл контекстов - агглютинация. Последующее слово содержит в себе предыдущее” (там же, с.163).

Таким образом, если внешнему знаку значение присуще, так сказать, в своем “чистом виде”, значение как таковое, то внутренние знаки воплощаются в форме “значений-смыслов”. Понятие внутреннего знака как бы вытесняется и расщепляется в процессе развития теории: “Смысл - то, что входит в значение (результат значения), но не закреплено за знаком”, - говорит Л.С.Выготский (1982а, с.165). Перед нами предстает внешний знак, обладающий значением, и значение субъекта, “обладающее” смыслом, более того - создающее (созидающее) смысл.

В.В.Давыдов назвал практическую деятельность главной, системообразующей идеей Л.С.Выготского: «А.Н.Леонтьев с группой харьковских сотрудников не пошел в свое время за Л.С.Выготским в изучении структуры сознания, не признал развивающей функции эмоций, а вернулся к идее исследования процессов порождения и развития сознания в практической деятельности, к исследованию строения самой деятельности.

Если «вернуться к идее», то, следовательно, А.Н.Леонтьев в начале 30-х гг. вполне отчетливо осознавал, что эта идея была заложена в целостной концепции Л.С.Выготского и что эту идею необходимо развертывать и углублять посредством экспериментальных исследований» (Давыдов, 1996, с.26).

Все это было бы убедительно, если бы сам А.Н.Леонтьев в дальнейшем не признал, что он был не прав, что не было альтернативы, что не выбирать надо было между предметным действием и сознанием, а изучать единство того и другого, то есть что прав был Л.С.Выготский, пытаясь найти движущие силы развития деятельности в эмоциональной сфере.

3.3. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА

Интерпретация Л.С.Выготским категории “значение” для нас выступает в виде следующих содержательных проблем. Во-первых: о соотношении значения и смысла. «Первым на возможность участия смысловых образований личности в регуляции деятельности указал Л.С.Выготский» (Иванников, 1998, с.86). У автора теории речевого мышления смысл оказывается глобальным процессом, посредством которого в деятельности субъекта фиксируется целостное отображение объектов. Смысловые образования, представляют собой изначально присущие человеку компоненты аффективной системы. В этом отношении их можно считать натуральными, естественными, (но не биологическими) образованиями. Значение же выступает как онтогенетически более позднее по сравнению со смыслом образование, фиксирующее в себе социально значимые признаки объектов, опосредованные “идеальной формой” и зафиксированные в виде продукта общественно-исторической практики.

Во-вторых, значение в системе Л.С.Выготского описывается как явление, включающее в себя и структурные, и процессуальные элементы. В этом случае значение как структура противопоставляется значению как деятельности. Соотношение знакового значения и “значения-смысла” в теории Выготского выражает собой соотношение структурного и процессуального. Действительно, закреплённость значения за внешним знаком влечет за собой интерпретацию значения как чего-то устойчивого, неизменного, жестко фиксированного: значение - “это внутренняя структура знаковой операции” (Выготский, 1982а, с.160). Да и традиционный взгляд предполагал именно такой подход к исследованию (лексического) значения. Но, одновременно, значение выступает в концепции Л.С.Выготского как “путь от мысли к слову” (там же), как процесс.

В теории Л.С.Выготского существовала тенденция трактовать значение не только как структуру, но и как процесс. Представление о значении как о структурном образовании соответствовало традиционным взглядам лингвистов, психологов, представителей других наук, так или иначе связанных с проблемой значения. Но интерпретация значения в виде процесса требовала принципиального переориентирования основ психологии. Мы знаем, что существует абстрагирование как процесс и абстракция как результат абстрагирования, обобщение как процесс и обобщение как результат. Выготский показал, что значение существует и как процесс, и как результат, но значение-процесс не является означением, т.е. процессом “придания” значения - значение-процесс, по Выготскому, есть развитие. И такое выделение значения как процесса-развития явилось фундаментальным вкладом в

психологическую науку, продемонстрировавшим диалектичность и интегральность психического отражения.

Прежде чем что-либо выразить, мы приходим к означению (наименованию) и только после этого можем выразить требуемое. Поэтому “мысль не есть нечто готовое, подлежащее выражению. Мысль стремится, выполняет какую-то функцию, работу. Эта работа мысли есть переход от чувствования задачи - через построение значения - к развертыванию самой мысли... Мысль совершается в слове, а не выражается только в нем. Мысль есть внутренний опосредованный процесс. (Это путь от смутного желания к опосредованному выражению через значения, вернее, не к выражению, а к совершенствованию мысли в слове)” (Выготский, 1982а, с.162).

Смысл, сконцентрированный в деятельности, проходя через орудие (речь) расчленяется в систему значений (в предложения) и приобретает имя. Мы возьмем на себя смелость распространить эту схему на процесс развития любого смысла. Мы более широко будем понимать утверждение, в соответствии с которым “развитие идет: фазически от изолированного слова к предложению, семически от предложения к имени” (Выготский, 1982а, с.161). Чтобы принять эту более широкую точку зрения, следует согласиться с тем, что при всей своей специфичности речь является одним из орудий человека. Точно так же, как через речь, смысл может пройти и через руку, и здесь преобразуясь в значение и получая наименование. Тогда, значение, по Л.С.Выготскому - единица не поведения и не сознания. Это - единица деятельности. Казалось бы, такую единицу можно определить посредством категории “внутреннее”. Но к теории Л.С.Выготского такая интерпретация неприменима. Это видно не только при рассмотрении значений, но и при анализе других понятий, которые употребляются Л.С.Выготским в своих текстах.

Важный момент в представленной интерпретации значения и смысла – их соотношение. Если традиционно это соотношение либо не рассматривалось, либо смысл и значение неявным образом принимаются в качестве независимых образований, то в контексте предлагаемого подхода прямо постулируется тезис: значение является частью смысла.

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ КАК ЕДИНСТВО

«ВНЕШНЕГО» И «ВНУТРЕННЕГО»

Переживание как единица анализа, по мнению Л.С.Выготского, - это не просто единство среды и личности. В переживании дана не сама по себе среда, а “среда в ее отношении ко мне, в том, как я переживаю эту среду” (Выготский, 1984а, с.383). Характеризуя фонему как единицу анализа, Л.С.Выготский подчеркивает, что “можно говорить о развитии человеческой речи только тогда, когда сохраняется единство звука и смысла” (там же, с.354). Иными словами, те целостные образования, единицы анализа которых выделяет Л.С.Выготский, выступают как “внешнее” по отношению к “внутреннему” элементу, обобщаемому единицей, но по отношению к ее “внешнему” элементу выступают как “внутреннее”. Если рассматривать звук в его объективном значении, с точки зрения его физических параметров, то такой звук представляет собой нечто внешнее по отношению к фонеме, которая по определению не может существовать отдельно от значения. Наоборот, по отношению к сознанию фонема выступает как “внешнее”, поскольку не может существовать отдельно от своего материального носителя - звука. Переживание в качестве такого носителя имеет “мое отношение к среде”. Поэтому переживание может рассматриваться как “внешнее” к личности. Но, с другой стороны, по отношению к объективно существующей среде переживание выступает как “внутреннее”. Точно так же и значение является “внешним” по отношению к мысли (смыслу) и “внутренним” по отношению к звучанию слова.

Подыскивая синонимы, наиболее полно выражающие содержание понятий, посредством которых Л.С.Выготский обозначает единицы анализа, можно сказать, что переживание - это мое отношение к среде, фонема - мой звук, значение - мое слово. Общее, что объединяет между собой разные единицы - это единство “внешнего” и “внутреннего”, наиболее подробно представленное Выготским в понятии “значение”.

Здесь значение должно служить связующим звеном между “внутренним” и “внешним”, причем данное звено следует понимать не как ассоциацию, с двух сторон к которой “привязаны” “внешнее” и “внутреннее”, а как “внутреннюю” организацию, обусловленную “внешними” факторами. Действительно, с одной стороны, совокупность значений образует познавательную сферу личности. Это - традиционное, классическое понимание значения. Но, в то же время, формирование значения немислимо вне общения. Л.С.Выготский подчеркивал, что “развитие общения и обобщения идут рука об руку” (Выготский, 1960, с.372). Причем, общение в данном случае следует понимать более широко, чем просто непосредственный (вербальный или любой другой) контакт двух субъектов. Общение может быть (и часто бывает) опосредованным, т.е. общением посредством культурных ценностей. Вне общения -

непосредственного или опосредованного - невозможно развитие значения, но такое развитие и представляет собой его жизнь. Процесс общения позволяет значению преобразоваться в форму понятия и стать, таким образом, основой понимания. В этом смысле значение является “одним и тем же” для всех, то есть всеобщим.

Сформулированная в дальнейшем А.Н.Леонтьевым (1975) антитеза картезианско-локковской дихотомии тела и духа непосредственно связана с определением понятий “внешнее” и “внутреннее”, содержащимся в теории Л.С.Выготского. Выготский придавал определению этих понятий совершенно новый смысл, позволивший ввести категории “внешнее” и “внутреннее” в методологический аппарат диалектической психологии. Перечисляя точки соприкосновения марксистской психологии и гештальтпсихологии, Л.С.Выготский говорит: “Психика и поведение, “внутреннее и внешнее” (по терминологии В.Келера), феноменальные и телесные реакции (Коффка) не представляют собой две различные, разноприродные области. Что внутреннее - то и внешнее”(Келер)” (Выготский, 1982а, с.101). И одновременно было бы “ошибкой не учитывать вовсе “внутреннюю сторону поведения” (там же, с.102). Л.С.Выготский фактически имплицитно дает здесь новое определение категорий “внешнее” и “внутреннее”. Учитывая рассмотренное выше решение проблемы соотношения сознания и поведения, мы можем эксплицировать это определение примерно следующим образом: внутреннее есть качество, атрибут внешнего, получающий свое существование в процессе исторического развития последнего.

Представленная интерпретация соотношения смысла и значения, на мой взгляд, выводит содержание понятия “сознание” в теории Выготского за пределы понимания сознания как ограниченно трактуемого, замкнутого в себе образования. В теории Выготского процесс превращения смысла в значение выступает не как процесс, протекающий внутри сознания, но как модель взаимодействия человека с окружающим его миром. Ведь само сознание для Выготского - это не самостоятельная субстанция, но момент поведения человека.

Исходя из предложенного понимания содержания смысла и значения в теории Л.С.Выготского, можно представить деятельность как процесс разворачивания смысла, закодированного в ее “узоре”. Любое, в форме значения существующее, содержание, прежде чем оно сможет привести в движение деятельность человека, должно отразиться в этой деятельности в форме конкретного индивидуального смысла. Существенным отличительным признаком данного понимания значения и смысла является то, что эти два личностных образования определяются как функциональные

проявления деятельности. Поэтому, если традиционно смысл и значение рассматриваются как формирования познавательной сферы, то в изложенной интерпретации значение и смысл - это образования, включающие в себя элементы как познавательной, так и поведенческой сферы, как эмоционального, так и коммуникативного, как “внутреннего”, так и “внешнего”.

3.4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗВОРАЧИВАНИЕ СМЫСЛА

«УЗОР» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В языковедческих науках проведено наибольшее количество исследований значения. При этом множество подходов к решению этого вопроса можно разделить на две группы (см.: Бархударов, 1975, с.50-58). Одни исследователи, придерживающиеся строго лингвистической ориентации, утверждают, что значение является атрибутом речи. Другие языковеды, пытающиеся использовать применительно к языкознанию данные психологии, утверждают, что значение представляет собой исключительно феномен сознания. Таким образом, наиболее четко выраженная на сегодняшний день, эксплицитно зафиксированная дилемма состоит в следующем: где локализуется значение, где его естественное “место” - в речи или в сознании? Эта дилемма получает свое разрешение посредством использования категории деятельности. Ведь речь, по Выготскому, есть форма проявления деятельности в сознании. Поэтому значение может найти, и находит, свое «место» в речи (впрочем, как и в поведении), проявляясь в сознании. Поэтому точнее будет сказано: “место” значения - в деятельности человека.

В деятельности человека отображаются и фиксируются явления объективной реальности. Говоря образно, поток жизни формирует узор деятельности; объекты и события кодируются узором деятельности субъекта. Проблема, которая возникает в этом случае перед исследователями состоит в том, чтобы выяснить, как в этом узоре соотносятся индивидуальное и социальное.

Узор деятельности строго индивидуален - ведь он складывается под влиянием огромного количества факторов, среди которых наиболее важным является вся совокупность личного опыта человека и вся совокупность элементов внешней, окружающей среды, в контексте которых происходит изменение узора деятельности. Поэтому индивидуальный узор деятельности уникален.

Однако, это вовсе не означает, что в нем отсутствуют социальные аспекты. Уместно вспомнить в этой связи слова Л.С.Выготского: “Очень наивно понимать социальное только как коллективное, как наличие множества людей. Социальное и там, где есть только один человек и его личные переживания” (Выготский, 1968, с.316).

Можно выделить две формы, в которые выливается присутствие социального в узоре деятельности. Во-первых, это - те общие механизмы, которые лежат в основе функционирования деятельности человека. Во-вторых, - неповторимые индивидуальные образования, определяемые контекстом (внешним и внутренним). Именно этот узор деятельности, соответствующий некоторому объекту или явлению, мы назовем смыслом данного объекта (явления). Такое понимание смысла дает нам право вслед за Д.А.Леонтьевым утверждать: «Понятие смысла, выводя анализ за пределы сознания, в плоскость жизненного мира, позволяет преодолеть бинарную оппозицию аффекта и интеллекта, познания и чувства, в плену которого человекознание продолжает оставаться еще со времен античности» (Д.А.Леонтьев, 1999, с.165).

Л.С.Выготский, не останавливаясь на собственно лингвистической интерпретации соотношения между смыслом и значением, пытается нащупать психологическую ткань, составляющую остов этого соотношения, в содержании проблемы понимания: “Субъективность понимания, привносимый нами от себя смысл... есть признак всякого вообще понимания, - читаем мы у Выготского. - Как совершенно правильно сформулировал Гумбольдт: всякое понимание есть непонимание, то есть процессы мысли, пробуждаемые в нас чужой речью, никогда вполне не совпадают с теми процессами, которые происходят у говорящего. Всякий из нас, слушая чужую речь, и понимая ее, по-своему апперцепирует слова и их значение, и смысл речи будет всякий раз для каждого субъективным не в большей мере и не в меньшей, чем смысл художественного произведения”. (Выготский, 1968, с.62).

ПОНИМАНИЕ КАК ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЕ

СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ

“Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего такого, что не есть всеобщее. То, что я только хочу сказать, то, что мнится мне, есть мое, принадлежит мне, как этому особому индивидууму; но если язык выражает только всеобщее, то я не могу сказать того, что только мне мнится”. (Гегель, 1974, с.114). В этом плане процесс понимания аналогичен переводу с одного языка на другой,

понимаемому как “процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения” (Бархударов, 1975, с.11). На этой основе раскрывается общность, например, таких проблем, как машинный перевод и разработка диалоговых систем “человек-ЭВМ”, их психологическая идентичность. Очевидно, обе проблемы предполагают решение проблемы контекста.²³

Уже из обычных житейских наблюдений следует, что смысл не может быть единственной составляющей деятельности. Если бы каждый человек обладал абсолютно индивидуальными смыслами объектов, т.е. если бы смыслы одного и того же объекта у субъектов не имели бы ничего общего, то два человека просто не смогли бы осуществить общение друг с другом в отношении данного объекта. Для общения необходимо определенное взаимопонимание. В свою очередь, понимание предполагает наличие общих компонентов в составах смысловых узоров деятельности. Такие общие компоненты обязательно присутствуют в индивидуальных узорах деятельности. Назовем их значением.

Мы общаемся друг с другом независимо от того, знаем ли мы что-нибудь о внутреннем мире собеседника или нет. Мы изначально предполагаем, что у нашего партнера по общению имеется определенный уровень знаний по затрагиваемой в разговоре проблеме. Этот предполагаемый “определенный уровень знаний” и представляет собой общую часть смыслового узора деятельности, т.е. значение. Правда, содержание значений может существенно варьировать по своему объему. Например, если общение не выходит за пределы житейской беседы, или если это - профессиональный разговор двух специалистов, но термины, используемые в ходе общения, хорошо определены и достаточно широко известны, то взаимопонимание легко может быть осуществлено. Понимание собеседника будет затруднено, если термины, используемые в процессе общения, еще не приобрели всеобщее признание, как это бывает, в частности, в развивающихся отраслях науки (например, в психологии, где представители этой науки часто не понимают друг друга, поскольку вкладывают в то или иное понятие свои индивидуальные смыслы).

Идея о том, что понимание предполагает существование сходных элементов в структурах деятельности, имеет давнюю историю. Так, например, у Гегеля мы находим следующее высказывание: “Возможность передавать другому свой опыт и свои мысли

²³ “Трудности перевода зависят от сложного пути переходов из плана в план: мысль - значение - физическая внешняя речь” (Выготский, 1982а, с.163).

предполагает, что у него уже были подобные опыт и мысли, которые теперь мы представляем ему в иной взаимосвязи и задаем ему связать таким способом, какой мы ему указываем; эта возможность предполагает способность в самих себе вызывать такого рода деятельность, которую описываем мы ему” (Гегель, 1970, с.203). Можно сказать, что, в отличие от индивидуального смысла, значение является “интегральным системным качеством” (см.: Кузьмин, 1982а, б).

Значения составляют содержание языка человека, слов. Когда мы вступаем в процесс общения, мы выражаем в слове смысл, т.е. предполагаем, что произносимое или записанное нами слово полностью отражает весь деятельностный “узор” данного субъективного смысла. Однако на деле слово пробуждает у собеседника его собственный, индивидуальный смысловой “узор”, в котором общим с нашим смысловым “узуром” является та его часть, которую мы назвали значением. Таким образом, каждый из общающихся индивидов выражает в слове и вкладывает в воспринятое слово свой смысл. Но в двух смыслах общающихся лиц есть общая часть - значение этого слова,²⁴ - и только благодаря наличию такой общей части мы понимаем друг друга.

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Значение как сущность и смысл как явление

Объект, данный субъекту в органах чувств, фиксируется деятельностью. Однако, в деятельности наряду с изменчивым, “являющимся” должно фиксироваться и неизменное, сущностное объекта. Предельно обобщая, можно сказать, что если бы сущностный аспект объекта не фиксировался в отражательной системе, не существовало бы приспособительных реакций, представляющих собой ответ организма не просто на данное свойство предмета или явления, но - на более глубокие качества предмета. А если бы объекты отражались организмом только в многообразии всех своих связей - в том числе и случайных, временных - не существовало бы научения.

²⁴ “Значение не равно мысли, выраженной в слове... Мысль - облако, из которого речь исходит в каплях... Мысль иначе построена, чем ее речевое выражение. Мысль прямо не выразима в слове... Всякая речь имеет заднюю мысль. Всякая речь есть иносказание” (Выготский, 1982а, с.161-162).

В “узоре” деятельности объект кодируется во всем многообразии его связей, иными словами - объект кодируется в неразрывной связи с контекстом, понимая термин “контекст” в самом широком его значении. Однако, связи, образующие контекст объекта, могут быть как существенными, главенствующими, важными, так и второстепенными, временными, выступающими лишь в форме явления. Разумеется, узор деятельности должен отражать в первую очередь именно сущностные признаки объектов. При этом не стоит забывать, что «сущность» явления, объекта, отображаемого в деятельности, не представляет собой некий абсолюте, не зависящий от деятельности. Сущность – это «интегральный элемент» тех самых «островков безопасности», о которых говорил Выготский в «Историческом смысле». Сущность представляет собой как бы стержень смыслового узора, его ядро, на которое наслаиваются линии, связанные с субъективным опытом и воздействиями среды.

Конечно, у человека значения срастаются с единицами языка, их адекватность проверяется в ходе общественно-исторической практики, но отражение сущности является основной функцией значений. Поэтому значение не может быть постигнуто только чувственно, на уровне явления, но требует привлечения аппарата рационального абстрагирования и обобщения.

Абстрактность значения и конкретность смысла

“Узор” деятельности, несущий данный смысл, выражает не только опыт субъекта, но и окружающий его в момент деятельностного акта мир. Разумеется, деятельностный акт в большой степени определяется самим объектом, и эта “объективная” часть “узора” - его стержень, ядро, на которое наслаиваются линии, связанные с субъективным опытом и воздействиями среды. Объект является личности теми или иными своими сторонами и в форме явления фиксируется в структуре деятельности. Но во всех проявлениях объекта содержатся его сущностные признаки, составляющие большую или меньшую часть явления объекта личности. Следовательно, в структуре деятельности наряду с изменчивым, “являющимся” должно фиксироваться и неизменное, составляющее сущность объекта. Если бы существенные аспекты объекта не фиксировались, была бы невозможна адекватная деятельность, соответствующая не просто данным свойствам предметов или явлений, но - более глубоким качествам объектов. Значение выступает в виде всеобщего, т.е. в виде общего, идентичного для всех членов взаимодействия содержания смысла. Следовательно, значение не может быть постигнуто только чувственно, на уровне явления, но требует участия мысленного абстрагирования.

В комплексе наук о человеке формируется важная задача - создание таких условий формирования и развития личности, при которых воспитание и обучение соответствовали бы друг другу, поскольку соответствие обучения и воспитания означает соответствие друг другу смыслов и значений одних и тех же объектов и явлений. Однако, далеко не всегда такие условия могут быть созданы. Во многих случаях субъект приобретает систему смыслов минуя область “идеальной формы”. Смысл в этом случае формируется в процессе непосредственного межличностного общения, воспитания и самообучения, а обучение не играет сколько-нибудь существенной роли (хотя, как правило, имеет место). Таким образом, закладывается различие между значением данного объекта и его смыслом для данного субъекта.

Другой аспект той же проблемы подмечен П.П.Блонским. Это - противоречие между объемом понятия и его конкретностью, выступающее, с точки зрения Блонского, как “отдаление мышления от восприятия... Расширяясь и становясь все менее наглядным, мышление, выигрывая в масштабе, в своем объеме, рискует в то же время проигрывать в своей содержательности... Одной из главнейших причин этого является различие источников мыслей. В одном случае этим источником являются собственные наглядные восприятия, в другом чтение.” (Блонский, 1979, с.21-22). Это высказывание Блонского подчеркивает чрезвычайную конкретность смысловых элементов. Можно сказать: смысл конкретен до невыразимости. Наоборот, значения отличаются крайней обобщенностью и схематичностью - хорошо известны скепсис и ирония, часто сопровождающие восприятие абстрактных и схематичных научных понятий с точки зрения житейского опыта.

Социальность значения и индивидуальность смысла

Всеобщность значения непосредственно демонстрирует социальную природу последнего. Если бы познание осуществлялось внеобщественным индивидом, то значение как носитель всеобщего не существовало бы. Только общественная сущность человека требует выделения всеобщего в форме значения. По-видимому, социальность значения, противостоящая индивидуальности смысла, составляет основание точки зрения, в соответствии с которой “корни волевой активности личности кроются прежде всего в противоречиях, которые существуют между человеком как субъектом деятельности и самой общественно-необходимой деятельностью” (Селиванов, 1982, с.16).

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ СМЫСЛОМ

И ЗНАЧЕНИЕМ – ДВИЖУЩАЯ СИЛА

СИСТЕМНОЙ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В процессе двуединого общения и как результат такого общения возникает двуединый процесс психического отражения. В этом процессе смысл выступает как значение-для-себя, а значение - как смысл-для-других. Субъективно для человека мир выступает преломленным через смысловую систему. Объективно субъект выражает свой смысл вовне в форме значения. Казалось бы, создается вполне стройная панорама. В соответствии с этой схемой, части (смысл, значение) равны целому. Далее, двойственность единого процесса отражения дает возможность интерпретировать психическую деятельность как саморазвивающийся процесс.

Неясным в этой схеме остается “только” процесс детерминации саморазвития психической деятельности. Диалектическая методология сняла проблему механической причинности, утверждая необходимость системного рассмотрения объектов и явлений. Но именно такое системное рассмотрение предполагает существование, так сказать, системной детерминации. В отличие от классического детерминизма, утверждавшего, что следствие полностью определяется причиной, в соответствии с системным детерминизмом, мы должны считать, что функционирование данной системы (не определено, а) обусловлено законами функционирования более широкой системы, в которую рассматриваемая система входит в качестве подсистемы.

В отношении анализируемых нами проблем это означает, что необходимо показать, в какую систему входит деятельность человека, чем обусловлены ее внутренние закономерности.

Решением проблемы может служить рассмотрение человека в качестве подсистемы иерархически вышестоящего системного образования. Такой системой является социально-предметное окружение человека, во взаимодействии с которым (в первую очередь, в трудовой деятельности) только и происходит развитие сущностных сил человека. Значение не может существовать вне сферы поведения человека, и в первую очередь значение немислимо без своего преобразования в предметном действии. По выражению В.П.Зинченко и В.М.Мунипова, “психика превращается в “вещь для нас” лишь в той мере, в какой она обнаруживает себя в деятельности индивида” (Зинченко и Мунипов, 1976, с.46). В процессе деятельности человек переносит свои значения в предмет, т.е. объективирует значения. Таким образом, продукт деятельности является в той или иной степени отражением деятельности человека. Поэтому мы можем сказать, что в процессе деятельности человек вступает в

отношение с предметом как с самим собой. В итоге “Я” обладаю достоверностью через нечто иное, а именно через вещь; а эта последняя достоверна точно так же через нечто иное, а именно через “Я” (Гегель, 1959, с.52).

Необходимым условием формирования смысла является существование некоторого системного образования, частью которого является данный объект. Как говорил В.Б.Шкловский, “слово может анализироваться только в сцеплении обстоятельств его произнесения” (Шкловский, 1983, с.125). Предметы и явления, с которыми соотносится смыслозадающий объект, образуют его контекст, уточняют его значение, т.е. способствуют формированию смысла. Такое объект-объектное взаимодействие является необходимым, но далеко не достаточным контекстуальным фактором. Еще одним таким фактором является внутренний мир субъекта, его система (“структура”) личности. Вступая во взаимодействие с субъективной реальностью, образующей личность, психические образования приобретают неповторимый смысловой оттенок, характерный для данной личности. Такое субъект-субъектное взаимодействие, т.е. взаимодействие “элементов” данной личностной (смысловой) системы, играет ведущую роль в придании смыслу уникальности.

Но проблема психологического контекста не ограничивается лишь указанными факторами. Сами по себе перечисленные контекстные формы не могут привести к построению смысловых образований. Формирование смысла возможно только при условии взаимодействия субъекта с объектом, т.е. в процессе деятельности. Причем, субъект-объектное взаимодействие не только само по себе является условием формирования смысла, но и необходимо для того, чтобы смогли осуществиться объект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие.

Как отметил Л.С.Выготский, “значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная” (Выготский, 1956, с.369). Однако, смысл в концепции Л.С.Выготского - не только функция контекста, но и результат длительного исторического развития. Об этом свидетельствует предпринятое Л.С.Выготским выделение в слове его внутренней формы, внешней формы и значения (Выготский, 1968, с.46-48).

Деятельность человека чрезвычайно многогранна. Субъект находится в постоянном взаимодействии с окружающим его миром объективной реальности. Каждое явление, каждый объект, любая “вещь” - если они в какой-то степени имеют значение для субъекта - требуют его реакции. Такие значимые объекты окружают

человека с момента его рождения и до наступления смерти. Субъект постоянно реагирует, и реагирование является нормальной формой существования человека. Разумеется, реагирование отнюдь не сводится к поведенческим реакциям, к моторным актам. Реагирование может быть коммуникативным, познавательным или эмоциональным. Более того, в каждом конкретном случае невозможно отделить эти формы одну от другой (их можно выявить только посредством абстракции), а реагирование при этом выступает в качестве процесса, саморазвивающегося по внутренне присущим ему закономерностям. Совокупность таких реакций на определенное явление (объект, событие) и образует тот “узор” деятельности, о котором говорилось выше. Это - смысл явления для субъекта или для-себя-смысл.

Деятельность - единый процесс интериоризации-экстериоризации. Развитие личности неизбежно проходит через ее экстериоризацию. В деятельности осуществляется переход свойств субъекта в объект деятельности. Эти свойства возвращаются в сферу личности в виде значений. Существовая в деятельности субъекта сначала в виде смыслов, проходя в объекте через процесс социального преобразования, они приобретают форму значения и уже в такой превращенной форме возвращаются в деятельность субъекта. Но абстрактное, обобщенное, социально-детерминированное значение отличается от конкретного, индивидуального смысла. Таким образом возникает противоречие между смыслом и значением одного и того же явления.

Можно выделить два аспекта, определяющих эффективность психологической системы человека. Одним из этих аспектов является смысловое содержание информации. Второй аспект - значение, которое данная информация имеет для субъекта. Анализ этих двух сторон информации позволяет сделать вывод о том, что между ними существует определенное противоречие, которое может найти свое конкретное выражение в виде противоречий между конкретным и абстрактным, единичным и всеобщим, непосредственным и опосредованным, субъективным и объективным. Наконец, противоречие между смыслом и значением объекта может проявиться в сознании субъекта в форме противоречия между личным и общественным. Рассмотрение генетического аспекта показывает, что аналогичная противоречивость характерна и для ранних форм усвоения информации. Поэтому противоречие между смыслом и значением можно считать главной движущей силой развития психологической системы человека.

Однако это противоречие долгое время (иногда в течение всей жизни) не замечается субъектом. Человек даже может создать свой собственный воображаемый

мир, куда переносит систему своих смыслов. Тогда субъект живет в соответствии со своими индивидуальными нормами, которые могут в значительной степени отличаться от официальных. Момент обнаружения субъектом различий между системой своих смыслов и системой значений имеет определяющее значение для дальнейшего существования субъекта. Можно выделить два направления поведения человека, осознающего данное противоречие. С одной стороны, он может предпринять попытку привести свою систему в соответствие с системой общепринятых значений. Но бывает и так, что субъект пытается изменить систему значений, модифицировав ее путем введения своих смыслов. В этом случае существует возможность нескольких исходов. Попытка может завершиться неудачей, и субъект принимает систему общих значений (это - самый распространенный случай). Если попытка оканчивается неудачей, но субъект не прекращает усилий по изменению системы значений, мы воспринимаем поведение данного человека как некое отклонение от нормы и, в случае его длительных и безуспешных стараний по изменению общепризнанных представлений, ставим вопрос о его психической полноценности. Это - тот случай, когда, по словам Гегеля, самообман замечается человеком и тогда “возникает состояние души, которое часто доходит до безумия” (Гегель, 1970, с.172). Но встречаются и такие исходы данной ситуации, при которых отдельный индивид успешно внедряет свою смысловую систему в систему официальных значений. Такие случаи представляют собой эмпирическую основу проблемы гениальности. Не исключено, что в случае с системой психологических взглядов Л.С.Выготского мы имеем дело как раз с этой последней ситуацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологическая направленность Л.С.Выготского упрямо выводила его за пределы классических вопросов «что?» и «как?», традиционно определявших содержание конкретно-психологических исследований. Для Выготского-методолога не менее, а может быть более, важен вопрос «почему?». Его не столько интересует, что собой представляет сознание человека и как оно функционирует, но – почему оно таково, почему оно функционирует именно так. Разумеется, ответ на вопрос «почему?» возможен только в том случае, если первые два вопроса получили свое решение. Но решение конкретно-психологических проблем для Л.С.Выготского – лишь средство достижения основной цели – построения новой психологической методологии. И здесь прослеживается не просто субъективная, авторская линия Выготского. В этой попытке ответить на вопрос «почему?» видится историческая закономерность развития науки. Вспомним хотя бы создаваемые параллельно с работой Выготского труды К.Левина, который «разводит понятия фенотипические (описательно характеризующие комплексный процесс) и каузально-генетические (отвечающие на вопрос «почему?» и направленные не на описание события или феномена, а на его объяснение в терминах однозначно трактуемых законов)» (Д.А.Леонтьев, Патяева, 2001, с.6).

Такова методологическая позиция Л.С.Выготского. Мы помним многократно цитировавшееся высказывание: «Я не хочу узнать на дармовщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса...» (Выготский, 1982а, с.421). «И тем самым, - отмечает В.В.Умрихин, - он показывает, что у Маркса (как и у других представителей марксизма) нет психологических идей, не надо им приписывать эти идеи (ведь официальная точка зрения заключалась в том, что эти идеи есть, и против нее Выготский восстает)» (Умрихин, 2001, с.65). И это Выготский позволил себе произнести как раз в то время, когда «скраивание» цитат классиков становилось нормой поведения философов-«марксистов». Лев Семенович Выготский воспринял от марксизма другое – гегелевский диалектический метод построения предмета исследования. Главное звено в процессе такого построения – выделение единицы анализа путем вычленения (абстрагирования) «простого начала», «клеточки» и дальнейшего отслеживания превращения «клеточки» в единицу, представляющую собой «молекулу» - носитель основных свойств, присущих целостному предмету психологического исследования.

Л.С.Выготский ассимилировал в своей психологической системе лучшее из созданного его предшественниками и современниками. Он рассматривал психологическую систему (термин, заимствованный им у Ж.Пиаже) человека как итог взаимодействия (бихевиоризм, рефлексология) индивида и общества (французская психологическая школа), как результат интериоризации (Пиаже). Причем, в качестве системы, выступающей как объект исследования у Выготского, принимается не система «человек-общество», но только и исключительно человек. Выготский рассматривает психику индивида как целостное (гештальтпсихология) образование, находящееся в процессе движения, являющееся не «вещью», а процессом. Для того, чтобы вскрыть закономерности такого предмета, мы должны изучать не внешние его проявления, фенотипические признаки, но каузально-генетические закономерности, присущие ему. А для этого необходимо отвлечься от его внешних (в том числе, интроспективно обнаруживаемых) характеристик и заняться анализом «глубинных» (Фрейд, Адлер) проявлений указанного процесса.

Таким образом, предмет исследования у Выготского – это интимно-личностный, социально-опосредованный процесс, каузально-динамические закономерности которого должна выявить психологическая наука. Соответственно, причинность, определяющая динамику этого процесса, по Выготскому, задается принципами диалектики, среди которых важнейший – принцип саморазвития.

В последние годы вновь, как и в начале прошлого века зазвучали призывы преодолеть кризис в психологии. Правда, по мнению А.Г.Асмолова (1999), сегодняшняя ситуация разительно отличается от развалин Трои перед грустным Приамом, с которыми образно сравнивал психологию конца XIX века Н.Н.Ланге. В психологии двадцатого века родились свои города, свои психологические страны, свои материки. В итоге современная психология оказалась в ситуации, передаваемой формулой: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Быть может, пора поискать главную дорогу психологии в методологии Л.С.Выготского, в том диалектическом методе, который был им претворен в конкретную психологическую практику опосредованно – через анализ и освоение марксистской философии.

Ученик А.Н.Леонтьева Б.С.Братусь вспоминает свою последнюю встречу с Учителем: «Заговорили о личности, об общих принципах понимания человека. А.Н. твердо сказал тогда как нечто важное и продуманное, что марксизм ошибается в утверждении, что исправил Гегеля, перевернув его «с головы на ноги». Это была ошибка, на самом деле, - убежденно и даже с горячностью заключил А.Н., - Гегель стоял правильно» (Братусь, 1999, с.288). Наверное, эти слова ученика и единомышленника Л.С.Выготского могут хотя бы косвенно подтвердить основные положения, которые мы пытались эксплицировать в данном исследовании:

1. Главное, что воспринял Л.С.Выготский от марксизма – диалектический метод построения предмета исследования. Ведущее звено в процессе такого построения – выделение единицы анализа путем абстрагирования «простого начала», «клеточки» и дальнейшего отслеживания превращения «клеточки» в единицу, представляющую собой «молекулу» - носитель основных свойств, присущих целостному предмету психологического исследования.

2. Л.С.Выготский показал, что развитие научной теории происходит по следующей схеме. Первичная абстракция, указывающая границы исследуемой реальности, вводится в более широкую систему фактов и явлений. В итоге главное обобщение превращается в объяснительный принцип теории. Путь, проделанный Выготским от значения-обобщения к значению-объяснению, проходит через факты, полученные в онтогенетических исследованиях. В результате категория «значение» приобретает в теории Выготского статус логического начала, посредством которого психологическая феноменология, а вместе с тем и деятельность человека, объясняется как процесс, развивающийся по внутренне присущим ему закономерностям и социально детерминированным извне.

3. Значение в функции объяснительного принципа выходит за пределы, первоначально заданные значением в функции психологической единицы. Предмет исследования приобретает еще один существенный признак – социальность. В связи с этим возникает задача терминологически упорядочить содержательное разведение исходной психологической единицы и психологической единицы, получившей свое существование в результате развития значения в функции логического начала.

4. В концепции Л.С.Выготского произошло «раздвоение» категории «значение». Поведенческая сфера жизнедеятельности человека рассматривалась им в контексте опосредующей роли знака. Однако именно в этой концепции можно проследить наличие моментов, противоречащих теории значения как единицы психологического анализа. Дело в том, что принятие значения в качестве единицы, содержащей в себе все аспекты психической деятельности, приводят к тому, что само значение превращается в некую абстрактную категорию. Значение – абстракция, принимающая ту или иную конкретную форму в зависимости от особенностей данной конкретной деятельности человека.

5. Анализ психологической системы Л.С.Выготского позволяет сделать вывод: в качестве главной бытийной характеристики человека принимается деятельность. Причем деятельность здесь следует понимать действительное единое целое, которое лишь после анализа начинает выступать как двойственное единство поведения и сознания. Выготский утверждал, что «поведения без психики у человека так же не существует, как психики без поведения, потому что психика и поведение – это одно и то же» (Выготский, 1982а, с.57, 76). Таким образом, только интерпретация психики как деятельности, а деятельности – как единства поведения и психики позволит провести полноценный анализ понятий, выступающих в качестве единиц анализа в работах Выготского.

6. Понятие «поведение» в работах Л.С.Выготского имеет деятельностный характер как активный и осознанный процесс. Сознание в теории Выготского мы можем считать превращенной формой деятельности, то есть явлением, не совпадающим с деятельностью как со своей сущностью, но, тем не менее, указывающим на эту сущность.

7. В теории Л.С.Выготского психология рассматривается как естественная наука. Принимая в качестве предмета психологии «целостный психофизиологический процесс поведения» (Выготский, 1982а, с.141), автор культурно-исторической теории содержательно интерпретирует этот предмет не просто как ответную реакцию организма на внешние воздействия. Предмет психологии, по Выготскому, - это

органическая система, развивающаяся в соответствии с законами диалектики. Данное понимание предмета психологической науки определяет развитие культурно-исторической теории на всех этапах ее построения, что находит свое проявление и на уровне единиц психологического анализа.

8. На каждом из этапов развития психологической системы Л.С.Выготского существовали особые единицы анализа: рефлекс, инструментальный акт, значение. Каждый из этапов был посвящен Выготским исследованием отдельных аспектов общей идеи, помещенной им в основание своей психологической системы – идеи естественнонаучной природы предмета психологии. В конечном итоге на завершающем этапе развития теории формулируется принцип, объясняющий специфику предмета психологии: «значение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» (Выготский, 1983а, с.305). Значение как единица психологического анализа вбирает в себя объяснительный принцип и приобретает новое содержание по сравнению с тем, которое входило в это понятие, когда оно было введено на основании исходной идеи теории. Если прежде под значением понималось образование, отражающее специфику сознания, то теперь представление о специфичности значения (а вместе с тем и сознания) дифференцируется, наполняется новым содержанием: сознание тем отличается от других объектов естественных наук, что оно есть процесс перехода от мысли к слову, процесс выражения мысли в слове.

9. Подход Л.С.Выготского к проблеме единицы психологического анализа следует рассматривать сквозь призму методологии его психологической системы. Это значит, что концепция единиц анализа выступает в рассматриваемой теории не как цель, но как средство. Отсюда следует чрезвычайно важный вывод: понятие «значение» у Выготского является не итогом развития теории, а инструментом, опосредующим построение новой психологической методологии. Поэтому анализ понятия «значение» у Выготского не может осуществляться без рассмотрения общего смысла культурно-исторической теории. Эту же мысль можно сформулировать по-другому: значение в теории Выготского является методологической единицей, содержащей в себе основные признаки культурно-исторической концепции, то есть отражающей смысл психологической системы Выготского.

10. Основной вектор развития теории Л.С.Выготского видится в наполнении категории «значение» тем содержанием, которым сегодня мы наполняем понятие «деятельность». Противоречивое единство смысла и значения нам представляется двуединым процессом разворачивания симультанных смысловых «узоров»

деятельности и вычерпывания пространственно-временных характеристик мира с воплощением их в соответствующий деятельностный паттерн.

Кто-то из известных исследователей считал, что книги, как и люди, имеют свою историю развития. Они зарождаются и умирают; одни заканчивают свое существование в юности, другие доживают до преклонного возраста, наконец, лишь немногие обретают бессмертие. Очевидно, аналогичный генезис присущ и научным теориям, обретающим свое бытие в жизни исследователя и в продуктах его труда. Дальнейшая история развития психологии покажет, насколько длительным будет существование теории Л.С.Выготского, но сегодня эта психологическая система обладает достаточным потенциалом для своего развития.

ЛИТЕРАТУРА:

- Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна. // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989, с.10-60.
- Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.
- Анохин П.К. Избранные труды. М., 1978.
- Анцыферова Л.И. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии. // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
- Аристотель Собр. соч. Т.1. М., 1976.
- Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии. // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999, с.332- 349.

- Асмолов А.Г. Выготский сегодня. Неклассическая психология. // Культурно-историческая психология развития. М., 2001, с.20-26.
- Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2001а.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. М., 2001б.
- Ахлибинский Б.В., Гречанова В.А. Отражение как атрибут материи. // Материалистическая диалектика. Т.2. М., 1982.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
- Бассин Ф.В. “Значащие переживания” и проблема собственно психологической закономерности. // Вопросы психологии. 1972, №3.
- Бергсон А. Материя и память. С.-Пб., 1911.
- Бердяев Н.А. Сочинения. М., 1989.
- Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1999.
- Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
- Бехтерев В.М. Объективная психология. С.-Пб., 1907.
- Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке. // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
- Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Т.2. М., 1979.
- Боринг Э. История интроспекции. // История психологии. XX век / Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. Москва – Екатеринбург, 2002, с.27-62.
- Бранский В.П. Принцип отражения. Единство диалектики, логики и теории познания // Материалистическая диалектика. Т.1. М., 1981, с.49-70.
- Бранский В.П., Ильин В.В., Кармин А.С. Принцип развития. Онтологический аспект диалектики. // Материалистическая диалектика. Т.1. М., 1981, с.30-49.
- Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н.Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999, с.284-298.
- Брушлинский А.В. “Культурно-историческая” теория мышления. // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.
- Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
- Брушлинский А.В. Два основных подхода к проблеме “биологическое-социальное”. // Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с.131-139.
- Брушлинский А.В. С.Л.Рубинштейн - основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989, с.61-102.

- Брушлинский А.В. Андеграунд диамата. // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000, с.7-13.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
- Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии, 1988, №11, с.3-30.
- Верч Дж. Голос разума. М., 1996.
- Вертгеймер М. О гештальттеории. // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Вундт В. Очерк психологии. С.-Пб., 1897.
- Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. М., 1996.
- Выготский Л.С. О влиянии речевого ритма на дыхание. // Проблемы современной психологии. Л., 1926.
- Выготский Л.С. Предисловие. // А.Н.Леонтьев. Развитие памяти. М.-Л., 1931.
- Выготский Л.С. Проблема развития ребенка в исследованиях Арнольда Гезелла. // Гезелл А. Педология раннего возраста. М.-Л., 1932, с.3-14.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.1. М., 1982а.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.2. М., 1982б.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.3. М., 1983а.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.5. М., 1983б.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.4. М., 1984а.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т.6. М., 1984б.
- Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
- Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка. // Вестник Московского университета. Психология. 1991, №4, с.5-18.
- Выготский Л.С., Леонтьев А.Н. Предисловие. // А.Н.Леонтьев. Развитие памяти М.-Л., 1931.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Гальперин П.Я. Система исторической психологии Л.С.Выготского. Рукопись, 1935.
- Гегель Г.В.Ф. Собр. соч. Т.4. Феноменология духа. М., 1959.
- Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. М., 1970.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977.
- Гезелл А. Педология раннего возраста. М.-Л., 1932.
- Герцен А.И. Былое и думы. Т.1. М., 1969.

- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982.
- Гордеева О.В. Представления Л.С.Выготского о самосознании и влияние на них марксизма // Психологический журнал. 1996, №5, с.31-41.
- Гордеева О.В. Влияние марксизма на разработку проблемы сознания в отечественной психологии. Автореф. канд. психол. наук. М., 1997
- Грушин Б. Логический метод исследования // Философская энциклопедия. М., 1964. Т.3, с.238-240.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Давыдов В.В. Понятие деятельности как основание исследований научной школы Л.С.Выготского // Вопросы психологии, 1996. №5, с.20-29.
- Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 2000.
- Давыдов В.В., Зинченко В.П. Принцип развития в психологии. // Вопросы философии. 1980, №12, с.47-60.
- Давыдов В.В., Радзиховский Л.А. Теория Л.С.Выготского и деятельностный подход в психологии. // Вопросы психологии. 1981, №1, с.67-80.
- Дорфман Л.Я. Исторические и философские корни научного метода в эмпирической психологии. Екатеринбург, 2001.
- Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
- Зинченко В.П. Идеи Л.С.Выготского о единицах анализа психики. // Психологический журнал. 1981, №2, с.118-133.
- Зинченко В.П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996, №5.
- Зинченко В.П. От классической к органической психологии (окончание) // Вопросы психологии. 1996, №6, с.6-25.
- Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
- Зинченко В.П., Лебединский В.В. Л.С.Выготский и Н.А.Бернштейн: сходные черты мировоззрения // Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология. М., 1981, с.64-68.
- Зинченко В.П., Мунипов В.М. Основы эргономики. М., 1979.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- Зинченко П.И. Проблемы произвольного запоминания // Научные записки Харьковского гос. пед. ин-та иностранных языков. 1939, т.1.
- Зинченко П.И. Произвольное запоминание. М., 1961.
- Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.

- Иванова Т.П. О коммуникационных единицах исследовательского сообщества // Системные исследования. 1975. М., 1976.
- Ильенков Э.В. Логическое и историческое // Философская энциклопедия. М., 1964. Т.3, с.242-245.
- Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
- Клацки Р. Память человека. М., 1978.
- Конрад К. Диалектика содержания и формы // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975а, с.309-321.
- Конрад К. Еще раз о диалектике содержания и формы // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975б, с.322-325.
- Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения. 3-е изд. М.-Л., 1927.
- Кузьмин В.П. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма // Вопросы философии. 1980а, №2.
- Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1980б.
- Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал. 1982а, №3.
- Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода (окончание) // Психологический журнал, 1982б, №4, с.3-13.
- Левин К. Динамическая психология. М., 2001.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т.18, М., 1961.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т.29, М., 1963.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1968.
- Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983, с.6-39.
- Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. М., 1990.
- Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1999.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум. М., 2001.
- Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.-Л., 1931.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Предисловие // Л.С.Выготский. Собр. соч. Т.1. М., 1982, с.9-41.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т.1. М., 1983а.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т.2. М., 1983б.
- Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2001.

- Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Психологические воззрения Л.С.Выготского // Л.С.Выготский. Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом. М., 1997, с.156-176.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
- Леонтьев Д.А., Патяева Е.Ю. Курт Левин – методолог научной психологии // К.Левин. Динамическая психология. М., 2001, с.3-20.
- Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.
- Локк Дж. Избранные философские произведения. Т.1. М., 1960.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лосев А.Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983, с.149-170.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Лукиянов И.Ф. Сущность категории “свойство”. М., 1982.
- Лучков В.В., Певзнер М.С. Значение теории Л.С.Выготского для психологии и дефектологии // Вестник Московского университета. Сер.14. Психология. 1981. №4, с.60-70.
- Мак-Гайр У.Дж. Ин и Янь прогресса в социальной психологии: семь принципов // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984, с.32-49.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1935.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.3, М., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.20, М., 1961.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т.21, М., 1961.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т.25, ч.2, М., 1963.
- Марцинковская Т.Д. Густав Густавович Шпет – жизнь как проблема творчества // Г.Г.Шпет. Психология социального бытия. М., 1996, с.5-27.
- Материалистическая диалектика. Т.1. М., 1981.
- Мещеряков Б.Г. Логико-семантический анализ концепции Л.С.Выготского. Диссерт. докт. психол. наук. М., 2000.
- Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Л.С.Выготский и современная культурно-историческая психология // Вопросы психологии, 2000, №2, с.102-116.
- Мукаржовский Я. К чешскому переводу “Теории прозы” Шкловского // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975, с.27-36.
- Обухов В.Л. Сущность триадической формы закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983, с.44-58.

- Овчинников Н.Ф. Отрицание отрицания в развитии научной мысли // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983, с.90-98.
- Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т.3 (1). М.-Л., 1951.
- Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. М., 2001.
- Петленко В.П. Проблемы диалектики развития научных теорий // Материалистическая диалектика. Т.2. М., 1982, с.174-187.
- Петрова Т.М. Методологические особенности количественного выделения структурных единиц науки // Системные исследования. 1975. М., 1976.
- Петровский А.В. История советской психологии. М., 1967.
- Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. М., 1982.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М., 2001.
- Пиаже Ж. Основные проблемы генетической психологии // Вопросы психологии. 1956, №3.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
- Постовалова В.И. Язык как деятельность. М., 1982.
- Пристли Дж. Избранные произведения. М., 1934.
- Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского и современная психология. М., 1986.
- Радзиховский Л.А. О ранних этапах научного творчества Л.С.Выготского // Вопросы психологии. 1979, №2.
- Раусте фон Врихт М.Л. Образ “Я” как подструктура личности // Проблемы психологии личности. М., 1982, с.104-111.
- Рубинштейн С.Л. Из научного наследия // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989, с.364-373.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 4-е изд. С.-Пб., 2001.
- Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С. К вопросу о деменции при болезни Пика // Хрестоматия по патопсихологии. М., 1981, с.114-149.
- Свидерский В.И. О современном понимании закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983, с.59-71.
- Северцов А.Н. Эволюция и психика // Психологический журнал. 1982, №4.
- Селиванов В.И. Волевая регуляция активности личности // Психологический журнал. 1982, №4, с.14-25.
- Сеченов И.М. Избранные труды. М., 1935.
- Симанов А.Л. Понятие “состояние” как философская категория. Новосибирск, 1982.

- Слободчиков В.И. Возрастные нормативы и периодизация развития // Культурно-историческая психология развития. М., 2001, с.88-93.
- Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности и их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999, с.80-117.
- Соколова Е.Е. “Неклассическая” психология А.Н.Леонтьева и его школы // Психологический журнал. 2001, №6, с.14-24.
- Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. 1912.
- Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
- Ткаченко А.Н. Методология разработки единицы анализа психики в истории советской психологии // Психологический журнал. 1983, №2, с.3-14.
- Толмен Э. Поведение как молярный феномен // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
- Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. №10, с.127-137.
- Туровский М. Логическое и историческое // Философская энциклопедия. М., 1964, т.3, с.245-246.
- Узнадзе Д.Н. Психология установки. С.-Пб., 2001.
- Умрихин В.В. Историко-методологическая рефлексия в научном творчестве Л.С.Выготского // Культурно-историческая психология развития. М., 2001.
- Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении. М., 1926.
- Уотсон Дж.Б. Психология с точки зрения бихевиориста // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980а.
- Уотсон Дж.Б. Бихевиоризм // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980б.
- Чеснокова А.Г. О взглядах Л.С.Выготского на предмет психологии (по материалам ранних исследований) // Вестник Московского университета. Психология. 1999. №2, с.69-79.
- Чеснокова А.Г. Проблема осознания в психологической концепции Л.С.Выготского // Вестник Московского университета. Психология. 2000. №1, с.36-47.
- Чеснокова А.Г. Проблема предмета психологии в трудах Л.С.Выготского. Диссертация канд. психол. наук. М., 2001.
- Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984.
- Шкловский В. О теории прозы. М., 1983.
- Шкловский В. За 60 лет. М., 1985.
- Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М., 1996.

- Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л., 1966.
- Эльконин Д.Б. Послесловие // Л.С.Выготский. Собр. соч. Т.4. М., 1984, с.386-403.
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1978.
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- Юм Д. Сочинения. Т.1. М., 1965.
- Яблонский А.И. Стохастические методы научной деятельности // Системные исследования. 1975. М., 1976.
- Ярошевский М.Г. Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. 1971, №5, с.110-121.
- Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. 2-е изд. М., 1974.
- Ярошевский М.Г. Л.Выготский: в поисках новой психологии. С.-Пб, 1993.
- Ярошевский М.Г. Когда Л.С.Выготский и его школа появились в психологии? // Вопросы психологии. 1996. №5, с.110-119.
- Ярошевский М.Г., Гургенидзе Г.С. Послесловие // Л.С.Выготский. Собр. соч. Т.1. М., 1982.
- Baddeley A.D. The psychology of memory. N.Y., 1976.
- Chaplen J.P., Krawiec F.S. Systems and theories of psychology. N.-Y., 1979, 4th ed.
- Lindsmith A.R , Strauss A.Z. Social psychology. N.Y., 1968. 3d ed.
- Scheerer E. Aktuelle Probleme der kognitiven Psychologie // Referat auf der 18 Tagung exp. Psychol., Bochum, 1976.
- Tulving E. Episodic and semantic memory // E.Tulving & W.A.Donaldson (eds.) Organization of Memory. N.Y., 1972.